

Эдвард
РАДЗИНСКИЙ

ЦАРИ

Романовы.
История династии

Эдвард Радзинский

**Цари. Романовы.
История династии**

«Издательство АСТ»

2013

Радзинский Э. С.

Цари. Романовы. История династии / Э. С. Радзинский —
«Издательство АСТ», 2013

ISBN 978-5-17-078028-0

В книгу Эдварда Радзинского вошли три лучших романа о представителях Царской семьи. Елизавета и ее таинственная дочь, Александр II и Николай II.

ISBN 978-5-17-078028-0

© Радзинский Э. С., 2013
© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Последняя из дома Романовых	5
Домики старой Москвы	5
Несколько точных дат	7
Действующие лица: «Орлов со шрамом»	10
Действующие лица: Она	23
Действующие лица: Рибас	27
Действующие лица: Екатерина	31
Секретный агент в XVIII веке	39
Два рассказа об одной женщине	42
Двойные игры в галантном веке	64
Орлов: Сиятельная любовь	75
Христенек: Чин майора	80
Орлов: Последние письма	85
Франциска фон Мештеде: Призрак свободы	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Эдвард Радзинский

Цари. Романовы. История династии

Последняя из дома Романовых

Домики старой Москвы

*Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы.*

Марина Цветаева

Они прячутся в старых, кривых московских переулках. И там, величественные и жалкие, как состарившийся Казанова, греют на солнце свои колонны – облупившиеся белые колонны московских дворцов XVIII века... Зажатые между огромными домами, они выплывают из времени. Миражи. Сны наяву.

Ах, эти дома желтой охры... античный фриз на фронтоне – гирлянды, веночки, летящие гении, за толстыми стенами – прохладная темнота зала... полукруглые печи, чудом сохранившийся расписной потолок... и вековые деревья за оградой.

В дни молодости моей довелось мне жить в таком доме. И в долгие зимние вечера, когда так чудно падает снег и странно светят фонари, я любил сидеть в своем доме... Осторожно ставил я на стол *тот* шандал...

Как он попал ко мне?.. Как уцелел после всех пожаров, войн, революций и отчаянных скитаний несчастной семьи? Когда-нибудь я расскажу и эту историю... когда-нибудь...

Старинный бронзовый шандал со свечой, загороженный маленьким белым экраном в бронзовой рамке, поставлен на столе.

Я погасил электрический свет, засветил свечу – и побежали по потолку, по стенам зала торопливые тени.

И проступило изображение на экране: у горящего камина на фоне высокого окна сидит молодая красавица. Неотрывно глядит она в небольшой серебряный таз, стоящий у ее ног. В тазу по воде плавают крохотные кораблики с зажженными свечами.

Это старинное венецианское гадание. В тот день она решила узнать свою судьбу. О, если бы она ее узнала!

Как я любил разглядывать ее лицо на старинном экране. Томно склонив головку с распущенными волосами, она глядит в серебряную воду. И плавают, плавают свечи на крохотных корабликах. И колеблется неверное пламя.

В эту женщину были влюблены самые блестящие люди века. Ее красоте завидовала Мария Антуанетта. И мечтательный гетман Огинский, и властительный немецкий государь князь Лимбург были у ее ног. Ей объяснялся в любви самый блестящий донжуан Франции – принц Лозен. И граф Алексей Орлов, самый блестящий донжуан России...

Тогда, в том доме, я собирал по крохам все, что осталось, о ней. И, читая полуистлевшие письма истлевших ее любовников, я шептал вслед за ними безумные слова: «Ваши глаза

– центр мироздания...», «Ваши губы – моя религия...», «Ваши руки подобны плющу нежности...» Уходят наши тела... Но страсть и любовь остаются. И все чаще стало мерещиться мне...

Исчезал московский домик Пропадал, тонул в снежной метели.

И видение Санкт-Петербурга: белая петербургская ночь, безжалостный золотой шпиль крепости. И кронштадтский рейд. И силуэты фрегатов в белой ночи.

Несколько точных дат

*Самое неправдоподобное в этой
Истории, что это правда.
Джакомо Казанова*

*Кто не жил в XVIII веке —
тот вообще не жил.
Талейран*

В конце мая 1775 года пришла в Кронштадт из Средиземного моря русская военная эскадра. И хотя люди давно не были дома, никому не было дозволено ступить на берег.

Из именного указа императрицы Екатерины Второй генерал-губернатору Санкт-Петербурга князю Александру Михайловичу Голицыну:

«Князь Александр Михайлович! Контр-адмирал Грейг, прибывший с эскадрой с ливорнского рейда, имеет на корабле своем под караулом ту женщину. Контр-адмиралу приказано без именного указа никому ее не отдавать. Моя воля: чтобы вы...»

24 мая 1775 года.

Была ночь, но во дворце генерал-губернатора Санкт-Петербурга князя Голицына не спали. Князь Александр Михайлович, грузный шестидесятилетний старик, сидел в своем кабинете. Перед ним навтыжку стоял молоденький офицерик – капитан Преображенского полка Александр Матвеевич Толстой.

Тучный князь тяжело поднялся с кресел, пошел к дверям. Распахнул двери: в маленькой комнате, у аналоя с крестом и Евангелием ждал священник в полном облачении.

– Прими присягу, Александр Матвеевич, – обратился князь к капитану.

– Клянусь молчать вечно о том, что надлежит мне увидеть и исполнить... – звучал в тишине голос Толстого.

– И людей своих к присяге приведешь. И растолкуй им, что, коли хоть одна душа узнает, – наказание беспощадное... В Кронштадт поплывете ночью... И вернешься с нею в крепость тоже ночью... чтоб ни одна душа...

И князь обнял капитана:

– Ну, храни тебя Бог!

В ночь с 24-го на 25 мая 1775 года.

Яхта с капитаном Толстым и шестью преображенцами с потушенными огнями плыла из Петербурга в Кронштадт. На берегу и на судах, мирно качавшихся на якорях в устье Невы, давно спали.

Глубокой ночью подплыли к Кронштадту. Неслышно скользила яхта по военному рейду. «Святослав»... «Африка»... «Не тронь меня»... «Европа»... «Саратов»... «Гром»... Стояли на рейде в ночи линейные корабли и фрегаты, залитые призрачным светом.

У шестидесятипушечного адмиральского судна «Три иерарха» яхта замедлила ход.

В каюте капитана Толстого уже ждал контр-адмирал Самуэль Карлович Грейг.

– Весь завтрашний день, капитан, вы и ваши люди проведете в каютах. – Грейг говорил по-французски: он был не так давно на русской службе и плохо владел русским. – Ни с кем

из корабельной команды не видаться и не разговаривать... И только когда на корабле отойдут ко сну...

Ночь, 25 мая 1775 года.

На темную палубу вывели нескольких мужчин и двух женщин. Одна из женщин одета в черный плащ с капюшоном, глубоко надвинутым на лицо.

– Настоятельно прошу вас, госпожа, – обратился Грейг по-итальянски к женщине, – не открывать лица и не говорить ни с кем до прибытия в назначенное место. Непослушание только ухудшит ваше положение.

Не дослушав адмирала, женщина молча направилась к борту. Ее усадили в покойное кресло и спустили вниз – на яхту. Адмирал почтительно помогал ей.

Дважды прозвенели куранты на Петропавловской крепости, когда яхта пристала к гранитным стенам.

В белой ночи на пристани темнела фигура в плаще и треуголке. Яхту встречал сам хозяин крепости – Андрей Григорьевич Чернышев, генерал-майор и Санкт-Петербургский обер-комендант.

Женщина в черном плаще молча глядела на гранитные стены и беспощадный золотой шпиль...

Арестованных быстро размещали по казематам Алексеевского рavelина. Захлопывались двери камер, лязгали засовы...

И в крепости наступила тишина. Будто ничего и не произошло.

Комендант Чернышев торжественно ввел женщину в просторное помещение, состоявшее из трех светлых и, главное, сухих комнаток, что было большой редкостью в крепости, постоянно затоплявшейся Невой. Сие была его гордость – помещение для особо важных преступников.

Женщина сбросила капюшон – и бешено сверкнули ее раскосые глаза.

– По какой причине осмелились арестовать меня? – яростно выкрикнула она по-итальянски.

26 мая 1775 года, ранним утром, в своем кабинете за бюро с медальоном императрицы князь Александр Михайлович Голицын писал донесение:

«Всемиловитейшая государыня! Известная женщина и свиты ее два поляка и слуги и одна служанка привезены и посажены сего дня в два часа поутру за караулом в приготовленные для них в Алексеевском рavelине места под ответ обер-коменданта генерал-майора Андрея Чернышева...»

Прошло два с лишним года.

В ночь на 5 декабря 1777 года в Санкт-Петербурге стояли лютые морозы.

В Петропавловской крепости куранты уже пробили полночь, когда из Алексеевского рavelина обер-комендант Чернышев и солдаты вынесли гроб.

Горели факелы. С трудом копали солдаты смерзшуюся землю.

– Копать веселее! – покрикивал комендант. Все глубже, глубже яма.

Комендант осветил ее факелом, удовлетворенно кивнул. Солдаты опустили гроб и торопливо забросали мерзлой землей.

На рассвете 5 декабря пошел густой снег. Мело, мело по мерзлой земле.

Из рапорта Санкт-Петербургского обер-коменданта генерал-майора Андрея Чернышева:
«...Означенная женщина волею Божьей умре... А пятого числа в том же Алексеевском
равелине той же командой, при ней в карауле состоявшей, была похоронена. По объявлении
присяги о строжайшем сохранении сей тайны...»

Снежная метель разыгралась над Петербургом. Все потонуло в этой метели: дворцы, кре-
пость. И могила.

И к утру не осталось никаких следов – только белое поле у Алексеевского равелина.

Действующие лица: «Орлов со шрамом»

*Я не поручил бы ему ни жены, ни дочери,
но я мог бы совершить с ним великие дела...*
Граф Федор Головкин.

Портреты и воспоминания

Прошло ровно тридцать лет. 5 декабря 1807 года. в Москве, во дворце графа Алексея Григорьевича Орлова в Нескучном, всегда в воскресенье, ждали песельников да плясунов.

По бесконечной анфиладе дворца движется согнутая фигура – чудовищная огромная гнутая спина в шитом золотом камзоле. Тяжелый стук медленных старческих шагов...

Золотая спина шествует мимо портрета в великолепной раме.

На портрете изображен молодой красавец, увешанный орденами, в Андреевской ленте через плечо, на фоне горящих кораблей. Это сам хозяин дворца граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский в молодые годы. Герой, победитель турок в морском сражении в Чесменской бухте, где перестал существовать турецкий флот.

Горят, горят корабли на портрете...

Именно тогда, в 1770 году, французский посол докладывал из Петербурга: «Алексей Орлов – глава партии, возведшей на престол Екатерину. Его брат Григорий – любовник императрицы, он очень красивый мужчина, но, по слухам, простодушен и глуп... Алексей Орлов сейчас самое важное лицо в России. Екатерина его почитает, боится и любит. в нем можно видеть подлинного властелина России».

Тяжелый стук медленных старческих шагов по анфиладе дворца...

Но это все в прошлом. Нынче графу за семьдесят – и он мирно доживает свой век в Москве, вот уж который год изумляя Первопрестольную безудержным, буйным разгулом...

На Масленой граф со свитой – неперемный зритель кулачных боев между воспитанниками Славяно-греческой академии и университетскими...

С превеликим удовольствием наблюдает Его сиятельство, как с дикими криками, гиканьем сходятся молодые парни в кулачном бою на ледяных горах у кремлевской стены. (Горы заливали на месте нынешнего Александровского сада.)

Когда граф был помоложе, то и сам участвовал...

Ох, как страшились дерущиеся, когда в толпе страшно возникала исполинская фигура! И яростно бросалась в общую потасовку.

«В воскресенье, перед дворцом в Нескучном, граф неизменно устраивает бега своих знаменитых рысаков...»

И мчатся по снежной дороге дивные кони... И пляшут перед дворцом столь любимые Его сиятельством скоморохи да песельники... Потешные драки в снегу между шутами и скоморохами непременно сопровождаются милостивым старческим смехом. «Изволили смеяться...»

Как справедливо сказал о графе поэт: «Дыша всем русским, он до страсти любил отечественные развлечения...»

И сегодня, в солнечный морозный день, в доме графа, как всегда, готовились к веселью – ждали троек со скоморохами и цыганами. И граф тоже готовился...

Все ближе тяжелые шаги по роскошной анфиладе. Испуганные лица лакеев.

Громадная согнутая спина в золотом камзоле повернулась – и на фоне портрета молодого красавца возникло изборожденное морщинами, обрюзгшее лицо старика в парике. Слуга в дверях дрожащими руками аккуратно положил кисточкой пудру на его парик.

И старый граф продолжал свое шествие по анфиладе.

В последнее время у графа Алексея Григорьевича появились большие странности: он стал часто заговариваться и еще развилась в нем необыкновенная тяга к щегольству. Теперь каждое утро граф шел через бесконечную анфиладу, и лакеи кисточками накладывали определенные его сиятельством порции пудры на парик. Ох, не дай им Бог ошибиться! Граф сам исчислил количество комнат, которое ему надлежит пройти, чтобы парик приобрел должный вид.

Двигается согнутая фигура... И в дверях каждой следующей комнаты дрожащий лакей украшает пудрой графский парик. И крестится, когда граф проходит мимо...

Старик миновал последнего лакея и очутился в сверкавшей зале: бесчисленные зеркала в холодном зимнем солнце беспощадно повторяли морщинистое лицо графа и страшный шрам на щеке. Современники называли этот шрам «знаком предсмертного отчаяния». И с ужасом уверяли, что получен он был в Ропшинском дворце, где граф задушил свергнутого императора Петра Третьего. Но иные утверждали, что сей шрам попросту заслужен графом в пьяной драке. Так или иначе, но, отличая его от остальных четырех братьев Орловых, Алексея Григорьевича прозвали «Орлов со шрамом».

Усмехаясь, старик оглядывал себя в зеркалах – он доволен.

– Отменно... Не стыдно будет на балу сегодня, – обращается он к крохотному старичку в мундире, с Чесменской медалью.

Тридцать восемь лет назад сержант Изотов закрыл грудью графа от турецкой пули в знаменитом Чесменском бою. И теперь доживает век в его доме, являясь нынче основным собеседником того, кто именовался когда-то «властелином России».

– Когда цыгане с плясунами да песельниками придут – пустить их на бал. *Она* веселье любила, – радостно приказал граф.

– Да какой же нынче бал, Ваше сиятельство? Никакого бала у нас нет, – удивился старый слуга.

– Ан есть, – с торжеством ответил граф. – Пятое число сегодня – ее день... Схоронили ее... В этот день она ко мне на бал каждый год приходит. И сегодня жду... Любила балы. Как же она любила балы! Непременно пожалует.

– Да что ж вы, Ваше сиятельство... Алексей Григорьевич? – прошептал старый сержант.

Граф посмотрел на испуганного старика мутными глазами. На мгновение сознание вернулось к нему.

– Подать мое яблоко, сержант, – приказал он весело. Старый сержант заулыбался: он любил эту молодецкую шутку. Он достал из кармана заготовленное яблоко. Граф взял яблоко и легко раздавил его двумя пальцами. И счастливо засмеялся.

– Что яблоко! Говорят, вы быка одним ударом прихлопнуть могли, – подобострастно сказал Изотов.

– Да что быка! Я государя императора Петра Федоровича одним ударом... – И бешеные глаза человека со шрамом взглянули на несчастного сержанта. Тот только перекрестился.

И вновь глаза графа помутнели.

– Что же мы тут... гости никак пожаловали? – И граф торопливо пошел к высоким дверям залы.

Он широко распахнул двери и склонился в низком поклоне:

– Матушка государыня к холопу своему... А мы как раз про мужа твоего убиенного... да про «известную женщину» толкуем...

Граф не договорил и вновь склонился в поклоне:

– А вот и консул английский сэр Дик с распрекрасной супругой своей... много способствовал сей англичанин в поимке «известной женщины»... А вот и адмирал Грейг... большие заслуги и у него в этом деле были.

Граф стоял один в пустой зале и бесконечно церемонно раскланивался с пустотой, встречая ушедшую эпоху. А сзади полумертвый от страха Изотов только приговаривал:

– Ваше сиятельство... Ваше сиятельство...

Но граф не слышал. Он видел, как в залу вошла *она*. Как тогда, на корабле, на ней был длинный черный плащ с капюшоном, надвинутым на лицо...

Граф захрипел и упал навзничь на драгоценный паркет.

К дворцу уже подлетали тройки. С визгом и хохотом соскакивали цыгане, удалые скomorохи да плясуны. Обезумевшие люди графа бестолково носились перед домом, разгоняя приехавших.

Граф умирал. Умирал тяжело, в муках. Речь отказала – он хрипел. И глаза его наполнялись слезами. Он лежал на огромной кровати, под потолком, украшенным плафоном «Триумф Минервы»: аллегория триумфа императрицы Екатерины Второй в войне с турками.

На стене висел парадный портрет императрицы: Екатерина со скипетром и короной.

На столике у кровати лежал золотой медальон в форме сердца, осыпанного бриллиантами. Медальон был раскрыт, и внутри него улыбалась все та же императрица.

Только трое во всей России имели право носить такой медальон. Два фаворита императрицы – Григорий Орлов и Григорий Потемкин. И он... Но сейчас этого никто не помнил, и никого это не интересовало. И старый медальон пылился на столе, и старый человек, окруженный императрицами, умирал в постели.

Иногда он забывался. И в забытии слышал собственный голос. И видел лицо деда, так напоминающее чье-то лицо.

– Чье лицо? – прошептал он.

И понял: его лицо... лицо старика, умирающего сейчас в постели.

– Не всегда был я старый, внучек, – говорил дед, – молодой был, да отважный, да забиячливый. И за то прозвали меня товарищи Орлом. А Петр Алексеевич только Россией начал править. И мы – стрельцы – великий бунт против него учинили. Велено нам было голову сложить на плахе.

Он видел...

...как поднимался его дед на плаху... как под ноги деду покатила отрубленная голова казненного стрельца. И, с усмешкой взглянув на усталого палача, уже поджидавшего его с топором, дед, как мячик, откинул ногой отрубленную голову. И, засмеявшись, положил свою – под топор, на плаху.

– Увидел царь – и понравилось ему бесстрашное озорство мое, – слышал он голос деда. – И помиловал он меня. Помни, внучек: до конца имей надежду и смерти не бойся.

– Смерти не бойся, – беззвучно шептали губы старого графа. Около постели графа сидела Анна, любимая, единственная дочь графа. Ее мать умерла сразу после ее рождения. Сейчас Анне исполнилось двадцать лет.

Анна всматривалась в изуродованное страданием лицо графа. В глазах старика стояли слезы. Он о чем-то просил, что-то хотел сказать. Но она не могла его понять и только умоляюще шептала:

– Что прикажете, папенька?

– Сына просят, – сказал сзади Изотов, – за сыном велют послать.

Старик умоляюще кивнул.

– Пошлите за Александром, – сказала дочь и заплакала.

И опять граф впал в беспамятство. И опять он видел деда своего – старого Орла.

Они стояли перед дедом в ряд, пять красавцев гвардейцев, пять родных братьев.

– Пять братьев вас, пять Орлов... Ты, Гришка, самый красивый, – подмигнул дед Григорию. – Но зато ты, Алешка... – И дед глянул на Алексея. – А ну, покажи нам...

Привели быка. Черный, огромный, бык неподвижно стоял перед братьями. Алексей подошел к быку. Сжал пудовый кулак. И одним страшным, быстрым движением ударил быка меж рогами... Качнулся бык. Рухнул как подкошенный. Крик восторга вырвался у братьев.

– Да, ты самый сильный, – шептал дед, – но ты и самый буйный, осторожки в тебе нет. Но на то, внуки, даден вам брат Иван. – И он ткнул в старшего брата. – Он самый хитрый, и он отца вам вместо. А Владимир да Федор – младшие, всем вам преданы. Одна душа и одна голова... Покуда вместе будете, никому вас не сломить!

Императрица на потолке улыбалась.

– Сломил... – слышал свой голос умирающий граф, – одна ты нас всех сломила.

И он увидел императрицу совсем молодой великой княгиней на том балу.

– Тогда все ночи танцевали, – усмехнулся старик, – Елизавета села на трон после переворота... Был он ночью устроен... И теперь по ночам боялась спать. И Петербург танцевал, танцевал до утра. Бал... бал...

Они стояли в дворцовом зале – Григорий и Алексей, два красавца – высоченные, в блестящих гвардейских мундирах.

– Ох и хороша великая княгиня. Ей-ей, хороша! – шептал Григорий.

Екатерина, танцую, вдруг обернулась.

– Отметила! – зашептал Григорий и совсем приник к уху брата: – Загадал, коли сейчас еще обернется... Ну, обернись, душа ты моя!

И опять, танцую, Екатерина мельком взглянула на братьев. И улыбнулась.

– Моя будет, – прошептал Григорий.

– Да ты в своем уме? – лукаво взглянул на брата Алексей. И восхищенно добавил: – Ох, Гришка! Ну враг! Суший враг!

Торжественно раскрылись парадные двери. Вошла высокая, полная, немолодая дама в роскошном платье.

– Императрица... Елизавета Петровна... – несло по зале.

– Модница была... не нашивала одно платье два раза. После смерти остались в ее гардеробе пятнадцать тысяч платьев... – шептал старик.

За императрицей следовал тоже высокий, тоже дородный и тоже немолодой господин: граф Алексей Григорьевич Разумовский – фаворит и, как утверждала молва, тайный муж Елизаветы.

– Вот он, ночной император, – шептал Григорий Орлов брату. – А ведь простым певчим был, грамоты не знал... В хоре его увидела да и влюбилась без памяти. Попал в случай...

За Алексеем Разумовским важно вышагивал господин помоложе, столь же высокий и величественный – граф Кирилла Григорьевич Разумовский, родной брат Алексея, гетман Малороссии.

– А ведь недавно этот гетман свиной пас, – шептал Григорий. – Сам мне рассказывал: когда Алексей фаворитом стал, послал за ним офицера.

А Кирилл решил, что его в солдаты хотят упечь... со страху на дерево залез и три дня там просидел. С голодухи только слез. А теперь – вон они! Что *случай* делает! – И добавил лукаво: – А ведь они тоже братья и на нас с тобой похожие – такие же здоровенные... Только мы красивее да умнее.

И опять Екатерина, танцуя, взглянула на братьев...

Потом старик увидел Москву, зиму... Бежали сани. В санях они: Григорий и Алексей – молодые, в распахнутых шубах... Проезжали мимо белых колонн дворца на Покровке...

– Тпру! – закричал Григорий. И остановились сани.

Вот он дворец графа Алексея Григорьевича Разумовского. В переулке на холме за дворцом виднелась церковь.

– Церковь Воскресения в Барашах, – усмехался Григорий. – Здесь он тайно повенчался с императрицей... А может, и нас с Катериной когда-нибудь повенчают, да не тайно!

Алексей уставился на брата.

– Моя она, – усмехнулся Григорий, – любит меня без памяти... все сделает, как я скажу...

– Ох, Гришка, – любуясь братом, сказал Алексей. – Ей-ей, сущий враг!

Екатерина, прекрасная, молодая, танцует с Григорием. И открытое безумное женское счастье на ее лице...

Умиравший старик глядел на императрицу на потолке и шептал беззвучными губами:

– Ах, эти гордые твои фавориты, они всегда думали, что они выбрали тебя, а это ты их выбирала. Счастливая, ты всегда любила тех, кто был тебе нужен. Нас было пятеро братьев... удалцы-кутилы, любимцы гвардии... И ты взяла Григория и взяла тем нас всех... и всю гвардию. Ты знала: скоро... скоро умрет Елизавета. И тогда муженек, тебя ненавидевший, упечет тебя в монастырь да и женится на полюбовнице. И ты готовилась... Екатерина Великая... Екатерина Предусмотрительная.

Граф застонал. Изотов и Анна перевернули его на другой бок. Теперь он видел гроб. В гробу лежала императрица Елизавета. Молодая Екатерина стояла на коленях у гроба, и слезы лились по ее лицу...

– Ты всегда умела плакать, когда хотела, – шептал старик императрице на потолке.

Гвардейцы стеной окружали гроб.

– Ишь как убивается, – сказал Иван Орлов.

– А император, муженек ее, в это время бражничает со своими немцами да с полюбовницей горбатой, – усмехался Григорий Орлов в другом конце зала.

– Опять немцы сядут нам на голову, – вздыхал Владимир Орлов, окруженный гвардейцами.

– А ведь матушку Елизавету Петровну отцы наши на трон посадили, – тихо начал Алексей и умолк.

– Дело говорит, – зашептали в зале.

Старик вспоминал. Точнее, это не были воспоминания. Просто когда боль отпускала, он уходил в ту жизнь. И жалкое, беспомощное тело, лежавшее на огромной кровати под балдахином, было не его тело... Его тело жило в той жизни – великолепная, мощная плоть...

– Скоро... скоро оно на бойню пойдет, – беззвучно смеялся старик.

Бал в разгаре – первый бал после траура по умершей императрице. Неряшливый, дрожащий старик в старом серебряном камзоле стоял у колонны.

– Лесток, лейб-медик умершей императрицы, – шептал Иван Орлов Григорию и Алексею, – его только что вернули из ссылки... Двадцать лет пух там от голода. А ведь это он когда-то Елизавету на трон сажал. Попомните, братья, как она его отблагодарила.

И еще один старик – в мундире с золотым шитьем, в орденах и лентах – вошел в сверкающую залу.

– Фельдмаршал Миних, – шептал Иван, – и его из Сибири вернули... Двадцать лет подряд господин фельдмаршал, полуголодный, картошку там себе на пропитание сажал. А ведь какую власть имел. Вот до чего тщеславие доводит.

– Ничего, они вернулись, – захохотал Алексей. – По мне, или все – или плаха.

– О плахе для нас, видать, уже заботятся, – усмехнулся Иван. И кивнул на молодого гвардейца, танцевавшего менуэт. Танцуя, гвардеец нет-нет да и посматривал на братьев. – Адъютант императора Перфильев... Говорят, его к нам приставили, – шептал Иван.

– Ба! Да он же игрок! Уж я-то знаю, как задобрить подобных господ! – смеялся Григорий. – Теперь каждую ночь стану проигрывать ему в карты. И он будет доволен, и император спокоен: ночью мы картами заняты. Ведь по ночам у нас перевороты делаются!.. Но торопитесь, братья, иначе разорюсь!

– Ты прав. – время выступать! – сказал Алексей. – Откроют заговор – только наши головы полетят... Катька Дашкова – сестра родная любовницы государя, ее, конечно, помилуют. Никита Панин каждый день иное говорит, один Бог ведает – с нами он или нет. Кириллу Разумовского его брат Алексей с плахи за уши вытянет. Сама Екатерина вообще будет ни при чем... Только наши головушки...

– Ага, – засмеялся Григорий. – Если мою первой отсекут...

– Ага, – захохотал Алексей. – Уж я, как дед, пну твою дурацкую голову!

В гвардейских казармах шла большая игра. Играли – Перфильев, Григорий Орлов, офицеры-измайловцы, когда вошел Алексей Орлов. Поманил брата. Весело поманил, будто собиравшись поведать о чем-то забавном.

– Я сейчас, господа. – Григорий бросил карты, подошел к Алексею, сопровождаемый внимательным взглядом Перфильева.

Будто рассказывая о веселом и все хохоча, Алексей сказал брату:

– Капитан преображенцев Пассек утром арестован императором. Заговор раскрыт...

– Кто сообщил?

– Никто не ведает... Но откуда-то слух, что арестовали его и раскрыт заговор. Теперь эта сумасшедшая девчонка, Дашкова, носится по Петербургу с этим слухом... Она всех нас под топор подведет. Времени нет, надо действовать. Фортуна за нас: император пьянствует в Ораниенбауме... на скрипиче играет... Екатерина одна в Петергофе. Осталось одно: привезти ее в Петербург и объявить императрицей.

– Слушает, – кивнул Григорий на Перфильева.

– Вижу... вернешься к столу... продолжишь игру... И напой хорошенько, чтоб бела света не видел... Я отправляюсь сей час в Петергоф – за Екатериной. На рассвете жди меня на пятой версте у Петербурга со свежими лошадьми. Ну?

– С Богом, брат, – и до встречи: во дворце или на плахе.

– Ух, как я пну тогда, Григорышко, дурацкую твою голову! Григорий возвращается к столу. Перфильев вопросительно глядит на него.

– Презабавное амурное дельце предложил мне брат. Но я, как всегда, предпочел игру, – улыбнулся Григорий.

– А я, как всегда, даму, – захохотал в дверях Алексей. – Пожелайте мне удачи... с дамой. – И он весело подмигнул Перфильеву.

Старик шептал, глядя на Екатерину, парящую на потолке:

– Ах эта ночь... Тогда была белая теплая ночь... 28 июня... и двадцать восемь верст надо было проскакать до Петергофа – я отметил это странное сочетание цифр...

Карета, запряженная шестеркой, мчалась по дороге в Петергоф. На козлах – кучер, в карете за занавесками – Алексей Орлов. Рядом с каретой верхом скакал молодой офицер – капитан-поручик Василий Бибииков.

– Послушай, не торопись, береги лошадей, – сказал из кареты Алексей.

– Я люблю Петергоф, Алеша, – мечтательно отвечал с лошади Бибииков. – Там все: статуи, фонтаны, рощи – служат увеселению чувств...

– Береги, береги лошадей, Бибииков.

– А коли ударят тревогу, когда подъедем? – вдруг спросил Бибииков.

– Тогда – руби, Васька! – засмеялся в карете Орлов. – Мы должны захватить императрицу.

Подъехали к ограде Петергофского дворца. У ограды ни души – ни караульных, ни сторожей.

– Дворец не охраняем... странно, Алеша, – зашептал Бибииков. – Останься с лошадьми. И Орлов выпрыгнул из кареты.

Осторожно открыл решетку главного входа. И ступил в парк.

В парке – ни души. Он крался мимо цветника к дворцу «Монплеизир». И здесь ни души.

И тогда Орлов начал хохотать. Он шел по пустому парку и хохотал во все горло:

– Какой же ты болван, батенька... Не охраняется. Это она сторожей сняла... она слух пустила, что Пассек арестован за заговор, чтоб всех нас на дело поднять. А сама ни при чем. Сама будто безмятежно спит. Если заговор сорвется – объявит, что мы увезли ее силой. Ай да Катерина! Ох, врагиня!

Он подошел к «Монплезиру» – маленькому дворцу, построенному еще Петром Великим. Обошел дворец, остановился у потайной двери.

Коли я прав, потаенная дверь в ее покои будет открыта... Толкнул – и дверь легко распахнулась... Усмехнувшись, он вошел во дворец.

Торопливо взбежал по лестнице. Рядом со спальней Екатерины – ее уборная. И, проходя, он увидел золотое нарядное платье, разложенное на креслах.

– Ну как же... Сегодня из Ораниенбаума император ее навещает... платье приготовили... Вряд ли кого найдете здесь, батюшка император Петр Федорович.

Распахнул дверь в ее покои. Екатерина спала. От стука проснулась, открыла глаза.

– Пора вставать, – жестко сказал Орлов. – Все готово для вашего провозглашения.

– Как?.. Что?! – играя пробуждение, удивилась Екатерина.

– Пассек арестован. Остальное расскажу по дороге, не время медлить.

– Который час? – спросила она деловито.

– Шесть утра. – И добавил: – Ваше императорское величество государыня Екатерина Вторая.

Она сидела на постели – простоволосая, в сорочке... Он посмотрел на нее. Она усмехнулась. И тогда...

Старик глядел на акварель над кроватью. Под акварелью стояла подпись: «Отъезд из Петергофа 28 июня 1762 года».

– Англичанин Кестнер акварель эту изготавил. И только для нас с тобой... чтобы помнили мы тот день...

Вот я веду тебя к карете... а этот вблизи кареты стоит – камердинер твой... В воротах твоя камер-фрау... а этот, верхом на лошади, – Васька Бибииков... А это – зеваки, рабочий люд... Не узнали они тебя, оттого шапки у них на головах...

Орлов вскочил на козлы рядом с кучером:
– С Богом!
Карета понеслась в Санкт-Петербург.

Тысячи людей – у храма Казанской Божьей Матери. Гвардейцы теснили толпу. Екатерина в черном платье поднималась по ступеням собора, окруженная братьями Орловыми. За ними – Кирилл Разумовский, Никита Панин, гвардейские офицеры. Алексей Орлов громовым голосом провозгласил со ступеней:

– Матушка наша самодержица – императрица Екатерина Алексеевна!

Вопли восторга, крики толпы, «ура!» гвардейцев. И под перезвон колоколов навстречу Екатерине вышло духовенство...

Императрица на потолке улыбалась.

– Как я тебя знаю. Никто так тебя не знал, матушка государыня, – шептал старик.

Карета с закрытыми занавесями, окруженная гвардейцами, подъехала к Ропшинскому дворцу. Впереди на лошади – огромный, тяжелый Алексей Орлов. Из кареты вывели низложенного императора...

– Он дал себя свергнуть легко, как ребенок, которого отсылают спать, – шептал старик.

Петр Федорович входит во дворец. Худенький, жалкий, похожий на мальчика, он совсем потерялся рядом с исполином Орловым. Полуобняв за плечи, Алексей Орлов вводит его в спальню – место заточения.

– Она поручила мне охранять свергнутого императора... Поручила... зная, что Гришка хочет стать ее мужем, – шептал старик – Но пока был жив этот несчастный выродок, ее законный свергнутый муж, Гришка мужем-то стать не мог... И она все-таки поручила его *нам*. Яснее своей воли не выскажешь!

– Позаботься о нем, Алексей Григорьевич, – говорит Екатерина, – муж он мне все-таки. И не должен он терпеть ограничений ни в чем, кроме свободы. Следи, чтоб не обижали.

– Не изволь беспокоиться, волю твою исполню. Екатерина, не выдержав его взгляда, отворачивается.

Ропшинский дворец окружен гвардейцами. У входа в спальню бывшего императора – гвардейцы со штыками.

– Я запер его в спальне, и этот недавний самодур и деспот сразу превратился в жалкого забитого мальчика. Злодеи не умеют достойно переносить несчастья и слабы духом.

– Я прошу вас привезти мою собаку, мою обезьянку и скрипицу, – подобострастно заглядывая в глаза Орлову, просит Петр.

– Чего ж не привезти? Я привез... Я быстро стал лучшим другом этого дурачка. Иногда я над ним... шутил.

В спальне Орлов играл в карты со свергнутым императором.

– Алексей Григорьевич, дозвоьте немного погулять в саду. Душно мне в спальне, какой день без прогулки...

– А чего ж, погуляй, Ваше императорское величество.

И Орлов подмигнул часовым. Петр резво вскочил со стула, по-мальчишески подбежал к дверям. И тотчас часовые скрестили штыки перед его грудью.

– Не пускают, – почти плача, закричал Петр.

– Пропустить императора! – повелительно приказал Орлов. И опять подмигнул часовым.

И снова Петр опрометью бросился к дверям. И снова солдаты молча скрестили штыки...

– Не слушают! – кричит император.

– Не слушают, – сокрушается Орлов. – Видать, матушка, жена твоя, не слушать тебя им приказала. Вот ведь какое дело, Ваше императорское величество.

– И очень скоро – шестого июля... *случилось*... – шептал старик. Упал канделябр... темнота в спальне... яростная возня... и жалкий, слабый крик...

– Горло, горло, – хрипит в темноте Орлов.

– Кончай ублюдка, – пьяно ярится чей-то голос.

И тонкий, задыхающийся вопль. И тишина... только тяжелое дыхание людей в темноте.

Старик плакал – он видел лицо императора, освещенное дрожащим светом свечи, нелепо задранную жалкую ногу в сапоге...

– Прости, Христа ради... Но не расстались мы с тобой, убиенным. Повстречаться пришлось... Это когда государыня умерла. И Павел – сын ее – на престол взошел. Не твой, ее... Потому что сам ты не верил, что он твой сын. И Павел не верил. И оттого сразу, как сел на трон, обществу стал доказывать, что сын он тебе законный, – любовь к отцу стал выказывать...

1796 год.

В Зимнем дворце старик Орлов, в аншефском мундире с шитьем и Андреевской лентой, стоял перед Павлом. Павел глядел на него с яростной улыбкой.

– Решили мы священные останки отца нашего, государя Петра Федоровича, перенести из Александро-Невской лавры туда, где им покоиться надлежит, – в нашу царскую усыпальницу. И захоронить прах отца нашего рядом с супругой его, светлой памяти государыней Екатериной Второй... Торжественная церемония перенесения праха на завтра назначена. И решили мы оказать тебе великую честь – пойдешь за гробом отца нашего. – Павел пронзительно глядел на Орлова. – Впереди гроба должны нести корону императорскую. Ту самую, которую у него отняли... И я все думал, кому сие поручить?... Да, да, граф, – *ты* понесешь!

– Великая честь, Ваше величество... Но на длительной службе государыне и отечеству здоровье потерял. Ноги не ходят, а путь длинный...

– Неси! – бешено закричал Павел. И протянул корону на золотой парчовой подушечке.

И я понес...

Двигается торжественная процессия. С трудом передвигая ревматические ноги, несет корону на золотой подушечке старый граф Алексей Григорьевич.

– Он думал, – шептал старик, – что я со страху... Потому что холоп... А я... как покаяние... Он задумался и прошептал:

– А может, потому, что холоп?

И старик вновь вернулся в те счастливые времена после переворота.

– Мы все... все тогда могли. И Гришке путь к августейшему браку был открыт.

Императрица на потолке улыбалась.

Избранный кружок императрицы в Зимнем дворце. Никита Панин, Алексей Орлов и Кирилл Разумовский за ломберным столиком играли в карты.

– Мы всем, всем тогда владели! – шептал умирающий старик. Григорий Орлов, развлясь, сидит на диване. У него сломана нога. Екатерина заботливо подает ему бокал с вином на серебряном подносе.

Григорий выпил, поставил бокал на поднос, с усмешкой оглядел играющих. И вдруг нежно обратился к императрице:

– Как думаешь, матушка, достаточно мне месяца, чтоб с престола тебя сбросить, коли захочу?

Наступила тишина. Екатерина побледнела, молчала. И тогда Кирилла Разумовский, продолжая игру, сказал как ни в чем не бывало:

– Что ж, наверное, оно и так, Григорий Еригорьевич... Только и трех дней не прошло бы, как мы бы тебя вздернули!

Панин засмеялся, улыбнулась и Екатерина – светски, будто ничего не произошло.

Поняла тогда, что сильна уже не одними нами... И опять он видел торжествующее лицо Григория.

– Наша взяла, Алеша, дотерзал я ее, пойдет за меня замуж. Все как мечтали мы с тобой. Завтра князя Воронцова посылает к старику графу Алексею Разумовскому. Указ подготовлен – объявить его Императорским высочеством. Чтоб тайный брак его с Елизаветой сделать явным. И тем дорогу к нашему с Катериной браку проложить. Она говорит: прецедент нужен... Но Воронцов против, и Панин против, и Кирилла Разумовский... Езжай с Воронцовым, Алеша. Боюсь одного его пускать. Ведь к царству идем, брат...

Воронцов и Алексей Орлов поднялись по мраморным ступеням Аничкова дворца. Вошли в залу.

У горящего камина, спиной к ним, сидел старый граф Алексей Разумовский. Он сидел сгорбившись, смотрел в огонь. На коленях у него лежало раскрытое Евангелие.

– Мы пришли от государыни, – начал Алексей.

– Не трудитесь, молодые люди, я знаю причину вашего прихода, – сказал старик, не оборачиваясь.

Князь Воронцов торжественно развернул лист, украшенный гербами.

– Вот проект указа, объявляющего вас Императорским высочеством... В обмен я должен получить от вас бумаги, удостоверяющие действительность некоего события.

– Государыне известно, что бумаги о совершении тайного брака у вас есть, – жестко перебил Орлов.

Разумовский молча взял проект указа из рук Воронцова. Пробежал глазами. И молча вернул Воронцову.

Все так же, не произнося ни слова, он поднялся с кресел. Подошел к комоду, на котором стоял ларец черного дерева, окованный серебром. Отпер ларец. Из потайного ящичка вынул бумаги, обвитые розовым атласом. Атлас аккуратно уложил обратно в ларец, а бумаги начал читать, не прерывая молчания. Прочитав бумаги, перекрестился. И бросил их в горящий камин.

– Проклятие, – прошептал Алексей. Разумовский опустил в кресло и наконец произнес:

– Я был верным рабом Ее величества покойной императрицы Елизаветы. Ничем более. И желаю быть покорным слугой императрицы Екатерины. Просите ее, молодые люди, о благосклонности ко мне.

– Угадал твое тайное желание проклятый царедворец, – шептал старик императрице на потолке, – и ты знала, что он угадает...

Лицо Екатерины. Улыбаясь, она обращается к Алексею Орлову: – Ну что ж, почтенный старец оказался всех нас умнее... Тайного брака не было, и шепот о нем всегда был для меня противен.

– Вот после того я захворал... да чуть было не помер с обиды за брата..

Лицо Екатерины склонилось над Алексеем.

– Сколько в беспамятстве пролежал. – Она улыбалась благодетельной своей улыбкой. – Доктора вылечить не могут, потому что не знают: богатырь ты – и не можешь жить в праздности... Это брат твой по месяцу кутить может, а тебе без дела нельзя – хвораешь без дела... Войну с турками начинаю. Тебе флот поручаю – весь флот в архипелаге под твое начало...

Над кораблями взвивается Андреевский флаг.

– Не ошиблась, – шептал старик, – отменно выбирала людишек... Это я, Алешка Орлов, который моря-то прежде не видел, шлюпкой управлять не умел, загнал турецкий флот в Чесменскую бухту и сжег турецкие корабли...

Вопль «ура!» из тысячи глоток. Грохочут пушки.

Картина на стене, изображавшая Чесменскую баталию (как много изображений знаменитого боя развешано по комнатам дворца!), надвинулась на умиравшего старика...

Исполинская фигура Орлова – на адмиральском судне «Три иерарха» Лицо со шрамом, искаженное бешенством, яростью боя...

А потом на том же корабле он увидел...

Григорий Орлов в фантастическом камзоле, усыпанном бриллиантами, стоял на палубе.

– Гришка?! Ну, красавец! Ну, враг!... Ты тут зачем? Они обнялись.

– Матушка послала – мир добыть у турок...

– И ты... ее оставил?! Оставил Петербург? С ума спрыгнул?

– Глупец ты, Алеша... Я – все для нее! Я ей руку на спину положу – и уж обмерла... Баба, одно слово! Знаешь, как она величала меня, посылая?.. «Ангел...» «Посылаю ангела мира к этим страшным бородатым туркам».

И он захохотал.

– Прост ты, Гриша, ох как прост... Неужто не понял, что случилось? Она нас *обоих* из Петербурга отослала!

Но Григорий только смеялся.

А потом он получил пакет из Петербурга...

Григорий читает письмо – в бешенстве комкает бумагу, топчет ногами. И крик, вопль:

– Лошаде-е-ей!!

И уж карета мчит через всю Россию.

– Гони, гони, – вопит из кареты обезумевший Григорий.

– Куда гнать-то, милоч? Во дворце уже другой! – усмехнулся старик.

Улыбающееся благосклонной улыбкой лицо Екатерины.

– Я многим обязана семье Орловых. И осыпала их за то богатством и почестями. И всегда буду им покровительствовать. Но мое решение неизменно. Я терпела одиннадцать лет! И теперь хочу жить, как *мне* вздумается. И вполне независимо...

– Уже появился во дворце другой Гришка – Потемкин. Главный фаворит. Это мы его во дворец ввели когда-то. И за то ненавидел он нас – ох ненавидел! И мы его...

– Что касается вас, Алексей Григорьевич, расположение мое к вам неизменно. Вы по-прежнему являетесь начальствующим над нашим флотом в Средиземном море. И никто по-прежнему не вправе требовать ни в чем у вас отчета. Надеюсь, что пребывание ваше в Италии и впредь будет столь же приятным, – улыбнулась с портрета Екатерина.

– Это был приказ: сидеть в Италии, а в Петербург ни ногой. Боялась нас матушка, – засмеялся старик, – Гришку-брата целый год в Петербург не пускала. Потом пустила. А меня – нет. Двое Орловых – слишком много для одного Санкт-Петербурга! Крепко запомнила...

Лицо Григория:

– Как думаешь, матушка, достаточно мне месяца, чтобы сбросить тебя с престола, коли захочу?..

– И вот *тогда*, в Италии... – прошептал умирающий старик. Екатерина усмехнулась на портрете.

– Никого... Никого ты не любила... ни Гришку Потемкина, ни Гришку-брата... ни всех бесчисленных твоих любимцев случая... И я тогда никого не любил. И оттого мы так хорошо понимали друг друга... пока *тогда в Италии*...

Старик вновь увидел лицо *той* женщины. Она склонилась над постелью...

Его сын наклонился над постелью – Александр Чесменский, незаконный сын.

– Папенька, Александр пришел... – сказала Анна.

– И румянец у него чахоточный, – беззвучно шептал старик, – *ее* румянец.

– Он не узнаёт, – жалко сказала Анна молодому человеку, – побудьте пока в той комнате, Александр.

– Впору причащать, – сказал сзади Изотов.

– За митрополитом Платоном послали, – пролепетала Анна.

– Тогда в Италии... Тогда в Италии... – шептал старик. – Сколько же я не видел тебя? Тридцать три года. Цифра-то особая...

Женщина шла к нему из темноты...

– Он что-то просит, – беспомощно обратилась к Изотову Анна.

– Шандал велят подвинуть, – сказал Изотов, глядя на шевелящиеся губы графа.

Старый сержант поднял бронзовый шандал с экраном, стоявший на бюро.

Перенес к постели. И зажег свечу. На экране проступило изображение *той* женщины. Она сидела у камина и глядела в серебряный таз. В тазу плавали кораблики с зажженными свечами.

Вошел слуга и тихо сказал Анне:

– Митрополит Платон больны-с... Велели сообщить – викария своего пришлют.

– Не захотел!.. Не захотел! – в ужасе шептала Анна. Старик глядел на экран.

И кораблики в тазу превращались в огромные корабли. Она стояла на палубе, как тогда. В том же плаще с капюшоном, надвинутым на лицо.

Она сбросила капюшон – и страшные, беспощадные, горящие глаза уставились на графа... Старик захрипел.

26 декабря 1807 года.

Величественный старец сидел за грубой, старинной работы конторкой – митрополит Московский и Коломенский Платон, автор знаменитой «Краткой русской церковной истории».

«Этим трудом он достойно завершил XVIII век и благословил век XIX» – так оценил его сочинение великий историк Сергей Михайлович Соловьев.

Митрополит обмакнул перо и записал: «26 декабря 1807 года. Граф Орлов умер. Меня присылали звать... Но могли я согласиться по слабости моей?..»

Действующие лица: Она

Был сентябрь 1774 года. В Ливорно на рейде выстроились корабли русской эскадры. Ветер – ветер в парусах кораблей, и белые трепещущие крылья чаек, и трепещущие флаги.

И заполнившая набережную вечная итальянская толпа жестикулирует, хохочет. В разноцветной толпе темнеют широкополые шляпы и черные плащи художников. Похожие на карбонариев, они сидят за мольбертами.

Но вот притихла толпа – все смотрят в море: ждут.

Главкомандующий русской эскадрой граф Алексей Григорьевич Орлов устраивает небывалое зрелище – «Повторение Чесменского боя».

Дымок на борту адмиральского судна «Три иерарха» – ударила пушка. и загорелся фрегат «Гром», изображавший корабль турок. Крик восторга пронесся в толпе. с набережной было видно, как забегали по палубе «Грома» матросы, пытаясь тушить огонь.

И опять показался дымок на адмиральском корабле, и опять ударила пушка. «Гром» пылал, охваченный пламенем с обоих бортов. Толпа неистовствовала.

Карета, запряженная парой великолепных белых рысаков, въехала на набережную. Слуга распахнул дверцы, украшенные гербами, и в белом камзоле с золотым шитьем восторженной толпе явился сам Главкомандующий.

Граф почтительно помог выйти из кареты белокурой красавице в пурпурной тунике. Это Кора Олимпиада, итальянская поэтесса, увенчанная лаврами Петрарки и Тассо в римском Капитолии, очередная страсть графа. Злые языки утверждают, что сегодняшнее зрелище устроено по прихоти романтической дамы.

Рукоплещущая толпа окружила графа и поэтессу. Простерши руки к морю, белокурая красавица начинает читать стихи Гомера о гибели Трои...

Кровавая туника на фоне моря, горящего фрегата... Божественные звуки эллинской речи... Капризный чувственный рот поэтессы... Орлов с нетерпением слушал чтение.

Шлюпка уже ждала Главкомандующего и его подругу, когда рядом с графом возник человек в сером камзоле и широкополой шляпе – сэр Эдуард Монтегю, знаменитый английский путешественник по Арабскому Востоку.

– Позвольте засвидетельствовать самый искренний восторг, граф. Мы видим перед собой картину великого Чесменского боя. И воочию!

– Всего лишь маленький эпизод. – Граф улыбнулся. – В том бою, милорд, был ад крошечный – стоял такой жар от горящих кораблей, что на лицах лопалась кожа.

– В себя не могу прийти! Жечь корабли, чтобы несколько живописцев и одна поэтесса смогли увидеть великое прошлое? Поступок истинного ценителя муз и, конечно, русского барина! У нас, европейцев, кишка тонка!

Желваки заходили на скулах – Орлов нахмурился.

– Ничего, мои матросики сами подожгут, да сами и потушат. В огне учу новобранцев, милорд. Оттого и флот наш победоносен...

И Орлов приготовился покинуть докучливого англичанина, но тот с вечной насмешливой своей улыбкой уже протягивал ему пакет:

– Осмелюсь передать вам это...

Орлов вопросительно взглянул на англичанина.

– К сожалению, граф, мне не велено открыть имя таинственного отправителя. – И добавил лукаво: – Но я проделал путь из Венеции в Ливорно только чтобы выполнить это поручение... Отсюда вы можете заключить, что отправитель... – И Монтегю улыбнулся.

– Женщина, – засмеялся Орлов.

– И поверьте, прекрасная! Ваши успехи у дам заставляют меня с трепетом передавать вам ее письмо. Но что делать – желание повелительницы... – Он вздохнул, и опять было непонятно, издевается он или говорит всерьез. – Да, граф, страсти движут миром – они заставляют одного трястись по пыльной дороге из Венеции в Ливорно, другого жечь корабли. Засим разрешите откланяться...

– Передайте таинственной даме... – начал было граф.

– Сожалею, но вряд ли ее увижу. Я возвращаюсь в Венецию лишь затем, чтобы на рассвете отправиться на свой возлюбленный Восток. Пора! Засиделся в Италии. Все против, и особенно мать. Как все немолодые холостяки, я до сих пор ее слушаюсь... (Его мать, леди Мэри, была одной из знаменитейших писательниц века.) Прощайте. Мои лучшие пожелания в Петербурге другу моему графу Никите Панину. Мы с ним дружили, когда он был послом в Стокгольме. Мудрейший человек..

Хитрый англичанин, конечно, знал, что Панин принадлежал дворцовой партии, много сделавшей для падения Орловых. Орлов оценил укол.

– Завидую людям, у которых нежные матери, – сказал граф. – О заботливости матери вашего друга Панина ходили легенды. Каждый вечер она обращалась к Богу с одной молитвой: «Господи, отними все у всех. И отдай моим сыновьям».

Граф раскланялся и пошел к начинавшей терять терпение поэтессе. Он помог ей спуститься в шлюпку.

На адмиральском судне «Три иерарха» графа встретил контр-адмирал Грейг.

Зарядили пушку. Граф скомандовал. И очередной снаряд поразил горящий «Гром».

– Шлюпку на воду – спасти несчастных «турок», – распорядился граф.

– Жаль, что фрегат спасти невозможно, – усмехнулся Грейг.

– Отпишите в Петербург: «Сгорел во время учений». Объятый огнем «Гром» погружался в море.

Оставив поэтессу на корме читать Гомера, Орлов удалился в каюту.

В каюте он вскрыл объемистое послание.

– Проклятие! Здесь по-французски, – пробормотал граф, вынимая многочисленные листы.

Поразительно! Граф не знал французского. И это при том, что высшее русское общество разговаривало только по-французски.

Но граф, выучивший немецкий и итальянский, учить французский отказался. Французский двор был главным врагом России. И в этом нежелании был как бы вызов, патриотизм графа.

Граф перелистал непонятные бумаги. Посмотрел на подпись под посланием. И лицо его изменилось. Он схватил колокольчик и позвонил. Вошел матрос.

– Христенека ко мне. И немедленно!

Граф нетерпеливо мерил шагами каюту, когда вошел Христенек.

Генеральс-адъютант (Главный адъютант) лейтенант Иван Христенек был серб, взятый Орловым на русскую службу. Граф имел право набирать себе людей в Италии и производить их в чины. Особенно много офицеров он набрал среди единоверцев – славян.

– Переведи. – Граф указал на письмо, лежащее на столе. Христенек взял листы, и на его лице появилось изумление.

– Но это... – начал он еле слышно, – завещание покойной императрицы Елизаветы?..

– Завещание потом, сначала письмо, – в страшном нетерпении приказал Орлов.

– Здесь есть еще «Манифест к русскому флоту Елизаветы Второй Всероссийской»...

– Письмо! – прорычал Орлов.

– «Милостивый государь граф Алексей Григорьевич! – начал переводить письмо Христенек. – Принцесса Елизавета Вторая Всероссийская желает знать, чью сторону примете вы при настоящих обстоятельствах. Духовное завещание матери моей, блаженной памяти императрицы Елизаветы Петровны, составленное в пользу дочери ее, цело и находится в надежных руках...»

Христенек остановился.

– Дальше, – последовал нетерпеливый окрик графа.

– «Я не могла доселе обнародовать свой манифест, потому что находилась в Сибири, где была отравлена ядом. Теперь, когда русский народ готов поддержать законные права наследницы престола, я признала благовременным торжественно объявить, что нам принадлежат все права на похищенный у нас престол. И в непродолжительном времени мы обнародуем духовное завещание блаженной памяти матери нашей императрицы Елизаветы...»

Граф мерил огромными шагами кабинет:

– Послать за Рибасом!

Христенек торопливо распорядился насчет Рибаса. И продолжал чтение:

– «Долг, честь и ваша слава – все обязывает стать в ряды наших приверженцев. При сем нужным считаю присовокупить, что все попытки против нас безуспешны, ибо мы безопасны и находимся на турецкой Его величества эскадре султана, союзника нашего», – читал Христенек.

– Ну это, Ваше сиятельство, она врет... у нас с султаном мир уже решен и султан сейчас ее к себе не пустит...

Это произнес молодой офицер.

Он как-то неслышно вошел и уже несколько минут незамеченный пребывал в комнате. Поражало его лицо: хищный нос – и добродушная, простоватая, располагающая улыбка.

Это был Иосиф Рибас, испанец, один из интереснейших людей своего времени. Сын кузнеца из Барселоны, он служил в Неаполе, но по каким-то причинам вынужден был оттуда бежать. Был взят Орловым на русскую службу. Осип Михайлович, как теперь именовался Иосиф Рибас, использовался Орловым для самых секретных поручений. Считался одним из хитрейших людей своего времени. Когда Суворов хотел описать хитрость Кутузова, он сказал: «Его даже Рибас не проведет!» Впоследствии стал адмиралом и участвовал в основании Одессы.

– «Время действовать, – продолжал читать письмо Христенек – Иначе русский народ погибнет. При виде бедствий народа сострадательное сердце наше...»

– Полно читать воровское послание!.. Как подписано?

– «Елизавета Вторая Всероссийская», – прочел Христенек. Орлов опять принялся ходить по каюте:

– Мне нужны все сведения об этой женщине.

– Ее видел наш майор... Месяца три назад он был проездом в Венеции, – сказал Рибас.

– Как? Значит, о ней давно известно? И мне ничего не сказали? Зачем держу вас на службе?!

– Но я думал... – начал Христенек.

– Что?!

– Я думал, вы знаете, Ваше сиятельство... столько слухов о ней... И в газетах...

– Слухи, газеты – ваша работа. А у меня – флот!

– Виноваты, Ваше сиятельство.

– Она уже ко мне смеет писать!..

И тут Орлов остановился, будто пораженный внезапной мыслью. Наконец он сказал:

– А коли это не она?! Не она писала?

Христенек уставился на графа.

– Ох, хитрецы, – опять зашагал по каюте граф. – Недаром Монтегю с графом Паниным дружбу водит... а если от имени злодейки сие послание мои враги из Петербурга составили? Верность мою государыне проверить решили? а то и хуже: уж не хотят ли попросту опорочить меня перед императрицей?... Немедля! Немедля узнать, где эта женщина! И придется связаться с нею, чтоб обличить происки врагов моих!

Граф посмотрел на молчащего Рибаса и кратко спросил:

– Где она?

Рибас не удивился – он будто ждал этого вопроса.

– Думаю, в Рагузе. По последним слухам...

– Мне уже не нужны слухи, Осип Михайлович, коли есть человек, который это знает точно.

– Кто этот человек, Ваше сиятельство?

– Его зовут сэр Монтегю. Он сейчас скачет в коляске по дороге в Венецию.

Рибас молча поднялся.

Действующие лица: Рибас

Рибас скакал на коне по дороге, ведущей в Венецию. Солнце садилось, спала жара, дул свежий ветер с моря. Маленький городок со старым собором дремал на горе в заходящем солнце. Но Рибасу было не до красот – он гнал, гнал коня по дороге. «Как интересно... – размышлял Рибас. – Он сделал вид, что слышит об этой женщине впервые. а о ней, почитай, полгода пишут во всех газетах, говорят во всех салонах. Конечно, знал... Более того, предполагал, что она к нему обратится. а к кому ж ей еще обратиться? Он самый могущественный и самый опальный. В его распоряжении – флот и немыслимые суммы денег... Он может ради прихоти потопить фрегат... И притом ему запрещено то, что дозволено всякому, – вернуться на родину. Говорят, есть приказ: задержать его на границе, коли он без дозволения императрицы...»

Рибас взгляделся: далеко-далеко по дороге ехала карета. Рибас прищпорил коня.

«Итак, он знал, – продолжал размышлять Рибас. – а следовательно, план имел. Часть первую плана он сегодня высказал: провести, где она, с ней связаться. Для чего? Он решил-де проверить: не задумали ли его опорочить перед императрицей?.. Ну, если он действительно этого боится, ему как раз опасно с ней встречаться...»

Нет, на самом деле этот человек никого не боится – ни Бога, ни черта... Уж не выиграло ли ретивое: одну императрицу он на трон уже посадил?.. Ох, Рибас, будь осторожен: ты должен понять всю игру, прежде чем в ней участвовать».

Карета сэра Эдуарда Монтегю мчалась в Венецию. Далеко по дороге показался всадник. Всадник приближался.

– По-моему, нас догоняют, сэр, – сказал лакей с запяток.

– И по-моему, тоже: нас догоняют, – невозмутимо ответили из кареты.

Рибас поравнялся с коляской.

– Остановитесь, милорд! У меня поручение от Его сиятельства графа Орлова!

Монтегю не отвечал и внимательно разглядывал Рибаса из окна кареты. Некоторое время они ехали рядом молча. Рибас тяжело дышал, но продолжал гнать вперед лошадь.

– К сожалению, я не имею возможности остановиться, мой молодой друг, – наконец произнес Монтегю из окна кареты, – ибо спешу в Венецию... Но я готов выслушать вас по пути. – И вечная издевательская улыбка появилась на лице англичанина.

– Граф приказал узнать, милорд, где находится автор послания, которое вы соизволили передать?

– Вы, кажется, в России иностранец, господин... – И он вопросительно посмотрел на всадника.

– Рибас.

– Сейчас много иностранцев, господин Рибас, на русской службе. Им граф может приказывать. А я пока не имею чести...

И Монтегю скомандовал:

– Вперед!

Форейтор ударил по лошадям, карета понеслась по дороге. Рибас тоже прищпорил лошадь, продолжая беседовать с англичанином.

– Мне необходимо, милорд... – Он задышался. – Я не могу вернуться без сведений.

– Какое интересное положение: вы не можете вернуться без сведений. А я не могу их вам дать. Как же нам быть, милейший?

Рибас улыбнулся. И выхватил пистолет. Коляска становилась.

– Посмотрите назад, – улыбнулся англичанин. С запяток на Рибаса смотрело дуло пистолета. Рибас расхохотался:

– Значит, остается проверить, кто выстрелит первым. Если я – умрете вы, если одновременно – умрем мы оба, и лишь в третьем случае умру один я. Так как у меня нет иного выхода, я вынужден буду это проверить. Но у вас – то есть: всего одно слово. И вы спасаете, по крайней мере, одного из нас... Я не шучу, милорд. После некоторого молчания из коляски ответили:

– Вы далеко пойдете, господин Рибас... Она – в Рагузе. И коляска покатила по дороге.

После демонстрации Чесменского боя перед восхищенными жителями Ливорно Орлов уехал в Пизу. Ливорно давно ему наскучил, и великолепный граф жил в Пизе в восхитительном палаццо Нерви. В кабинете графа беседовал с Рибасом.

– На обратном пути я завернул в Ливорно, – докладывал Рибас, – и проверил сообщение англичанина. Дело в том, что в Ливорно находится сейчас наш давний друг – рагузский сенатор Реджина. Сенатор подтвердил: сия женщина действительно сейчас в Рагузе.

Рагуза (ныне Дубровник) – маленькое государство на Адриатическом море, подобное Венеции. «Свободные дети свободной матери Рагузы» торговали по всему свету. Рагуза издавна находилась под протекторатом турок. В 1772 году граф Орлов со своей эскадрой вошел в воды республики и потребовал отказа от турецкого протектората. Боясь турок, сенат не согласился. Орлов заявил, что будет бомбардировать древний город. Испуганный сенат отправил депутацию в Петербург. Екатерина послов не приняла, но бомбардировку отменила...

– В Рагузу, – продолжал Рибас, – ее привел случай. Вместе с польским воеводой князем Радзивиллом она плыла из Венеции в Турцию к султану, с каковым имела намерение соединиться. Но сильные ветра отнесли ее в рагузскую гавань... Нынче по причине нашего мира с Турцией вновь отправиться к султану ей никак невозможно. И она обитает в Рагузе. Хотя рагузский сенат, напуганный вами, Ваше сиятельство, делает все возможное, чтобы она оттуда убралась. Страх сената столь велик, что сенаторы даже отписали в Петербург о появлении сей женщины.

– Вот так! – захохотал Орлов. – Значит, уже и в Петербурге о ней знают. Мы узнаем последние... Зачем держу вас на службе?

– Из Петербурга ответили, что нет никакой надобности обращать внимание на побродяжку...

– Узнаю благодушие графа Панина!

Христенек ввел в залу жизнерадостного толстого господина в мундире майора.

– Тучков второй, – представился майор.

– Значит, видел ее в Венеции? – спросил Орлов.

– Точно так, Ваше сиятельство. Она жила в доме самого французского посла.

– Ну, как же без французов-то обойтись? – усмехнулся Орлов.

– Сей посол оказывал ей знаки внимания, почитай, как царствующей особе. С ней общались сам польский князь Карл Радзивилл и граф Потоцкий. Много с ней понаехало поляков. Все с усищами, саблями гремят. Скоро, говорят, будем с нашей принцессой Всероссийской на Москве, как с царевичем Дмитрием. И другие пакостные слова, повторять не хочу.

– И не надо повторять... ты лучше про дело рассказывай.

– Познакомился я там с двумя поляками: с Черномским и Доманским. Усищи у них...

– Ну, про усищи ты уже говорил.

– Садился я с ними в карты играть...

– Все проиграл? – усмехнулся Орлов. Майор вздохнул:

– Там был еще француз маркиз де Марин, ох злой до карт мужчина. Он при ней служит. Обобрал он меня дочиста. И вот тут она и вошла... Вошла... за ней гофмаршал идет, потому что она еще и герцогиней будет.

– Подожди, – прервал Христенек, – ты же говорил, что ее кличут принцессой Всероссийской.

– Это по происхождению тайному она вроде бы принцесса Всероссийская, а по жениху – замуж она готовится – она еще и герцогиня. Поляки кричат мне: целуй-де ручку у своей законной повелительницы, а я только плюнул... Тьфу – вот вам и весь мой ответ.

Он замолчал.

– И все? – усмехнулся Орлов.

– И все, Ваше сиятельство. Спасибо ноги унес, а то б зарубили.

– Ну что ж, ответил хорошо. Узнал мало, вот что плохо, – мрачно сказал Орлов. – Ну, и как она... с лица?

– Худого не скажу... Красавица. Волосы темные, глазищи горят... И ни на секунду не присядет, все движется, все бежит...

– Понравилась? – усмехнулся Орлов.

– Только в оба и гляди, а то обольстит, – засмеялся майор, – но худа уж больно, пышности в теле никакой...

После ухода майора Орлов сказал:

– Чую, получим мы еще одного Пугачева в юбке, пока граф Панин благодушествует...

И приказал Христенеку:

– Пиши.

Граф начал диктовать, расхаживая по комнате:

– «Всемиловитейшая государыня! Два наимилостивейших Ваших писания имел счастье получить. С благополучным миром с турками Ваше императорское величество, мать всей России, имею счастье поздравить. Угодно Вашему величеству узнать, как откликнулись министры чужестранные на весть о мире...»

Орлов остановился и сказал Христенеку:

– В своем письме к нам государыня предполагает, как они *должны* откликнуться. Вот это все дословно в наше письмо и перепиши. Ибо, что матушка предполагает, то и правда.

И он продолжил диктовать:

– «На днях, матушка, получил я письмо от неизвестного лица, о чем хочу тебе незамедлительно донести. Сие письмо прилагаю, из коего все ясно видно. Почитай письмо внимательно, матушка, помнится, что и от Пугачева воровские письма очень сходились сему письму. Я не знаю, есть ли такая женщина или нет. Но буде есть, я б навязал ей камень на шею, да и в воду... Я ж на оное письмо ничего не ответил, но вот мое мнение: *если вправду окажется, что есть такая суматошная, постараюсь заманить ее на корабли и потом отошлю прямо в Кронштадт*. Повергаю себя к священным стопам Вашим и пребуду навсегда с искренней моей рабской преданностью».

«Как повернул, – с восхищением думал Рибас. – И уже забыты враги, которые хотят его опорочить! Теперь, оказывается, он решил свидеться с нею – только чтоб заманить ее на корабли!.. И все, что он будет делать, чтобы свидеться с *суматошной*, есть лишь служение императрице... Но как же он хочет с нею свидеться!»

На лице Рибаса было искреннее восхищение.

Орлов вдруг пристально посмотрел на Рибаса и сказал:

– Ох, Рибас, хитрый испанец, боюсь, повесят тебя когда-нибудь!

– Сильного повесят, слабого убьют, а хитрого сделают предводителем. Это у нас пословица, Ваше сиятельство, – улыбнулся Рибас.

– Итак, Осип Михайлович, – прервал его граф, – ты отправляешься в Рагузу. И все... все о ней раз узнаешь. Откуда она родом?.. Кто с ней в заговоре?.. С кем в отечестве нашем связана?.. Но главное – кто она? Ты понял? Я все должен знать... На глаза ей не попадайся! И будь осторожен.

– Я всегда осторожен, Ваше сиятельство, когда имею дело с женщиной. Ибо женщина есть сосуд греха. Мой отец всегда говорил: «Женишься – бей жену». А я, дурак, спрашивал: «За что ж ее бить, коли я ничего плохого о ней не знаю?» – «Ничего, – отвечал отец, – *она* знает!»

Действующие лица: Екатерина

Рабочий день императрицы

Грязный сумрак петербургского утра в ноябре 1774 года. В Зимнем дворце, в личных покоях императрицы, в огромной постели спит немолодая женщина, Ангальт-Цербстская принцесса Софья Августа Фредерика, известная под именем русской императрицы Екатерины Второй.

Сейчас ей сорок пять лет. Она родилась в Штеттине, где ее отец, один из бесчисленных немецких принцев, был командиром полка на прусской службе. В четырнадцать лет она была привезена в Россию и выдана замуж за голштинского принца Петра Ульриха, объявленного императрицей Елизаветой наследником русского престола Петром Федоровичем. Софья Фредерика также приняла православие и стала именоваться благоверной Екатериной Алексеевной.

Двенадцать лет назад женщина, спящая сейчас в постели, устроила дворцовый переворот. И стала править Россией под именем Екатерины Второй.

Дворцовый звонарь пробил шесть раз в колокол. Екатерина встает с постели.

День императрицы начинался всегда в одно и то же время – в шесть утра.

Екатерина подходит к корзине рядом с кроватью: на розовых подушечках с кружевами спит собачье семейство – две крохотные английские левретки.

Четыре года назад Екатерина первой в России согласилась привить себе оспу. И тем подать пример подданным. Это был *поступок*, ибо последствия его были недостаточно известны. Но просвещенная императрица обязана была так поступить. И она рискнула – к восторгу своих друзей – французских философов. В память этого события английский доктор, прививший оспу, подарил ей собачек.

Екатерина будит собачек, кормит их печеньем из серебряной вазочки. Левретки сонно едят...

Пожилая некрасивая женщина входит в спальню. Это знаменитая Марья Саввишна Перексихина – первая камер-фрау ее величества, наперсница и хранительница всех тайн. Она первой узнавала о падении одного фаворита и появлении другого... Она – глаза и уши императрицы во дворце.

– Ну, где же эта Катерина Ивановна? – раздраженно спрашивает Марью Саввишну Екатерина. – Мы ждем ее уже десять минут.

– И что это ты с утра разворчалась, матушка? – строго отвечает Марья Саввишна.

Екатерина покорно улыбается, с нежностью смотрит на Марью Саввишну – той дозволяется так разговаривать с императрицей, с ней Екатерина с удовольствием чувствует себя вновь маленькой девочкой.

«Никого у меня нет ближе этой простой, полуграмотной женщины. Я знаю: она любит меня. В наш век, когда мужчины так похожи на женщин и готовы продать себя за карьеру при дворе, – сколько знатных куртизанов сваталось к Марье Саввишне! Она всем отказала. Не захотела меня бросить... Когда я болею, она ухаживает за мной. А когда она болеет, я не отхожу от нее. Недавно мы заболели обе. Но она лежала в беспамятстве. И я в горячке плелась до ее постели... И выходила! Ибо коли она помрет – у меня никого!»

С золоченым тазом и золоченой чашей для умывания входит заспанная калмычка Катерина Ивановна.

Екатерина сердито вырывает у нее из рук чашку и начинает мыться.

– Заспалась я, матушка, что ж поделаешь, – вздыхает молодая калмычка.

– Ничего, ничего! Выйдешь замуж, вспомнишь меня. Муж на меня походить не будет, он тебе покажет, что значит запаздывать, – говорит Екатерина, торопливо умываясь.

Собачки бегают под ногами.

Эта сцена повторится и завтра, и послезавтра. Но калмычку Екатерина не гонит, Екатерина терпелива и вежлива со слугами. Она не забывает, что еще недавно хотела отменить крепостное право. Но не отменила.

– Будьте добры, Катерина Ивановна, пусть не позабудут принести табакерку и положить в нее табаку моего любимого...

Шесть часов двадцать минут утра на больших малахитовых часах... Екатерина перешла в рабочий кабинет. Быстро выпивает чашечку кофе с сухарями и кормит собак. Собачки сладоустрастно поедают сухари и сливки.

– А теперь идите с Богом...

Уходят калмычка и камер-фрау. Екатерина выпускает собак погулять. Запирает дверь. Садится к столу.

Теперь время ее личной работы. В эти три часа, до девяти утра, она обычно пишет письма своим любимым адресатам – Вольтеру, Руссо и барону Гримму. Или делает наброски для мемуаров... Или пишет пьесы. Говорят, у ее пьес есть тайный соавтор – писатель Новиков, последователь Вольтера, просветитель. Пройдет время, и императрица посадит своего соавтора в тюрьму. Ибо к тому времени произойдет французская революция, и взгляды просвещенной императрицы переменятся. А писатель Новиков не сумеет переменить своих взглядов. Неповоротливый литератор!

Напевая мелодию французской песенки, Екатерина начинает писать свои письма.

Она в отличном настроении. Ужас последних лет – позади.

«Какие это были годы: Франция толкнула Турцию на войну... Я одерживала победу за победой, но Версаль заставлял султана продолжать кровопролитие... Польша бунтовала... Недавно меня просили предсказать, что станет со странами Европы через тысячу лет. Против слова „Польша“ я написала лишь одно слово: „Бунтует“... Шляхта! Они не захотели королем друга нашего Понятовского – начали бунт. И чего добились? Пруссия и австрийский двор предложили мне поделить польские земли, пока шляхта убивает друг дружку в междоусобию. И пришлось... Иначе раздел случился бы без меня.

А тут и подоспел Пугачев: полдержавы было охвачено бунтом. Благодарение Богу – со всем совладали. Победный мир с турками заключен. И разбойник схвачен и ждет казни. А год назад качались на виселицах дворяне – и ждали прихода кровавых мужиков в Москву».

Екатерина отложила перо, взяла листок бумаги со стола – письмо от нового фаворита Григория Потемкина.

Читает с нежной улыбкой. И по привычке делает пометы на любовном письме, как на государственной бумаге.

«Дозволь, голубушка, сказать то, о чем думаю», – читает Екатерина.

«Дозволяю», – пишет на полях. «Не дивись, что беспокоюсь в деле любви нашей...»

«Будь спокоен», – пишет Екатерина на письме. «Сверх бесчисленных благодеяний ко мне поместил ты меня у себя в сердце. И хочу я быть тут один».

«Есть и будешь», – пишет Екатерина. «Потому, что тебя никто так не любил...» «Вижу и верю».

«Помни: я дело рук твоих и желаю, чтобы покой мой был тобой устроен. Аминь».

«Дай успокоиться чувствам, дабы они сами могли действовать, – пишет на любовном послании свое резюме Екатерина, – они нежны и, поверь, отыщут лучшую дорогу. Аминь».

Она вздохнула:

– Я извожу так много перьев, что слуги очень сердятся, потому что я все время прошу новые: я обожаю писать...

Она открывает табакерку с портретом Петра Великого и с наслаждением нюхает табак. Теперь пора приняться за главное. Сегодня она приступает к важнейшему труду – начинает свои мемуары. Она будет писать их всю жизнь на клочках бумаги, чтобы потом соединить вместе. Но так и не соединит. Эти мемуары она пишет для Павла – сына ее и свергнутого ею императора. В них – ее оправдание.

Она расхаживает по комнате:

– С чего начать? Начать с эпиграфа: «Счастье не так слепо, как обыкновенно думают люди. Чаще всего счастье бывает результатом личных качеств, характера и поведения. Чтобы лучше это доказать, я возьму два разительных примера: я и супруг мой, Петр Третий и Екатерина Вторая... Я вышла замуж, когда мне было четырнадцать лет, а ему было шестнадцать, но он был очень ребячлив...»

Девочка идет навстречу мальчику в золотом камзоле, она смотрит на него испуганными глазами. А он вдруг показывает ей язык и хохочет.

Девочка и мальчик открывают бал. Они танцуют менуэт... А потом его увозили...

Огромная фигура Орлова на лошади. Карета с опущенными шторами, окруженная гвардейцами... До сих пор это снится ей по ночам.

Екатерина расхаживает по кабинету.

«Я не хотела его смерти, как не хотела раздела несчастной Польши, но... Ты должен понять, мой сын: когда я восприняла престол, флот был в упущении, армия в расстройстве, 17 миллионов государственного долга и 200 тысяч крестьян находились в открытом бунте. Но главное бедствие было – шатание в умах. Ибо на русской земле находились целых три государя... Я люблю эту страну, я обожаю ее язык. Я преклоняюсь перед физическими чертами русских – их статью, их лицами. Я считаю русскую армию лучшей в мире. Я всем сердцем приняла религию этой страны. Я ходила пешком на богомолье в Ростов. Я ненавижу в себе все немецкое. Даже своему единственному брату я запретила навещать меня в России. Я сказала: „В России и так много немцев“. И сказала чистосердечно, потому что давно не чувствую себя немкой. Но я по-прежнему оставалась немкой, захватившей трон... пока эти два императора существовали. Два лакомых кусочка для всякого рода авантюристов».

По камере разгуливает тщедушный молодой человек. Входит тюремщик с едой. Молодой человек глядит на еду и лает.

«Один император – Иоанн Антонович, свергнутый в младенчестве императрицей Елизаветой, уже двадцать лет сидел в Шлиссельбурге. А другой свергнутый император – мой муж Петр Федорович...»

– Не изволь беспокоиться, матушка. Волю твою исполним, – усмехается Алексей Орлов.

Дворец в Ропше. В спальне Алексей Орлов играет в карты с императором. Вокруг сидят гвардейские офицеры.

«Я знала, что в Ропше собралось много гвардейцев: князь Барятинский, Потемкин, Энгельгардт, актер Волков. Но я не знала, зачем они там. И до сих пор не знаю, что там произошло. Просто 6 июля прискакал князь Барятинский...»

Барятинский вбегает в кабинет императрицы.

Бухнулся в ноги, ползая по полу, пьяно, со слезами кричит:

– Беда, государыня!

«Он был совсем пьян!..»

Барятинский, ползая по полу, выкрикивает, обливаясь пьяными слезами:

– Не виновны, матушка... Нервен он был... Игра у нас была... Нервен он был... Лакея грыз... Потом на Алешку Орлова набросился... Все отписал тебе Алешка как есть... Все отписал... Смилуйся, матушка!

И Барятинский сует Екатерине скомканную бумагу.

Екатерина подошла к столу и вынула из шкатулки мятый пожелтевший листок.

«Сохраняю эту нечистую бумагу с кривыми каракулями, всю дышащую безумством и бешенством. Надеюсь, когда ты прочтешь ее, мой сын, она станет оправданием твоей матери...» В который раз она перечитывает страшный листок: «Матушка, милосердная государыня! Как мне изъяснить и описать, что случилось... Поверь верному своему рабу. Но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть! Но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал. Да и как нам задумать – поднять руки на государя! Но свершилась беда: он заспорил за столом с князем Федором Барятинским. Не успели мы разнять, а его уж не стало. Сами не помнили, что делали. Все до единого виноваты. Достойны казни. Прости или прикажи скорее кончить. Свет не мил Прогневали тебя и погубили души свои навек...»

– Я не могла их наказать, они были тогда сильны, – она почти кричит. – Я не могла их наказать!..

Она стоит в черном платье, окруженная сенаторами...

«Я была в непритворном соболезновании и слезах о столь скорой смерти императора, ибо всегда имела непамятозлобивое сердце. Никита Иванович Панин и Сенат просили меня не предаваться горю и не присутствовать на погребении, чтобы не подорвать здоровье, столь нужное тогда отечеству. И мне пришлось повиноваться приказу Сената. К сожалению, сразу после погребения начались неосновательные толки. Каковые родили потом злодея Пугачева, объявившего себя усопшим императором...»

И вновь Екатерина положила перо. Расхаживает по кабинету.

«Помни, сын мой: правителю нужна решительность... Чтобы свершать, что должно... и что порой так не хочешь свершать. Решительность – вот главное качество счастливого человека. Нерешительны только несчастные и слабоумные...»

Тщедушный молодой человек ходит кругами по камере. Ходит яростно, как зверь в клетке...

«И со вторым императором как-то само разрешилось... Я поехала навестить его в Шлиссельбург, чтобы облегчить участь несчастного...»

В камере – Екатерина, тюремщик поручик Чекин и тот самый тщедушный молодой человек.

С печалью глядит Екатерина благодетельным своим взглядом на молодого человека.

– Встать перед императором! – вдруг кричит ей молодой человек. Екатерина будто не слышит и продолжает грустно смотреть на него.

– Ты права. У меня только тело Иоанна, назначенного императором Всероссийским. А душа у меня святого Георгия. Потому вас, мерзейших тварей, видеть не желаю.

И вдруг истошно закричал:

– В монастырь иди! Пока не поздно, разбойница!

Императрица беседует с графом Никитой Ивановичем Паниным.

Граф Никита Иванович Панин, глава Коллегии иностранных дел – один из ближайших сподвижников Екатерины в первые годы ее царствования.

– Поручик Чекин доносит, что арестант совсем безумен, – печально говорит Панин.

– Принц Гамлет тоже объявил себя безумным, – усмехается Екатерина. – И ему верили.

– А телом он крепок, – вдруг, без видимой связи с предыдущим, говорит Панин, – только животом страдает, когда обжирается. Ох, надо в оба глазеть, вдруг кто освободить попытается! Особливо опасно, если Ваше величество из Петербурга изволит уехать. Тогда легко охотники могут найтись. Хотя на сей случай инструкция есть: немедленно порешить арестанта... Ох, боюсь, чего бы не случилось, *когда Ваше величество из столицы куда уедет...*

И опять Екатерина прошла по кабинету.

«А потом я уехала в прибалтийский край. И там узнала, что некий злодей, поручик Миrowsич, пытался освободить несчастного Иоанна. И была исполнена инструкция...»

Камера. На полу лежит Иоанн – тщедушное безжизненное тело. Над ним стоит долговязый Чекин. Вздыхнув, за ноги оттаскивает труп в угол камеры.

Панин докладывает императрице:

– Сенаторы не верят, что Миrowsич действовал один... хотят ребра у него пощупать, пытать предполагают, чтобы сообщников узнать.

Екатерина отвела глаза от умоляющего взгляда Панина.

«Я приказала отговорить сенаторов. И Миrowsича казнили без пытки. Я так и не знаю, подстроил ли Панин заговор Миrowsича, чтобы непрошеной помощью избавить меня от несчастного Иоанна. Или через Миrowsича пытался возвести на престол этого слабоумного, чтобы осуществить свою бессмысленную мечту – создать в России западную конституционную монархию. Или действительно не имел к сему заговору никакого отношения... Я предпочла не знать правду. Слишком мало у меня таких людей, как граф Панин...»

Усмехающееся лицо Панина...

«Он первым стал в оппозицию к Орловым. Первым понял, как я ими тягочусь. Жаль, что он до сих пор бредит западной монархией. Он слишком долго был посланником в Швеции. Но я всегда помню; граф Панин – блестящий человек...»

Екатерина пишет.

«Ни Петр Третий, ни Елизавета не подготовили мне министров для новых задач, стоявших перед страной. Они обходились надутыми посредственностями. Я призвала к управлению

целую когорту блестящих людей. И я дала им возможность совершать великие дела, ибо знаю: не только люди делают дела, но и *дела* делают людей...»

«Но ох уж эти „блестящие люди“! Все эти Панины, Орловы... У них всегда есть свои цели. И ради них они борются друг с другом, а я должна скакать меж ними курцгалопом и следить, чтобы каждый новый „блестящий“ имел достаточно сильного соперника. Но для укрепления державы куда нужнее люди просто трудолюбивые. *Исполнительные*... И эти люди – теперь моя опора. А из блестящих мне с головой хватает нынче Григория Александровича Потемкина».

Часы на камине бьют девять: дама и кавалер на часах танцуют менуэт.

Время работы для себя закончено. Наступило время для государства. Она возвращается в спальню.

Екатерина в белом широком капоте и в белом тюлевом чепце. Входит секретарь со множеством бумаг.

Определяется содержание дня. Выслушиваются важнейшие доклады.

Екатерина надевает очки.

– Вам еще не нужен сей снаряд? – спрашивает она с усмешкой секретаря. – А мы на долговременной службе отечеству притупили зрение...

В спальню входят сановники, обер-полицмейстер.

Екатерина подписывает бесконечные бумаги, когда появляется человек средних лет, приятный, спокойный, предупредительный. Это Александр Алексеевич Вяземский. Он из новых, исполнительных бюрократов. Генерал – прокурор. Душа ретроградской партии, ненавистник реформ и враг всякой иностранного влияния. Он таков, ибо этого хочет императрица, чтобы иметь противовес графу Панину, любителю реформ и стороннику иностранного влияния. Екатерина любит равновесие.

Просмотрите план дня, Александр Алексеевич...

Часы на камине пробили двенадцать. В официальной уборной Екатерина завершает туалет. Она одета в простое широкое «молдавское» платье. Старый парикмахер Козлов заканчивает прическу императрицы. За ушами букли, волосы забраны кверху, чтобы открыть широкий лоб. И никаких драгоценностей. Сейчас Екатерина – правительница.

Втыкают последние шпильки в ее прическу. Одновременно она продолжает решать государственные дела. В уборной толпятся сановники.

Входит граф Панин.

– Уж не стряслось ли что-нибудь, Никита Иванович? Вы сегодня поднялись непривычно рано, – насмешливо говорит императрица.

– Пришло письмо, Ваше величество, от графа Алексея Григорьевича из Италии.

– Разбор иностранной почты назначен на два часа – не будем ломать наш распорядок.

Панин молча кланяется.

«На днях я шутила: угадывала, кто от чего помрет. Про Панина я сказала: „Этот помрет от одной из двух причин – коли ему надо будет или поспешить, или рано встать. И тем не менее сегодня он встал. Да, в чем-то сильно провинился его вечный враг Орлов... Он просто помирает от нетерпения нам рассказать... Ничего, потерпишь, голубчик!“»

Часы на камине пробили час – дама и кавалер танцуют свой менуэт.

Время обеда. Обедает она «просто и скромно, в узком кругу».

За огромным роскошным столом собралось два десятка вельмож. Среди них Панин, Вяземский, Голицын, Кирилла Разумовский.

Место справа от императрицы пустует. Это место фаворита. Нынешний фаворит Потемкин – в Москве.

«Раньше за этим столом сидели блестящие люди, теперь – исполнительные. Только, пожалуй, граф Панин сохраняет детскую страсть высказывать собственное мнение. Вещь полезная для державы в дни трудностей и излишняя в дни благоденствия. И нынче я держу его только для одного – участия в придворных интригах. Ибо пока они борются и ненавидят друг друга, я сильна... Итак, он готовит что-то против Орлова. А мы покажем, как ценим графа, – и тем немного раззадорим его. Эти блестящие люди так легко становятся детьми, когда воюют друг с другом...»

За столом идет беседа о государственных делах.

– Я отписала в письме к графу Орлову, – говорит Екатерина, – кто и как, по нашему суждению, воспринимает наш мир с турками. Англичане рады, конечно, они наши союзники. Ну, а прочие разные виды имеют...

Французы в большом прискорбии – яд, ими испускаемый, действия не дал. Да и Фридриху прусскому не удастся более прибирать чужих земель как было, пока мы с турками воевали... И теперь я с нетерпением жду ответного послания графа. Я так ценю его меткие суждения... – Все это она говорит, поглядывая на Панина. – Кстати, Никита Иванович, вы, кажется, сказали...

– Именно так, Ваше величество. Мы получили важное письмо от графа, – с непроницаемым лицом отвечает Панин. – И сегодня я буду иметь честь доложить вам о том...

На часах – два часа дня.

В рабочем кабинете императрицы – граф Панин, князь Вяземский. Князь Вяземский, как всегда, молчит. Разговаривают Екатерина и Панин.

Теперь с двух до четырех она будет разбирать дипломатическую почту: донесения русских дипломатов, секретных агентов, письма европейских государей. К четырем, когда заканчивается рабочий день, Екатерина будет трудиться уже десять часов.

Панин мягко кладет перед ней пакет.

– Письмо графа Орлова из Ливорно.

– Будьте добры, где мой снаряд? Секретарь подает очки.

– Ну, и что же пишет граф? – надевая очки, со своей вечно ласковой улыбкой спрашивает она Панина.

– В начале письма граф обстоятельно рассказывает, как откликнулись европейские государи на наш мир с Турцией. И, надо сказать, совершенно повторяет справедливые высказывания Вашего величества, – без выражения произносит Панин.

– Мы с графом редко расходимся во мнениях, – улыбается Екатерина.

– Ну, а в дальнейшем...

Панин замолкает, потому что Екатерина начинает читать. Лицо ее багровеет, она вскакивает со стула и начинает быстро шагать по кабинету.

«Я называю вулкан Этну своим кузеном, ибо очень вспыльчива. Но я умею подавить это в себе. В эти минуты я никогда не подписываю никаких приказов. Я попросту хожу и грубо ругаюсь...»

Екатерина мечется по кабинету, залпом пьет воду из стакана.

– Ах, каналья... Ах, бестия... Грязная каналья!.. Нам нет покоя... Только разделились с одним вором... Теперь нам создают другого Пугачева! И когда же это кончится?!

– Государыня, – мягко начинает Панин. – В свое время я докладывал о предложении сената рагузского выслать самозванку. Но вы в милосердии своем просили не замечать эту побродяжку, хотя я был тогда иного мнения.

– Тогда мы могли и не заметить эту авантюреру... – Екатерина уже взяла себя в руки и говорит как обычно, доброжелательно и спокойно. – Тогда о побродяжке писали только иностранные газеты, которых, слава Богу, у нас в России не получают. Разве что в Коллегии иностранных дел. Но теперь эта каналья, всклепавшая на себя чужое имя, дерзнула обращаться к российскому флоту. Я не хочу, чтобы, к радости врагов наших, у нас за границей объявился новый Пугачев!

– И вот здесь, Ваше величество, – Панин торжествующе помедлил, – мне кажутся особенно сомнительными меры, которые по сему поводу предлагает граф Алексей Григорьевич. Особенно тревожит меня план графа войти в сношение с авантюрерой.

Екатерина разгуливает по кабинету.

«Ах, мои „блестящие люди“! Как же вы все ненавидите друг друга! Если бы я вас слушала, я должна была бы казнить каждого из вас... И все ж таки в точку попал на этот раз – сама тревожусь!.. Видать, не выдержало ретивое у Алексея Григорьевича. Да, он всегда имеет две тетивы на одном луке!»

Панин, чуть усмехаясь, выжидающе глядит на императрицу. «Не дождешься, не в обычае моем выдавать одних слуг другим...»

Екатерина милостиво улыбнулась:

– Граф Алексей Григорьевич служит нам как умеет, и рвение его похвально. Но я согласна с вами: надо предложить графу совсем иные меры. Рагузская республика достаточно от нас страху имеет. И посему отпишите графу: *не входя в сношения с сей женищиной, немедленно потребовать у сената ее выдачи. И если на то не последует согласия, бомбардировать город. И, захватив известную женищину, посадить ее на корабль и отправить в Кронштадт...*

Екатерина осталась в кабинете с князем Вяземским. В течение всей беседы с Паниным князь пребывал в совершенном молчании.

– И что ты думаешь о деле, Александр Алексеевич?

– Думаю, кому следствие поручить, когда захватим сию женщину, – после долгого молчания ответил Вяземский.

– Не слишком ли далеко вперед глядишь? – усмехнулась Екатерина. И добавила, помолчав: – И ты действительно веришь графу Алексею Григорьевичу?

– Уму его верю, матушка государыня. Граф Орлов свою выгоду всегда поймет. Может, не сразу, но поймет. Привезет он тебе авантюреру!

Секретный агент в XVIII веке

*Ночные ласточки Интриги —
Плащи! – Крылатые герои
Великосветских авантюр.
Плащ, щеголяющий дырою,
Плащ игрока и прощельяги,
Плащ Проходимец, плащ – Амур.
Плащ, шаловливый, как руно,
Плащ, преклоняющий колено,
Плащ, уверяющий – Темно!
Гудки дозора. – Рокот Сены. —
Плащ Казановы, плащ Лозэна,
Антуанетты домино!*

Марина Цветаева

Рагуза. Великолепный дом стоит у самого моря. В саду Рибас разговаривал с хозяином.

– То есть как бежала? – изумляется Рибас.

– А вот так – бежала! – в отчаянии восклицает хозяин. – Вчера ночью все они были: гофмаршалы, бароны, маркизы, принцесса... Утром просыпаюсь – никого! Ни баронов, ни маркизов, ни денег задом и за карету. Я разорен, я разорен!

– Успокойтесь, любезнейший... И постарайтесь рассказать по порядку.

– Все началось с того, что из Венеции приехал к ней проклятый маркиз де Марин... – начал несчастный хозяин.

– Маркиз де Марин? – переспросил Рибас.

Венеция.

Через неделю, ночью, в некоем доме, стоявшем весьма далеко от Большого канала, шла крупная игра.

За столом сидел человек в маске, напротив него – Рибас. Кучка золота около Рибаса быстро таяла. Человек в маске выигрывал и при этом все время болтал, обращаясь к французским офицерам, наблюдавшим за крупной игрой:

– Мой друг герцог Лозен как-то назначил свидание одной даме. Дама сказала: «Ну что ж, я готова увидеть вас сразу после утренней мессы». – «Как? Разве еще служат мессы по утрам?» – удивился Лозен. Оказалось, он никогда не вставал раньше двух часов пополудни и оттого двери собора видел всегда закрытыми. Вы проиграли еще пятьдесят золотых, мосье!

– Извольте получить. – Рибас отсчитал и простодушно добавил: – Кажется, я догадался, кто была эта дама...

Игра продолжалась.

– Она только что явилась тогда в Париже, – вздохнул человек в маске. – Как она была хороша! Гетман Огинский – он был тоже у ее ног – сказал: «к стыду Европы, только Азия могла родить подобное совершенство». Тогда мы все думали, что она из Персии...

– Послушайте, безумец, вы можете говорить только об этой женщине, – сказал один из офицеров.

– И вот в Париже герцог Лозен, гетман Огинский и ваш покорный слуга начинают ухаживать за таинственной принцессой. И всем нам всячески мешает некий барон Эмбс. И тогда Лозен и я выкрадываем ночью из дома несчастного барона и везем в карете прочь из Парижа. При первой смене лошадей барон высовывается из окна и вопит, что его похитили. Лозен объ-

ясняет, что это опасный сумасшедший. И мы возьмем его дальше, пока он не клянется впредь не мешать нам... – И человек в маске обратился к Рибасу: – С вас еще десять червонцев...

Рибас небрежно подвинул к нему деньги. Теперь на столе возле Рибаса осталось несколько жалких монет.

– Вот вы восхищаетесь Лозеном... – вдруг сказал Рибас.

Герцог Лозен – донжуан XVIII века. Через двадцать лет, во время французской революции, он окончит жизнь на гильотине...

– А я знавал человека, который здорово надул самого Лозена, – продолжал Рибас. – Это был некто Рибас – большой пройдоха, проживавший в Неаполе. Надо сказать, что Лозен влюбился тогда в неаполитанскую кокетку дьявольской красоты. Пригласил ее к себе. Дама пришла. Лозен – весь страсть – протягивает ей кошелек. Дама закатывает ему пощечину: «За кого вы меня принимаете, сударь!» И кошелек летит в окно! Лозен падает на колени, в ход идут его знаменитые бриллианты... Излишне говорить, что весь фокус придумал друг сердца дамы, Рибас, который стоял под окном и ловил кошелек...

Все захохотали, и человек в маске куда более внимательно взглянул на рассказчика.

– Ох, сколько историй про этого Рибаса! В Неаполе вообще никто не мог понять, что действительно сделал Рибас и что ему приписывают. У него было восемь дуэлей, и все на разном оружии. Он убивал на шпагах, пистолетах, саблях – любил разнообразие. Кажется, после девятой дуэли ему пришлось бежать... – Рибас бросил карты. – Я проиграл все!

Человек в маске придвинул к себе остальные золотые. И тогда Рибас прибавил:

– Не могу расстаться с вами, не поведав вам маленький секрет в благодарность за игру.

Человек в маске как-то нехотя отошел с Рибасом.

– Я люблю Венецию еще за то, что все благородные люди носят здесь маски. Это очень удобно, особенно если ты решился на опасную любовную интрижку... или сплутовать в карты.

– Что вам надобно, сударь?

– Сообщить, что вы можете снять маску, маркиз де Марин! И еще: вы плохо играете, – зашептал Рибас. – Даже когда вы отвлекаете своими рассказами, все равно видно, как вы передергиваете...

– Послушайте, милостивый государь...

– Рибас – так меня зовут, – и сейчас я дам вам пощечину, маркиз. Это во-первых. Объявлю, что вы шулер, это во-вторых. После чего я вас убью на дуэли. Согласитесь, даже одно из трех...

– Что вы от меня хотите?

– Полезный вопрос. Вы почувствовали, что я от вас что-то хочу. Я хочу, маркиз, чтобы вы с нами побеседовали о женщине, о которой вы столь легкомысленно повествовали сегодня. Но это напускное. Мне известно, что вы бросили ради нее имение, Париж. И ездите за ней по всему свету. Итак вопрос: куда она уехала из Рагузы?

– В Турцию.

– Дорогой маркиз, после того как турки заключили мир с Россией... Это несерьезный ответ. Повторяю: куда она уехала?

– Она села на корабль с двумя поляками – Доманским и Черномским и неделю назад отплыла в неизвестном направлении.

– Вы шулер и обманщик не только в игре, Ваша светлость. Вы помогли ей бежать от долгов из Рагузы. Вы наняли ей корабль. В последний раз, маркиз... – Рибас поднял руку.

– Она в Неаполе.

– Браво, но это был всего лишь пробный вопрос, чтобы проверить, готовы ли вы со мной сотрудничать. Я узнал об этом без вас! Итак, сейчас вы подробно расскажете мне все, что о ней знаете. И не дай вам Бог сблефовать.

– Сейчас?!

– Мы живем в торопливый век, маркиз. Я жду.

– Будьте вы прокляты!

– Это обычное начало в разговоре с Рибасом. Итак, впервые вы встретили ее в Париже...

Два рассказа об одной женщине

Версальский дворец – летняя резиденция французских королей. Ночь. В Бальной роще Версаля зажжены канделябры. Бьют фонтаны... И в этой бальной зале под звездным небом в мерцающем свете сотен свечей в летнюю ночь 1772 года – танцевали.

Фантастические колокола-кринолины, обнаженные плечи, таинственные черные мушки на смелых декольте дам, немыслимые каблуки, парики и камзолы...

Они движутся в манерном менуэте, величественно и медленно, как корабли.

Проплывают высокие, как башни, прически дам.

...Прическа в виде сражающихся солдат – дама желает показать, что преисполнена мужества.

Прическа в виде мельницы и фермы с крошечными коровами, пастухами и пастушками – эта дама – мечтательница.

Прическа в виде дуэли: два миниатюрных кавалера на голове дамы поражают друг друга шпагами – дама кокетливо выставляет напоказ свои успехи.

Парикмахер и портной были героями времени. И самые знаменитые художники придумывали парижские туалеты. «Если даме пришла мысль появиться в ассамблее, с этого момента пятьдесят художников не смеют ни спать, ни есть, ни пить», – писал Монтескье.

Величавая пышность расцвета галантного века: ярко-красные, темно-голубые, затканые холодным золотом камзолы и платья соседствуют с новомодными: светло-голубыми, матово-зелеными, нежно-телесными, будто потерявшими силу цветами – любимыми цветами парижской моды накануне революции.

В это время в моду вошел «блошиный» цвет. Было создано полдюжины его оттенков. Они наименовались: «цвета блохи», «цвета блошиной головки», «цвета блошиного брюшка», «цвета блошиных ног» и т. д. А мадемуазель Бертен, модистка Марии Антуанетты, ввела в моду цвет «блохи в период родильной горячки».

Так они развлекались за два десятилетия до гильотины.

В этой безумной толпе выделяется молодая красавица в нежно-голубом платье и прическе с кроваво-красными перьями.

Перья! Недавно их ввела в моду сама Мария Антуанетта. Шокирующе простая прическа нового поколения.

И еще одна пара. Молоденькая красавица в изумрудных перьях танцует менуэт с очаровательным юношей: Мария Антуанетта и герцог Лозен... Через двадцать лет оба они умрут под ножом гильотины, как и большинство тех, кто здесь танцует. Но сейчас они танцуют...

Мария Антуанетта что-то шепчет Лозену, кивая на красавицу с кроваво-красными перьями.

– Весь Париж говорил тогда о ней, – вздохнул маркиз де Марин. – Меня познакомил с ней сам герцог Лозен...

Красавица с кроваво-красными перьями стоит на фоне Версальского парка... Белый мрамор статуй... Горят бронзовые канделябры... И звездное небо 1772 года...

Лозен, склонившись в изящном поклоне, целует у нее руку.

– Я хочу представить вам, принцесса, моего друга: маркиз де Марин. И вот уже маркиз склоняется в поклоне.

– Ее высочество Али Эмете, принцесса Володимирская... Отойдя в сторону с Лозеном, де Марин говорит:

– Какой странный титул у этой красавицы!
– Милый друг, – отвечает, смеясь, Лозен, – сейчас Париж полон странных титулов. Множество несуществующих герцогов, набобов, принцесс. Париж – это Вавилон...
Сверкающие глаза принцессы глядят на де Марину...

Я почувствовал, что погиб! На следующий день я начал узнавать, кто она. Я бросился к тем, кто знал все обо всех – к парижским банкирам.

Господин Маса, полненький субъект в модном тускло-зеленом камзоле, беседует с де Марином:

– В Париже все выдают себя за других. Всеобщая ложь – в этом весь наш век. И это плохо кончится. Но клянусь: она принцесса. Только очень знатная дама может быть такой мотовкой. Сколько ни дашь – все исчезает. Нет, я с удовольствием ссужаю ей деньги и, уверен, не прогадаю. Она обещает наградить меня орденом Азиатского креста. Ордена – моя страсть.

Господин Понсе, желчный господин в мятом, вытертом камзоле, сердито объяснил де Марину:

– Все, что она болтает, – сказки для детей. Я не дам ей ни ливра. Точнее, дам, но немного. Она в моде в Париже. А я не имею права отставать, если другие глупцы дают... Да, я уж навел о ней справки. Она приехала в Париж из Лондона. Потратила там такую уйму денег, что просто потрясла бедных англичан. Английские банкиры тоже навели справки. Я выяснил, что особа, весьма на нее похожая, года два назад объявлялась в Тенте, где совершенно свела с ума молодого купца. Он бросил жену и детей и со всем своим состоянием бежал вместе с этой особой. По описаниям, он очень похож на некоего барона Эмбса, который живет в ее доме и которого она представляет «интендантом своего маленького двора». Клянусь, он такой же барон, как она принцесса Володимирская...

– И на следующий же день я был в ее доме!

Бал в доме Али Эмете: негры в белых чалмах неподвижно стоят у дверей бальной залы. Принцесса сухо и строго обращается к де Марину:

– Ступайте за мной, маркиз.

В будуаре она начинает гневную речь:

– И вы осмеливаетесь говорить, что влюблены, что потеряли голову?! О, вы, французы, умеете терять голову, не теряя! Ваши страсти дают вам наслаждение, избавляя от страдания. Бедные, вы не знаете, что истинная страсть начинается со страдания. Вы, ежедневно атакующий меня письмами о любви, спешите к банкирам – собираете обо мне нелепые сведения! Да, вы умеете летать, оставаясь на земле!

Де Марин упал к ногам принцессы.

– Милый друг, – сказала она вдруг, смягчившись, – в следующий раз, если захотите узнать что-нибудь обо мне, позволяю обращаться прямо ко мне. Мне двадцать один год, за это время я испытала много несчастий, но они не сделали меня менее искренней...

– Она говорила и в это верила. Она всегда верила тому, что выдумывала... И она всегда была разная. У нее были не только разные имена, но, клянусь, и разные лица!

Лицо принцессы – прекрасная голова на высокой лебединой шее...

– Вот ее волосы кажутся совсем черными, и глаза становятся как уголь – и она персиянка... Но вот ты видишь, что на самом деле ее волосы темно-русые, а лицо – с нежным румянцем и веснушками. И она славянка, клянусь! А вот она повернулась в профиль, и этот хищный нос с горбинкой, и этот овал... она уже итальянка, дьявольщина!

– Встаньте, маркиз, – принцесса усадила де Марина рядом с собой, – я умею ценить даже то небольшое, что способны дать мне люди.

– Слезы, клянусь, были на моих глазах. И в этот миг, если бы она повелела, я убил бы себя... Проклятие!

– Возможно ли, Ваша светлость, вы прощаете меня?

Она протягивает руку – и смиренно, в низком поклоне он целует ее руку.

– В знак нашей дружбы я сама расскажу вам свою историю... Я редко ее рассказываю... Здесь, в Париже, в безопасности, она кажется мне невероятной. Но за двадцать один год жизни я уже выучила: правда всегда неправдоподобнее лжи. И ложь всегда стремится походить на правду.

Вошел бледный молодой человек.

– Я хочу, чтобы вы стали друзьями. Это барон Эмбс, – представила юношу принцесса, – интендант моего маленького двора. До того как стать моим интендантом, он прославился храбростью в славном литовском войске. И даже получил чин капитана.

– Как мне стало стыдно за все рассказы про «голландского купца». Только потом я узнал, что патент на звание капитана был выдан юному барону в Париже... Тысяча чертей!.. По просьбе принцессы литовским гетманом Огинским!

– А теперь оставьте нас, барон, – сказала принцесса. И молодой человек так же молча, как явился, исчез в дверях. – Бедный мальчик, – вздохнула принцесса, – он ревнив, потому что молод. Он еще не знает, что любовь должна прощать все... – Она помолчала. – Итак, вы хотите узнать мою историю, – начала принцесса. – Моя мать... Впрочем, пока это не важно...

– Как она умела дразнить этой неопределенностью!

– Я воспитывалась в Киле – столице Голштинии. От воспитателей моих я и узнала, что происхожу из древнего рода князей Володимирских. Что мои родовые поместья по каким-то причинам конфискованы. Но в дальнейшем должны быть мне возвращены. Потом, в силу тайных обстоятельств моего происхождения – о них сейчас не время говорить, – я была схвачена и увезена в Сибирь. И даже отравлена там. – Ее глаза вспыхнули – она будто видела свое прошлое. – Но Господь защитил меня: моя нянька бежала со мной через границу в Багдад. Там мы нашли приют у купца Гамета, которому ведомо было мое истинное происхождение. У него в доме я познакомилась с Али – персидским князем. Это один из богатейших людей на свете... Он умолял меня разрешить ему считаться моим дядей и покровителем, пока я не получу предназначенные мне от рождения княжества Володимирское и Азовское. Он и дал мне свое имя – Али Эмете. Потом в его стране начались волнения. Он увез меня в Лондон. Но в Лондон за ним приехал гонец: обстоятельства звали его домой. Он оставил мне огромные деньги, чтобы я тратила их и ни о чем не думала. Чтобы я могла жить согласно своему истинному происхождению. И я их тратила и трачу до сих пор. Очень скоро он должен вернуться и заплатить мои действительно огромные долги, о которых вы изволили справиться. Вот все, что я пока могу рассказать.

– Я вас люблю, – опустив голову, тихо сказал де Марин.

– Нет, друг мой. Вам это только кажется. Любить – это значит верить. Как Христос завещал: «Кто любит меня, тот верит мне». Учитесь верить... верить всему, что я скажу. – Она приблизила свое лицо к лицу несчастного маркиза и прошептала: – И вот когда я пойму, что вы научились... – И, остановившись, добавила: – А пока я назначаю вас вместе с Эмбсом интендантом моего двора.

– Она предложила мне, блестящему вельможе самого блестящего двора мира, стать мальчиком на побегушках у неизвестной женщины с неизвестным прошлым! И я... я бросил замки на Луаре, бросил все, что имел. Я подписал ее векселя на чудовищные суммы. И следовал за ней повсюду!

Принцесса и де Марин вернулись в залу.

– Его сиятельство великий гетман литовский Михаил Огинский, – объявил слуга.

В залу вошел Михаил Огинский.

И тотчас, совершенно забыв о несчастном маркизе, принцесса устремилась к гетману. Огинский церемонно поклонился.

Они открывают бал. Они танцуют полонез.

Михаил Огинский – один из самых блестящих людей века. Композитор, живописец, впоследствии он занесет свое имя на карту Польши – создаст канал, который соединит Балтику и Черное море.

– Господа, сейчас князь осчастливит нас, – объявляет принцесса. И гетман садится к роялю.

Огинские – древний славный род, потомки Рюриковичей. Предки Михаила Огинского – великие князья Черниговские. В XVII веке они оставляют Русь и переходят на службу к великим литовским князьям. Когда умер польский король Август и началась борьба за престол, Огинский считал себя самым подходящим кандидатом.

Но Екатерина хотела другого. Когда-то, в дни молодости, она страстно любила польского шляхтича Станислава Понятовского. Екатерина всегда верила своим фаворитам. Она возвела Понятовского на польский трон. Знатнейшие польские роды отказались признать нового короля. Потоцкие, Радзивиллы, Браницкие создали Конфедерацию и объявили гражданскую войну. Екатерина ввела в Польшу армию и наголову разбила конфедератов.

Огинский долго колебался, но в сентябре 1771 года, всего за полгода до описываемого дня, взялся за оружие. Однако художник не всегда хороший воин. При Столовицах он был наголову разбит внезапной атакой. Во время сей ночной атаки незадачливый полководец мирно почивал со своей тогдашней возлюбленной. И только сопротивление горстки храбрецов спасло его от плена. Его казна, любовница, гетманская печать – все было захвачено. Несчастный Огинский бежал за границу. Екатерине не изменил юмор, и она прислала Огинскому в знак соболезнования флакончик нашатырного спирта для приведения в чувство, ибо все его имущество в Польше было конфисковано. И вчерашнему богачу пришлось отправиться туда, где поддерживали конфедератов, – во Францию, к врагам России... Здесь, в Париже, он узнал, что, пока шла гражданская война между польской шляхтой, прусский король, австрийская императрица и Екатерина разделили земли Речи Посполитой. Так в Париже оказалось множество польских эмигрантов.

– И все они обитали в ее салоне, эти шляхтичи! Эти надутые, нищие поляки. Огинский, естественно, начал меланхолический роман с принцессой. Он был вечно болен, и они посылали друг другу бесконечные письма. Самое унижительное – она заставляла меня доставлять ему их. И вот тогда-то у меня и состоялся разговор...

Огинский и де Марин беседуют в кабинете гетмана.

– Для нас, французов, Россия, Персия – это так далеко, дальше Луны! Но вы-то бывали в России?

– И не раз, маркиз.

– И это Володимирское княжество, которым владеет принцесса, и эти Азовские земли... Они существуют?

– Никакого Володимирского княжества нет. Было какое-то великое Владимирское княжество, но это было очень давно, в Древней Руси, когда предки владели Черниговскими землями.

– Значит, все это ложь?

– О нет, я уверен, это просто иносказание. Те, кто воспитывали ее, боялись открыть правду. Это было бы слишком опасно для нее. И, намекая на ее высокое и древнее происхождение, они объявили ей, что она Володимирская принцесса, то есть наследница древних русских правителей. Что касается Азова – это тоже иносказание, что ей принадлежат по рождению и все азиатские русские земли.

– Это объяснение поэта.

– Поэты, мой друг, – пророки.

– Так кто же она, по-вашему?

– Я подозреваю, что она дочь... я даже не смею произнести имя ее матери... Во всяком случае, в Польше ходило много слухов, что императрица Елизавета имела дочь от тайного брака с русским вельможей Алексеем Разумовским... Недаром Али воспитана в Киле – столице Голштинии. Ведь именно там, в Киле жила в то время любимая сестра императрицы Елизаветы Анна. Она была замужем за голштинским принцем. Нет, все это не может быть случайным!

– ...Теперь я понял, что тянуло ее к этому поляку! И чем они сводили ее с ума...

Май 1773 года. Париж.

Ночь. Де Марин мирно спит. Распахивается дверь. В мужском костюме входит принцесса, расталкивает спящего маркиза:

– Мы уезжаем! Немедленно!

– Куда? Почему?! – пытается понять спросонок бедный маркиз.

– Завтра нас должны арестовать за долги. Точнее, вас, мой друг, и бедного барона Эмбса. Вы подписали мои вексели, а ваши друзья Понсе и Маса... Да, да, они подали в суд, проклятые банкиры!

Вошел молодой человек в дорожном плаще.

– Знакомьтесь: граф Валькур де Рошфор, гофмаршал двора князя Лимбурга.

Де Рошфор – одна из знатнейших дворянских фамилий Франции. Граф разорился и состоял на службе у немецкого князя герцога Лимбургского.

– Кстати, – добавила она небрежно, – граф Рошфор скоро станет моим мужем. Он сделал мне предложение. К сожалению, я не вправе сразу дать ему ответ... я должна связаться со своим попечителем – персидским князем Али.

Рошфор будто не слушал, как зачарованный пожирал ее глазами.

Вошел Эмбс, тоже в дорожном плаще, с баулом в руках.

– Пистолеты? – спросила принцесса.

– У нее над кроватью всегда висела пара заряженных пистолетов, и еще пять пистолетов хранились в бауле. И там же, по слухам, лежали ее драгоценные бумаги.

Эмбс молча вынимает из баула пару пистолетов и протягивает принцессе. Она засунула их за пояс.

– Итак, господа, мы покидаем прекрасную Францию!

– ... Через две недели мы жили во Франкфурте и, конечно, в самой дорогой гостинице. Она сняла целый этаж. Счастливый Рошфор уехал объявить своему господину, герцогу Лимбургу, о готовящемся браке. И обещал вернуться через несколько дней.

Вся честная компания: Эмбс, де Марин и принцесса – сидит вокруг стола, уставленного едой и вином. Распахивается дверь, и появляется взбешенный хозяин гостиницы. За ним толпятся слуги.

– Всё прочь со стола этих господ! – приказывает хозяин слугам. – Всё! И вино тоже! Больше я вас не кормлю, господа. Извольте сначала заплатить! Я поселил вас потому, что такой уважаемый господин, граф Рошфор, мне сказал... Но вы живете здесь уже целую неделю – и ни гроша!

Слуги торопливо убирают со стола еду. Потеряв дар речи, де Марин и Эмбс глядят, как уносят их тарелки. Но принцесса сохраняет самообладание. Преспокойно отвесив пощечину слуге, который попытался забрать ее бокал, она не торопясь допила свое вино. Поставила бокал на стол и ровным голосом обратилась к хозяину:

– По-моему, вы сошли с ума, милейший. Вам будет за все заплачено. На днях я написала письма русским посланникам при Версальском и Прусском дворах, чтобы они незамедлительно выслали мне...

– Слыхали, слыхали... – перебил хозяин, – и про посланников... все уши забиты этими рассказами. А что оказывается на самом-то деле? Сегодня приезжают честные господа из Парижа...

И он распахнул дверь. В дверях стояли ухмыляющиеся Понсе и Маса.

– Всё сказки рассказываете про сокровища персидского дяди? – усмехнулся Понсе. – Думали, не найдем вас? Найти вас просто. Спроси, где больше всего тратят денег...

– И вы с ней, маркиз? – засмеялся в свою очередь Маса. – Вот уж никак не думал, что окажетесь таким же болваном, каким оказался я.

– Тысяча чертей! – Де Марин вскочил в бешенстве.

Но принцесса повелительным жестом усадила его на стул.

– Мой друг, – обратилась она ласково к Эмбсу, – окажите любезность, принесите мой баул...

Барон Эмбс молча встал и ушел в другую комнату. А она продолжала все так же совершенно спокойно:

– Итак, на днях я действительно должна получить некоторое известие из Персии.

Оба банкира расхохотались.

– Кроме того, – продолжала она, будто не замечая этого веселья, – завтра здесь появится мой жених – граф де Рошфор, который сначала заплатит по векселям, а уж потом я попрошу его снабдить увесистыми пощечинами господ, нарушивших мой покой.

Заявление отрезвило хозяина гостиницы, и он скрылся за спинами банкиров. Но Маса и Понсе только хохотали.

В это время вернулся Эмбс и молча протянул баул принцессе.

– Впрочем, до его приезда я, пожалуй, сама постараюсь умерить ваше веселье, господа.

И она выхватила из баула пару пистолетов и направила их на банкиров.

– Ну что ж, – сказал Понсе, отступая к дверям. – Мы подождем до завтра. Но только до завтра.

– Ваши векселя уже находятся в магистрате, так что готовьтесь завтра проследовать в тюрьму, – сказал Маса.

Принцесса нажала курок Раздался выстрел. Оба банкира и хозяин моментально исчезли за дверью. Принцесса выстрелила трижды в стену, и пули легли точно – одна в одну.

Унесенные тарелки вновь вернулись на стол, и прерванный обед продолжался.

– Послушайте, Алин...

– Я прозвал ее Алин. И она любила это имя...

– Послушайте, Алин, но... вы знаете, и я знаю, и эти господа знают: у Рошфора нет денег. Он весь в долгах. Я даже думаю, что он сильно рассчитывает на сокровища вашего дяди...

– Мой друг, вы не мудры. Мой персидский дядя любил рассказывать мне одну историю... – Она с аппетитом набросилась на еду.

– Она была худа, точнее, томно изящна, но у нее всегда был зверский аппетит.

– Один шах приказал своему визирю: «Сделай так, чтобы моя любимая собака заговорила!» – «Обязательно сделаю, но только завтра». – «Ты сошел с ума!» – сказала жена визирю. «Почему? Никто не знает, что случится завтра: или я умру, или шах умрет, или собака сдохнет...»

И она расхохоталась.

– И вот тогда мне показалось, что она не раз бывала в подобных переделках и что ей отнюдь не двадцать один год! Самое смешное, что назавтра действительно все уладилось...

Та же зала в гостинице, и та же компания сидит уже за пустым столом.

Распахивается дверь – и граф де Рошфор торжественно объявляет:

– Его высочество князь Филипп Фердинанд Лимбург-Штирум.

Вошел немолодой господин, в большом парике, в ослепительном, но, увы, старомодном золотом камзоле со множеством орденов.

Князь Филипп Фердинанд Лимбург-Штирум – «князь Священной Римской империи, владелец Лимбурга и Штирума, совладелец графства Оберштейн, князь Фризии и Вагрии, наследник графства Пинненберг и т. д.». Так писался его титул в официальных бумагах. Но все эти пышные названия скрывали крохотные отрезки земель, разбросанные по Германии. Тем не менее земли были. И как владетельный князь Римской империи, он имел право держать свой двор, послов, свое маленькое войско, чеканил монету и многочисленные ордена, каковыми, как и остальные князья, щедро торговал.

Принцесса поднимается со стула и величаво протягивает руку для поцелуя. Лимбург с низким поклоном целует руку. Он о чем-то спрашивает ее, она что-то отвечает... Ее огромные глаза устремлены на князя.

Она страстно жестикулирует, рассказывая, и вот уже Лимбург вытирает нахлынувшие слезы.

– Бедный Рошфор! Она рассказала князю всю грустную историю своей жизни. И про персидские сокровища тоже. Она знала, эта тема очень интересует князя, вечно нуждавшегося в деньгах...

Теперь уже князь темпераментно что-то повествует принцессе. И она смотрит на него своими завораживающими глазами. Они будто впились друг в друга.

Рошфор не выдержал. Он осмелился сам подойти к увлеченным собеседникам.

– Я решил назначить, Алин, наше бракосочетание... Она с удивлением смотрела на Рошфора:

– Я сказала, граф: я жду ответа из Персии и уже тревожусь за этот ответ. Что делать, мой друг, я невольница своего происхождения...

– Бедный, бедный Рошфор... Князь все заплатил по нашим счетам. Масе получил орден и был счастлив. Понсе – деньги и тоже был счастлив...

Во дворе гостиницы стояли два экипажа.

Князь галантно помогает принцессе, и они усаживаются в карету князя. Рошфор хотел было последовать за невестой, но князь жестом указал ему на другой экипаж, где уже сидели Эмбс и де Марин.

– Пожалуйста в нашу теплую компанию, – засмеялся де Марин. Хозяин гостиницы, Понсе и Масе подобострастно провожают князя.

Они стоят во дворе и приветливо машут отъезжающим. И тогда в окне кареты князя показалось лицо принцессы.

Она нежно обратилась к Рошфору:

– Надеюсь, вы не забыли о моей просьбе, граф?

Рошфор выходит из кареты, подходит к хозяину гостиницы. И тот, уже понимая, в чем дело, послушно подставляет физиономию. Граф молча отвечает ему пощечину.

– Продолжайте, граф, – раздается голос принцессы из кареты. Понсе и Масе покорно подставляют свои щеки.

– Все как я обещала, господа! И запомните я всегда плачу по своим счетам!

Сопровождаемые низкими поклонами хозяина и банкиров, оба экипажа трогаются...

– Он увез ее в свой замок в Нейсесе. Маркиз усмехнулся: рассказ был окончен.

– И неужели все это время вы не пытались выяснить, кто она на самом деле? – спросил Рибас.

– Дорогой друг, вы не любили! Это все, что я могу вам ответить. Впрочем, князь Лимбург, который любил, вынужден был заниматься тем, что вас так интересует. Он собрал сведения о ее прошлом.

– И что же он выяснил?

– Естественно, это осталось его тайной.

– И все-таки кто она, по-вашему?

– Повелительница, сударь. Она захотела, и маркиз де Марин превратился в фальшивомонетчика, в шулера... Мне все время нужны деньги... только с деньгами я могу показаться к ней. Я ненавижу ее, когда ее нет. Но она велит – и я скачу в Рагузу помогать ей бежать от долгов. Она – мое проклятие... И если вы пришли ее убить – постарайтесь это сделать поскорее...

Придя в гостиницу, Рибас тотчас начал писать донесение графу Орлову. Закончив письмо, он повалился на кровать и заснул мертвецким сном.

Когда взошло солнце, Рибас уже был на ногах. Он растолкал спящего слугу.

– Письмо доставишь графу Алексею Григорьевичу. Отдашь только в собственные руки. Я буду ждать тебя в замке Нейсес в имении князя Лимбурга.

Он протянул слуге несколько золотых:

– На дорогу!

– И это все, сударь?! А ночлег? А постоянные дворы?

– В твоём возрасте люди не тратят деньги на постоянные дворы. Зачем ночевать на постоянных дворах, когда есть вдовы, – отечески объяснил Рибас слуге. – В путь!

Замок Нейсес, 1774 год, октябрь.

В парадной зале у камина сидели князь Лимбург и Рибас. Князь Лимбург держал в руках рекомендательное письмо: «Подателю сего господину де Рибасу вы можете доверять, как мне самому. Маркиз де Марин».

Лимбург усмехнулся:

– Это очень печальная рекомендация, ибо я редко встречал большего негодяя, чем маркиз... Итак, кто вы, милостивый государь?

– Меня зовут Рибас. Иосиф де Рибас, испанец.

– Вы живете здесь два дня и осмелились собирать сведения об... известной особе.

– Совершенно верно, Ваше сиятельство.

– Зачем вам нужны эти сведения?

– Исключительно чтобы привлечь к себе ваше милостивое внимание. Это был единственный способ попасть пред очи Вашей светлости. – И добавил: – Я испанский дворянин, но я нахожусь на русской службе.

– Значит, все это правда? – в сильном волнении вскричал князь. – У нее есть своя партия в России?!

– У нее нет своей партии в России, просто очень могущественные люди хотят узнать обстоятельства жизни этой женщины. Я целую неделю открыто собирал о ней сведения, но всего лишь два дня назад олухи, которых вы называете своими слугами, это заметили. Итак, меня прислали к вам с вопросом: желало бы Ваше сиятельство, чтобы эта женщина вернулась из своих рискованных путешествий обратно в ваш замок?

– Я желаю лишь одного: забыть ее! Я хочу, чтобы все минуло, – яростно начал князь и добавил без паузы: – А как это сделать?!

– Меня прислали к вам очень могущественные люди, князь. Итак, они предлагают обмен: Ваше высочество расскажет все, что знает о ней. А мы постараемся ее вернуть...

– Доказательства?

– Никаких, кроме логики: мы заинтересованы в том, чтобы она прекратила «опасные свои приключения». И вы тоже, Ваше высочество. Наши интересы совпадают.

Князь задумался.

– Вы почему-то мне внушаете доверие, господин...

– Рибас.

– Я принимаю предложение. Да и нет другого выхода. Вы действительно моя последняя надежда.

– И я в этом совершенно уверен, князь, – сказал почтительно Рибас, глядя на князя чистыми добрыми глазами.

– Хорошо! Но Бог покарает вас, если вы солгали.

Князь помолчал, а потом торжественно начал – ему доставляло неизъяснимое, почти болезненное удовольствие рассказывать о ней.

– Весной прошлого года я привез ее из Франкфурта в замок Нейсес, и началась самая прекрасная пора моей жизни. Мне уже было за сорок...

«Сорок пять, если быть точным», – усмехнувшись, подумал Рибас.

– Я часто увлекался, но, поверьте, я все забыл!

Замок Нейсес.

У камина в той же комнате, где сейчас сидят Рибас и Лимбург, сидела принцесса, играла на лютне и с томной нежностью глядела на князя.

– Мой Телемак, – шепчет принцесса.

– Моя Калипсо, – отвечает князь.

Калипсо, по греческой мифологии, – нимфа, державшая семь лет в плену Одиссея, а прекрасный Телемак – сын Одиссея.

«Милый разговор, – опять усмехнулся про себя Рибас, – если учесть, что Телемак был двадцатилетний юноша. Этот болван не понял, как она издевалась над ним».

– Мой Телемак... – с нарастающей нежностью повторяла принцесса.
– Моя Калипсо...
– Мой Телемак, мне немного надоел этот граф Рошфор. Он все время преследует меня моим обещанием выйти за него замуж...

Этого было достаточно. О небо! Я отправил в тюрьму несчастного Рошфора, единственного преданного мне человека. Нет, я не был к нему жесток, поверьте... Ему приносили лучшую еду и его любимое бургундское. И каждый день я давал ему возможность бежать. В тюрьме в камере мирно беседовали Лимбург и Рошфор.

– Почему вы не бежите, граф?
– Я жду, Ваше высочество.
– Чего?
– Того, что скоро случится.
– Что случится? О чем вы болтаете?
– То, что случилось со мной... с де Марином... Со всеми, кто был знаком с этой женщиной.
– Я лишаю тебя бургундского, – кричит князь, но Рошфор только хохочет.

– В тот день я повез ее в замок Оберштейн. Я был совладельцем этого графства... Лимбург и принцесса верхом подъезжают к замку в Оберштейне.
– Ах, мой Телемак... Как прекрасно жить здесь! Вдали от всякой суеты.
– Моя Калипсо... – восторженно шепчет Лимбург.
– Я слышала от своей няньки, что в моих княжествах много таких замков. Скоро, ох как скоро ты прочтешь в газетах о возвращении мне моих земель. И тогда я покину тебя, мой Телемак, и уеду в далекую заснеженную страну.
– Ты уедешь?
– Но прежде чем уеду, я мечтаю, чтобы вы выкупили этот замок. Я уж придумала, как его перестроить.

Она соскочила с лошади и хлыстом уверенно начала чертить на земле контуры замка.
– Когда меня, увы, с тобой не будет, ты будешь смотреть на замок и вспоминать свою странную Калипсо...

– Она замечательно рисовала, понимала в архитектуре и играла на многих инструментах.
– ...Мне дали прекрасное образование, у меня были самые дорогие учителя.
– И тогда впервые с какой-то злой меланхолией она начала рассказывать о своем детстве.
– Я дитя любви очень знатной особы, которая поручила некой женщине воспитать меня. Ни в чем я не имела отказа. Но... вдруг перестали приходить деньги на мое содержание. Оказалось, моя мать умерла. И вот тогда эта женщина продала меня богатому старику. – Она засмеялась. – О, как я обирала его! Я притворялась больной, он вызывал врача и аптекаря, и они прописывали мне самые дорогие лекарства. Старик безумно любил меня и платил, а потом эти деньги мы делили с аптекарем и врачом.

– И вас не мучила совесть? – в ужасе вскричал князь.
– Куртизанки как солдаты: им платят за то, что они причиняют зло.
– О небо! И вы могли... без любви...
– Видишь ли, мой друг, капризничать – это для нас то же, что матросу бояться морской болезни. Пусть испанцы скупы, пусть итальянцы плохие любовники – легко загораются и так же быстро гаснут, но я не должна была никому отказывать, даже евреям.

Она взглянула на страдающее лицо Лимбурга и расхохоталась:

– Мой Телемак, ты плохо образован. То, что я сейчас говорила, я прочла в книге моего любимого Аретино, он был великий венецианец. – И добавила насмешливо: – Жаль, что он умер триста лет назад. Говорят, он был превосходный любовники в пятьдесят шесть лет хватался, что прибегает к услугам женщин не менее сорока раз в месяц.

– И все-таки в ее рассказе я почувствовал какую-то страшную правду. Нет, я никогда не мог понять, когда она выдумывала, когда говорила правду, хотя чаще всего это было и то и другое вместе...

– ...Ах, мой Телемак, постарайтесь стать хоть чуточку мудрее. К сожалению, в нашей жизни наступает возраст, когда надо хотя бы производить впечатление умного, если не хочешь быть смешным. – Она расхохоталась. – Поверить, что наследница володимирских князей была дешевой куртизанкой! Ох, мой Телемак!

– Но зачем вы все это говорили?

– Со злости. Мне стало обидно, мой друг, что вы так легко восприняли известие о моем возвращении в Россию.

– Если вы уедете, Алин, – глухо сказал Лимбург, – я уйду в монастырь.

– Вот это другое дело... И все-таки я уеду, я обязана выйти замуж: род великих князей не должен прекратиться... Пора пришла. Я получила письмо из России!

– И вот тогда я сказал ей то, ради чего она все это говорила.

– ...Я свободен. И... я прошу вашей руки, Ваше высочество. Вы молчите?

– Я представила, какой ропот поднимется среди всех этих тупых немецких государей. «Ах, владетельный князь женился на русской принцессе, а у нее ни земель, ни бумаг о происхождении». О, вы, немцы, бумажный народ, мой друг.

– Я отрекусь от титула, но я женюсь. Я не могу без вас.

– И я не могу... Но я никогда не посмею причинить вам боль. – Она плакала. – Я люблю вас... – Она рыдала, а потом сказала сквозь слезы: – Мне пришло сейчас в голову... соберите, мой друг, все деньги... все, все... и выкупите этот Оберштейн. А потом... объявите, что это я дала деньги... что они присланы мне из Персии. И тогда... ваши владетельные родственники хоть немного поверят...

– Великолепная мысль! Они умрут от зависти!

– Тем более что мне действительно скоро пришлют деньги из Персии.

– И я не только выкуплю Оберштейн, – в восторге вскричал Лимбург. – Я подарю его вам, чтобы у вас, моя Калипсо, были земли! Чтобы вы как равная могли вступить в брак с владетельным немецким князем!

– Я написал всем немецким князьям о своей помолвке, о том, что княжна, наследница русских князей, фантастически богата и выкупила графство Оберштейн. Я не заметил, как я, ревностный католик, ни разу в жизни не солгавший, через месяц жизни с нею стал отъявленным лгуном!

В тюрьме князь Лимбург и Рошфор беседуют за богато сервированным столом.

– Она получила из Персии дядюшкины деньги и купила себе графство Оберштейн.

– Она? Получила деньги? – Рошфор умирает от хохота.

– Я опять лишаю вас бургундского, граф!

– Я заложил земли в Штируме и во Фризии – и она выкупила графство Оберштейн. Я стал готовиться к помолвке и одновременно все же поручил своим людям... да, да... выяснить все о моей невесте!

Замок Оберштейн.

У камина сидит принцесса и, склонив прелестную головку, гадает.

В тазу плавают кораблики с зажженными свечами. Это старинное венецианское гадание. Камеристка Франциска фон Мештеде, стоя на коленях, зачарованно смотрит в таз на горящие свечи.

На камине водружена картина, которую только что закончила рисовать принцесса. На ней все та же сцена: принцесса, сидящая у камина, кораблики с зажженными свечами и камеристка...

Неслышно вошел Лимбург. В восхищении смотрит князь на эту мирную идиллию.

– Подарите мне эту картину, Алин... Она обернулась в бешенстве.

– И вы смеете как ни в чем не бывало приходить ко мне? После того как вы, предназначенный мне Богом... утешение за всю мою жизнь... смели хладнокровно проверять мое прошлое?

– Но я... – начинает Лимбург.

– Смели обсуждать с мерзавцами ростовщиками, когда и где я познакомилась с бароном Эмбсом, когда и где...

– Откуда она могла узнать? До сих пор не понимаю... Кроме меня и моего банкира, никто не знал. Но она... она всегда знала все. Она была сущий дьявол!

В комнату входит барон Эмбс.

– Барон, я просила вас принести...

Эмбс с поклоном протягивает свой патент.

– И пусть вам будет стыдно, князь! – Она швырнула патент Лимбургу. – Это патент на звание капитана. Барон прославился военными подвигами, а не выяснениями несчастных обстоятельств жизни несчастной женщины.

– И все-таки я ей не верил. Точнее, верил... и не верил. Мои люди много раз подпаивали этого подозрительного барона. Но ни слова от него не добились. Он пил и молчал.

– Я прошу простить меня... – сказал несчастный Лимбург, возвращая патент. – В последний раз.

– Я слишком хорошо вас знаю. Этот последний раз будет длиться вечно. Ступайте... я хочу дочитать письмо. – И она демонстративно взяла со столика письмо и погрузилась в чтение.

– Я не смел спросить ее, что это за письмо, но умирал от любопытства.

– Это письмо от гетмана Огинского из Парижа, – сказала она, усмехаясь и глядя на князя.

– Рошфор рассказывал мне о ее связи с гетманом. Призрак этого сиятельного любовника никогда не давал мне покоя. Проклятие!

Через несколько дней – в замке Оберштейн.

Лимбург ставит перед принцессой бронзовый шандал с экраном. Торжественно зажигает свечу – и на экране видна картина: она гадает, и кораблики с зажженными свечами плавают в серебряном тазу.

Но она не оценила подарка.

– Какая прелесть, – говорит она равнодушно. И добавляет: – Я хочу, чтобы вы пожили немного в Нейсесе, а я поживу пока одна здесь, в Оберштейне. Я хочу, чтобы вы проверили, Телемак, действительно ли хотите взять меня в жены.

– И очень скоро я узнал от своих слуг в Оберштейне, что ее навещает там некий незнакомец. Он приезжал к ней обычно ночью из городка Мосбах. В донесениях моих слуг он именовался «мосбахским незнакомцем».

В тюрьме Лимбург и Рошфор сидели за бутылкой вина.

– Это невыносимо, граф, – жаловался Лимбург, – я уже не имею права жить с нею. Когда я начинаю объясняться в любви, она заявляет: «Ах, мой друг, вы любимы... И очень стыдно в ваши лета быть столь ревнивым, мой Телемак». Она выгнала из Оберштейна всех. Даже этого странного барона Эмбса она отправила в Париж вместе с де Марином – торговать моими орденами. И они продают их бог знает кому... А в Оберштейне все стонут от ее самоуправства! Рошфор хохочет.

– Но самое гнусное: каждую ночь к ней приезжает некто... мои люди слышали польскую речь.

Рошфор покатывается со смеху.

– Это Огинский! Клянусь, это проклятый гетман! Ну, хорошо, хорошо, я признаю, вы были во всем правы, граф, – вздохнул Лимбург. – И вот письмо, которое она получила... да – да... я был в замке, я обыскал... я унизился и до этого. – Он протянул письмо Рошфору: – Читайте!

Под письмом стояла дата – 12 ноября 1773 года. Письмо было написано по-французски, без подписи. Рошфор читал письмо:

«Горю желанием, Ваше высочество, принести Вам знаки своего уважения, однако есть причины, мешающие мне открыто это осуществить. Одетый по-польски, боюсь привлечь внимание слишком многих любопытных. Поэтому для встречи предлагаю постороннее место, чтобы укрыться от взоров ненужных наблюдателей. Для этого я нанял дом в Мосбахе. Если Ваше высочество признает это приемлемым, Вас проводит туда преданный мне человек».

Лимбург в бешенстве шептал:

– Огинский! Проклятый поляк!

– Странно, – сказал Рошфор. – Я был знаком с гетманом в Париже, он слишком осторожен для подобных приключений.

Стояла глубокая ночь.

У стены замка Оберштейн привязаны две лошади. Открылась потайная дверь в стене – в темноте появилась принцесса в сопровождении незнакомца. На принцессе черный плащ, она в мужской одежде. Незнакомец, молодой человек, тоже в черном плаще и в треуголке.

Молодой человек отвязал лошадей – принцесса легко вскочила в седло. И они поскакали в лунной ночи по лесной дороге...

Лимбург и Рошфор, верхом, прячась в тени деревьев, наблюдают всю сцену.

Рошфор тихо смеется:

– Мы будем в Мосбахе раньше, я знаю кратчайший путь.

– Я разоблачу бесстыдную лгунью! – в бешенстве шепчет Лимбург.

Они скажут по дороге – в ночь, в которой скрылись принцесса и незнакомец.

Большой дом на окраине Мосбаха. Спит городок. Темные дома освещены луной.

Стук копыт. К дому подъезжают принцесса и молодой незнакомец.

В тени деревьев их уже поджидают Рошфор и Лимбург на лошадях.

– Открывайте ворота, – кричит по-польски незнакомец.

Из ворот выходит мужчина в расшитом польском кунтуше, в широкой шляпе, скрывающей лицо.

– Огинский! – шепчет Лимбург.

Мужчина в польском кунтуше низко кланяется принцессе, помогает ей сойти с коня. И, встав на колено, целует руку.

– Ни с места, господи! – не выдерживает Лимбург и выскакивает на лошади из тьмы.

Молодой незнакомец тотчас выхватил шпагу, но Рошфор, появившись с другой стороны дома, выбил шпагу у него из рук.

– Боже мой, – вскричала принцесса, обращаясь к Лимбургу, – вы сошли с ума!

– Я вызываю вас, гетман! – бессмысленно кричит Лимбург человеку в кунтуше.

Лунный свет падает на его лицо.

– Я был прав, это не гетман, – устало усмехается Рошфор.

– Простите, князь Карл, – почтительно обращается принцесса к человеку в кунтуше, – но вас приняли за другого... Позвольте вас познакомить с моим женихом и просить прощения за то, что это знакомство происходит при столь странных обстоятельствах. – И она торжественно представляет: – Его высочество князь Карл Радзивилл, виленский воевода... Его высочество князь Филипп Фердинанд Лимбург...

Мужчина в кунтуше и князь Лимбург почтительно, церемонно раскланиваются.

Карл Радзивилл, князь Священной Римской империи, виленский воевода, любимец шляхты, «пане коханку», «родовитейший из родовитейших», как его называли в Польше.

– Теперь ваша очередь, князь Карл, – обратилась принцесса к Радзивиллу, – представить меня моему жениху.

– О чем ты говоришь, Алин, – изумленно начал Лимбург.

– Алин умерла... И забудьте это имя, мой друг. – Она повелительно взглянула на Радзивилла.

И тогда князь Радзивилл объявил:

– Ее императорское высочество Елизавета Всероссийская, единственная законная наследница престола России...

В доме Радзивилла в Мосбахе: огромная зала, увешанная оружием, тонула в полутьме. Радзивилл стоял в центре залы.

После избрания польским королем Станислава Понятовского князь Радзивилл не признал «безродного шляхтича» и скитался за границей. Но вдруг неожиданно покорно бил челом в Петербурге, обязался служить Понятовскому и во всех поступках считаться с желаниями Екатерины. Получил прощение, «как собственное дитя императрицы», князь Радзивилл вновь зажил королем в своем замке в Несвиже. Он лупил несчастных шляхтичей и потом устраивал для них же пьяные оргии, заливая вином свой позор. «Король – король в Кракове, а я – в Несвиже», – повторял воевода. Но вскоре так же легко, как примирился с Понятовским, он его и предал. Во главе вооруженных отрядов он появился под знаменами конфедератов. Будучи много раз разбит, бежал за границу и там объявил себя непримиримым врагом Екатерины и Понятовского. Он путешествовал по Европе, склоняя к войне с Екатериной мелких немецких государей и Французский двор. Представитель Радзивилла – некто Доманский – участвовал во всех съездах конфедератов.

К 1773 году Радзивилл сделался для шляхты символом борьбы. И тогда его имения в Польше были конфискованы. Один из богатейших людей Европы начал жить, продавая

фамильные драгоценности. «Нельзя запятнать славу предков, – повторял Радзивилл среди обрушившихся на него ударов судьбы. – Я приму охотней звание вечного скитальца, чем примирюсь с врагами Речи Посполитой». За месяц до описываемых событий король Польши Понятовский объявил амнистию всем эмигрантам, которые сложат оружие и вернуться в Польшу. Многие тотчас начали переговоры с королем, подготавливая свое отречение от борьбы. Но «пане коханку» остался стоек. Именно в эти дни и состоялась его встреча с принцессой.

Множество слуг толпилось в полутемной зале, подобострастно кланяясь принцессе.

По знаку Радзивилла слуги исчезли. В зале остались молодой незнакомец, Радзивилл, принцесса, Лимбург и Рошфор.

– Сколько раз я мечтала, – горестно шептала принцесса Лимбургу, – объявить вам все это сама... Сколько раз я проклинала судьбу и происки врагов, заставлявшие меня скрывать от вас... от мужа, данного мне Богом, свое имя. И вот, когда я готовилась торжественно открыть вам тайну моей жизни... вы, как всегда, все испортили глупой ревностью...

Меж тем Радзивилл торжественно начал:

– Исторический день наступил, господа. В этом доме происходит первое свидание несчастного скитальца с будущей российской государыней.

Он низко поклонился принцессе.

Принцесса была неузнаваема: ее лицо, ее жесты – сама величественность.

– Мне остается, господа, открыть вам: мое истинное имя Елизавета. Елизавета – дочь Елизаветы... Я рождена от брака русской императрицы Елизаветы с казацким гетманом Разумовским. Это был тайный брак, но брак законный. О чем существуют соответствующие бумаги...

Она взглянула на молодого незнакомца, и тот утвердительно кивнул.

– Подвергаясь тысяче опасностей, я была вынуждена жить под именем принцессы Володимирской. Но пора пришла. По моему приказу брат мой Разумовский, скрывшийся под именем Пугачева, успешно поднял восстание в России. Урал и Сибирь в наших руках! Чтобы быть понятным простому народу, брат мой по повелению моему принял имя Петра Третьего.

– Боже мой, не так давно я сам впервые читал ей в газетах об этом Пугачеве... Клянусь, я помню до сих пор, как загорелись ее глаза...

– Настало время, – продолжала принцесса, – заявить миру о моих правах. – И она торжественно положила на огромный стол бумаги. – Это копия духовного завещания матери моей Елизаветы... Когда-то мать моя передала его моим воспитателям. Чтобы потом, когда придет моя пора царствовать, ни у кого не возникло сомнений в моих правах. Знакомьтесь, господа... Подлинный текст сохраняется в надежном месте и вскоре будет предъявлен миру.

– Я впился в бумаги... Нет, это не был почерк Алин, и, клянусь, это не был ее стиль. Бумаги были составлены замечательно. Там были такие подробности, которых она знать не могла, клянусь небом! И никто другой не мог! Нет, это было подлинное завещание! Но откуда оно у нее?!

И вновь молодой человек неслышно выступил вперед, забрал бумаги из рук Лимбурга. И отступил в темноту зала.

– Кроме того, мать оставила мне завещания деда моего Петра Великого и бабки моей Екатерины Первой. И вскоре все это также сделается достоянием публики. Итак, здесь, сегодня я объявляю начало борьбы за свои права. В Швеции нас готовится поддержать король Густав, мечтающий отомстить за поражение при Полтаве. В Турции мир, на который рассчитывает Екатерина, не будет заключен. В Париже нас горячо поддерживает Версальский двор. Весь

Урал в руках нашего брата. В этом общем восстании против похитительницы престола немецкой принцессы Екатерины я отвожу особую роль Польше... Радзивилл поклонился.

– Мы, Елизавета Вторая Всероссийская, торжественно клянемся, господа, восстановить Польшу в ее границах. Мы клянемся свергнуть с польского престола безродного раба Екатерины Понятовского и поддержать избрание польским королем единственно достойного...

Она взглянула на Радзивилла, и Радзивилл опять гордо поклонился.

– Наши действия начнутся с совместной поездки с князем Карлом в Константинополь к султану. Мы принудим султана к прекращению всяческих мирных переговоров с узурпаторшей. Оттуда, из Константинополя, я обращусь к русскому войску и флоту – свергнуть узурпаторшу – немку и передать престол законной наследнице – последней из дома Романовых. – Глаза ее горели. – Я напишу главе русской эскадры графу Алексею Орлову. Партия Орловых недавно пала в России, и, нет сомнения, граф возьмет мою сторону!

– Как все причудливо соединялось в этой очаровательной головке. Это я ей рассказывал про низвержение Орловых и про Разумовского. Несколько лет назад казачий гетман проезжал через мои владения. И все вокруг говорили о тайном браке его брата Алексея с императрицей Елизаветой. Но она, видимо, перепутала имена братьев, назвавшись дочерью казачьего гетмана. Так я подумал тогда...

– Итак, господа, на днях князь Радзивилл отправляется в Венецию. И будет готовить экспедицию и корабли для нашей поездки к султану. Чтобы не давать повода к излишним слухам, мы отправимся в Венецию порознь.

– В Константинополь, Ваше высочество! – закричал Радзивилл. – И если верность отечеству потребует от меня терпеть нужду до конца моих дней – буду терпеть, но мать-родину не предам!

– К сожалению, остается еще один важный вопрос экспедиция потребует много денег... я знаю ограниченные ныне средства князя Карла...

– Все отдам, все, что есть! И будем верить, что мы получим помощь от Бога, как получаем от людей одни притеснения! – выкрикнул Радзивилл.

Принцесса взглянула на Лимбурга.

– Я готов во всем помочь своей будущей супруге, – начал Лимбург. И добавил: – Ее высочеству Елизавете Всероссийской.

– У меня уже есть план, господа, – продолжала принцесса. – Копии находящихся у меня завещаний русских царей должны быть немедленно показаны французским банкирам. Одновременно в газетах надо опубликовать подробный список крепостей, взятых моим братом Пугачевым. После чего немедленно следует выпустить в Париже заем от моего имени как единственной законной наследницы Русской империи. Дадут, дадут деньги проклятые банкиры!

– Браво! – закричал Радзивилл.

– Скоро начнет светать. Пора расставаться, чтобы не возбуждать излишних слухов, – сказала принцесса. – Мой офицер проводит вас обратно в Оберштейн, господа...

Молодой незнакомец вышел из темноты и поклонился.

– Позвольте вам представить... – обратилась принцесса к Лимбургу. – Это Михаил Доманский...

Михаил Доманский. Польский шляхтич. В пятнадцать лет был пристроен дядей во дворец князя Радзивилла. Там, среди пиров, охот и диких оргий, вырос этот человек. Был избран депутатом сейма, принял сторону Конфедерации, участвовал в восстании против избрания королем Понятовского. После поражения бежал в Германию. И здесь вновь встретил своего прежнего господина Карла Радзивилла. Радзивилл целиком попал под влияние двадцатише-

стилеть Доманского. Теперь на всех съездах конфедератов от имени Радзивилла выступал Михаил Доманский...

Кавалькада едет в лунной ночи. Подъехав к замку Оберштейн, Доманский прощается со всеми и исчезает во тьме.

Рассвет.

В замке Оберштейн, в гостиной у догорающего камина сидели Лимбург и принцесса.

– Как вы догадываетесь, мой друг, – насмешливо начинает принцесса, – с нашим браком придется повременить. Покуда я не сяду на русский трон. Надеюсь, тогда вашим родственникам не понадобятся бумаги? И вам не придется более собирать обо мне сведения по закоулкам Европы...

– Невероятно! – вздохнул Лимбург. – Вы готовы отвергнуть таинство брака ради прозрачной мечты?

Она гневно взглянула на него. Он помолчал, но потом добавил:

– Алин, мы одни. Поклянитесь мне... Более ничего не надо. Этой клятвы будет достаточно... Все, что я слышал сегодня, правда?

Она усмехнулась и торжественно сказала:

– Клянусь, что императрица Елизавета имела дочь от тайного брака, увезенную из России и воспитанную за границей!

– И кто же она, Алин? – не выдержал Лимбург. Она посмотрела на него бешеными глазами:

– Я, Ваша светлость! И запомните навсегда: Алин умерла. Есть принцесса Елизавета.

И вдруг потянулась к нему, поцеловала. Потом оттолкнула и сказала:

– А сейчас вы вернетесь в Нейсес. – Но...

– И не спорьте, Телемак: вы должны выполнить важное дело... Благодаря вашей глупой ревности в тайну оказался посвящен посторонний. Он знает о готовящейся экспедиции, этот желчный и злой человек. Я говорю о Рошфоре.

– Что вы еще хотите?

– Вы уже догадались. Я не могу рисковать делом всей своей жизни. Если вернетесь в Нейсес и снова посадите, – она усмехнулась, – «верного Рошфора» в государственную тюрьму. И горе ему, если он выйдет оттуда, пока несвершится экспедиция к султану. Я не хочу мертвецов.

И она вновь страстно поцеловала князя, и князь, как всегда, обмяк.

Лимбург и Рошфор отъезжают от ворот замка Оберштейн.

– Поглядите, Ваше высочество...

И Рошфор, смеясь, показывает на темные силуэты у стены замка. Лимбург молча смотрит на лошадь, привязанную у потайной двери в стене.

– Не узнали, Ваше высочество? Это лошадь того самого поляка Доманского, который должен быть далеко отсюда...

– Послушайте, граф, – в бессильном бешенстве говорит Лимбург. – Ваша вечная подозрительность уже завела нас... вернее, вас в пропасть. Я не знаю даже, как сказать вам, но я должен вас...

– ...Арестовать! – говорит Рошфор, умирая от смеха.

– Но я не мог забыть эту лошадь... И в те недолгие часы, когда она допускала меня в Оберштейн, я всегда чувствовал присутствие этого человека. Появлялись кем-то написанные проекты ее писем турецкому султану, шведскому королю, гетману Огинскому. Теперь она переписывалась со всей Европой...

Замок Оберштейн. Принцесса, как тигрица, разгуливает по зале, когда входит Лимбург. Она швыряет ему в лицо скомканное письмо и кричит:

– Этот мерзавец! Этот хитрый подлый трус!

– К кому относится все это на сей раз?

– Гетман Огинский! И он смел называться моим другом! Я послала ему письмо в Париж, я предложила ему принять участие в моей экспедиции в Турцию с князем Радзивиллом... И что мне ответил этот жалкий изменник!..

Из письма Михаила Огинского принцессе 10 апреля 1773 года: «Расположение мое к вам по-прежнему глубоко ношу в своем сердце... И поверьте, мой язык никогда не выдаст доверенной мне тайны. Но ваши предложения возбудили во мне воспоминания о временах оракулов, которые никогда не говорили определенно ни „нет“, ни „да“...»

– Этот негодяй делает вид, что не понял!

«И все-таки я желаю вам успеха, хотя не понимаю, какая дорога ведет к нему. Нет, нет, друг мой, лучше мне не быть вместе с вами в вашем начинании, ибо стоит мне только пожелать что-нибудь хорошее, как оно тотчас не исполняется...»

Она скомкала письмо, швырнула его на пол.

– Оказалось, этот трус уже ведет переговоры с Понятовским и Екатериной! Он решил вернуться в Польшу, он хочет получить отнятое имение – тридцать серебреников!

Наконец успокоилась, подняла скомканное письмо с пола, расправила:

– Это письмо я сохраню в своем архиве. Когда я сяду на трон, конфискую все земли этого предателя... Но зато другие дела хороши. Франция нас поддерживает, Радзивилл в конце недели выезжает в Венецию.

– Ах, дорогая, – вздохнул Лимбург, – мы перестали говорить с вами о чем-нибудь, кроме этой затеи.

– Вы смеете называть «затеей» святое предназначение? Лимбург усмехнулся:

– Ну что ж, поговорим о нем. Мне кажется, вы смешно путаете имя своего отца. Казацкий гетман Кирилла Разумовский никогда не был тайным мужем императрицы Елизаветы. Мужем вашей матери был другой Разумовский – Алексей, родной брат казачьего гетмана. Вам следует знать точное имя своего отца, дорогая, – насмешливо закончил князь.

– Мой милый Телемак, – в гневе ответила она. – Я знаю имя своего отца. Просто мне сейчас нужны деньги от банкиров. А они слышали: в России восстали казаки. И если мой отец – казацкий гетман, следовательно, это люди моего отца захватили пол-России. Дочери такого человека можно дать деньги!

– Я до сих пор не знаю – придумала ли она немедленно это объяснение или так оно и было. Ее головка готова была изобрести в любой миг миллион историй. Как она была изворотлива!.. Когда я намекал ей на этого проклятого поляка, она спокойно объявляла, что нарочно возбуждает мою ревность, ибо чувствует: я к ней охлаждаюсь. И заливалась настоящими слезами, клянусь! 13 мая 1773 года я провожал ее в Венецию...

Коляска князя Лимбурга подъезжала к дому на окраине Мосбаха. В карете принцесса и Лимбург.

– Не грусти, мой милый, сегодня тринадцатое. Я люблю начинать этот день. Мне всегда везло в этот ведьмин день...

Около дома уже ждет карета, запряженная четверкой лошадей. У кареты прогуливается Доманский в дорожном плаще. Принцесса весело обнимает Лимбурга.

– Мы расстанемся ненадолго, в России перевороты совершаются быстро.

Она целует его и выпрыгивает из коляски. Доманский помогает ей пересест в карету.

И поскакали лошади. Она высовывается из окна кареты и кричит князю:

– До скорой встречи в Петербурге!

– Больше я ее не видел... Но когда она приехала в Венецию, я послал к ней своего нового гофмаршала, барона Кнорра. И он писал мне обо всем что с ней случилось... Началось в Венеции все восхитительно: и поляки, и французы были от нее без ума...

Венеция.

Пестрая толпа заполнила набережную вдоль Большого канала. Все взоры – на палаццо на Большом канале, дворец французского посла. Над палаццо поднят королевский флаг. Из дворца под восторженные крики толпы выходит принцесса, окруженная польскими и французскими офицерами. Расшитые мундиры, перья на шляпах.

Все общество рассаживается в черные с золотом гондолы. Гондолы плывут по каналу, провожаемые криками толпы.

Откупили шампанское. Принцесса поднимается в гондоле и, сверкая раскосыми огромными глазами, начинает свой вечный рассказ. Обрывки рассказа долетают до жадного слуха толпы на набережной.

– ...Заточили в Сибирь... отравили... но Господь...

– Да здравствует принцесса Всероссийская! – кричат в гондоле.

– ...И тогда, по завещанию матери... дядя мой Петр Третий... до моего совершеннолетия...

– Виват, освободительница! Чудо, ниспосланное провидением Речи Посполитой!

– ...И я не дам немке узурпировать трон! Я, внучка Петра Великого, истинно последняя из дома Романовых... Я верю, господа, вы поможете женщине!

– Да здравствует Елизавета Прекрасная! – В воздух летят обнаженные шпаги французов и поляков.

– А дальше... начались странные вещи... Радзивилл никак не мог отплыть с ней в Турцию. И только в июле я получил известие...

Венеция, 16 июля 1774 года. На рейде – корабль.

Принцесса, Радзивилл, Доманский и пестрая свита на лодках подплывают к кораблю...

Барон Эмбс вносит в каюту драгоценный баул принцессы с архивом и пистолетами...

Принцесса стоит на палубе, морской ветер развевает ее красный плащ.

– В Константинополь, – шепчет принцесса. – Сбылось! Корабль в открытом море. На палубе – принцесса и Радзивилл.

Медленно корабль начинает разворачиваться. Появляется капитан – высокий алжирец.

– Ветер, – говорит капитан, – слишком сильный ветер... Мы должны возвращаться в Венецию.

– Как возвращаться?! – задохнулась принцесса.

– Очень сильный ветер, – вздыхает капитан. – Ох, какой сильный ветер!..

И он усмехается. Хитрющий черноволосый алжирец.

– И опять они праздно жили в Венеции. Она была в ярости. Она бунтовала. И наконец Радзивилл нашел другого алжирского капитана.

Та же пестрая толпа поднимается на корабль, и тот же молчаливый барон Эмбс проносит в каюту загадочный баул.

И опять корабль в открытом море. Все дальше уходит Венеция: колонна Святого Марка, Дворец дождей – все исчезает в голубом мареве.

– Свершилось! – шепчет принцесса.

Они плывут. Ветер, морской ветер. Принцесса с наслаждением подставляет лицо ветру, когда на палубе появляется капитан.

– Ничего не поделаешь, – вздыхает капитан, обращаясь к принцессе и Радзивиллу, – ветер...

Корабль ложится на обратный курс.

– Я умоляю вас, – обращается принцесса к капитану, – мы должны...

Непроницаемое лицо молчаливого Радзивилла.

– Ветер, – вздыхает капитан. – Я не могу рисковать кораблем.

– Я сделаю вас адмиралом! – кричит принцесса. – Я награждаю вас орденом! Барон! – Она обращается к Эмбсу. – Принесите мой орден Азиатского креста!

– Ветер, – вздыхает алжирец, – мы направляемся в Рагузу.

– Она была одновременно и хитра и наивна. Даже я из писем моего гофмаршала уже понял, что произошло: Турция заключила мир с Россией. И Радзивилл испугался поехать в Турцию. Теперь султан мог попросту выдать его России. Ясновельможный пан не мог ехать. Но он не мог и не ехать. Слишком многих он оповестил о своей великой затее... И он выдумал все эти ветры. Но Алин по-прежнему участвовала в игре.

Письмо принцессы князю Лимбургу. 10 августа 1773 года: «Все чепуха, что сообщают в газетах. Там, как всегда, одни враки. Мой брат Пугачев набирает силу. В Турции влиятельная партия убедила султана разорвать договор и возобновить войну с Россией. Я уже написала два письма султану и со дня на день жду от него ответа. Я написала также письмо графу Орлову и манифест к русскому флоту в Ливорно. Я уверена: вся эскадра, сам граф возьмут мою сторону».

– После мира с Россией Франция сразу отвернулась и от Турции, и от польских дел. Я получил запрос от французского двора, где в весьма холодном тоне просили сообщить сведения о женщине, именующей себя моей невестой. А ведь еще вчера... О люди! Французский консул в Рагузе попросил ее очистить консульство, Радзивилл не отправил султану ни одного из ее писем. В газетах кто-то напечатал пошлые сплетни о ней и самые непристойные истории. И все закончилось дикой сценой...

Рагуза.

Барон Эмбс выходит из дома. Двое французских офицеров, прогуливавшихся на улице, громким смехом встречают появление барона.

– Давно не виделись, барон!

Барон молчит, будто не слышит обращенных к нему слов.

– А где же ваша хозяйка? Ничего, что я называю эту продувную бестию вашей хозяйкой? – продолжает офицер под смех товарища.

Барон по-прежнему молча пытается уйти, но француз преграждает ему дорогу.

– Нет, я охотно назвал бы ее вашей любовницей, но боюсь обидеть других господ, справедливо претендующих на титул ее любовника. Например, недавно я прочел в газетах, что этот отважный поляк, господин Доманский, каждую ночь карабкается по отвесной стене вот этого дома в ее спальню.

Барон, все так же не произнеся ни слова, дает ему пощечину.

– Ах, как я этого ждал! – смеясь, обращается офицер к барону. – Мне давно не терпится проверить: соответствует ли умение драться на шпагах чину капитана литовского войска, который вы так гордо носите?.. Или вы такой же капитан и барон, как ваша хозяйка – русская принцесса? Защищайтесь!

И француз выхватил шпагу, Эмбс – свою. Француз играючи прижал Эмбса к стене, когда у дома остановилась карета Радзивилла...

– Господа, остановитесь, что вы делаете, господа! – Принцесса выскочила из кареты.

– Итак, принцесса, ваш друг – не капитан, – смеясь, сказал француз, продолжая теснить барона к стене. – Он совершенно не владеет шпагой. И это я докажу на счет «три». «Раз, два, три!» – И француз заколот несчастного барона.

– Он так и умер, не проронив ни слова. Принцесса, плача, опускается у тела барона.

Радзивилл вышел из кареты. С непроницаемым лицом, молча он наблюдает сцену.

– Вы... вы... вы... все это сделали! – кричит принцесса Радзивиллу. – Вы держите меня в этой проклятой Рагузе. Но берегитесь!

– Вы несколько забылись, Ваше высочество, – сухо говорит Радзивилл. – Вам следует оплакивать вашего верного слугу, а не кричать, как торговка.

Наступил вечер. В замке Нейсес Лимбург и Рибас заканчивали долгий разговор.

– После этого она слегла в постель. Сильно кашляла... врачи боялись, что дело дойдет до чахотки. Я написал ей письмо в Рагузу, но она не ответила. А потом отослала из Рагузы и моего гофмаршала. Единственное, что меня успокаивает: эти проклятые поляки отвязались от нее. Теперь она им не нужна. Но меня мучает другое: она осталась в Рагузе без денег. А она совершенно не может жить без денег. Без воздуха, без воды – может, а вот без денег...

– Ее нет в Рагузе, – усмехнулся Рибас.

– А где она? – испуганно закричал князь.

– Она села на корабль того самого алжирского капитана, который не смог доставить ее в Турцию. На этот раз он довез ее в Неаполь. Но сегодня ее уже нет и в Неаполе.

– Где она? Где? – умоляюще повторял Лимбург.

– В Риме. Там сейчас самое пекло – выборы нового папы. И, естественно, она там, ибо вновь полна жажды деятельности ваша неутомимая невеста. Кстати, вам не кажется странным, что она, у которой действительно не было денег, легко нанимает вдруг корабль? И, несмотря на смертельную ссору с Радзивиллом, на этот корабль с ней садятся два поляка из его ближайшего окружения? Михаил Доманский... Да, да, я знаю, вы думаете, что он... Но с ней поехал и другой сподвижник Радзивилла и тоже важный деятель Конфедерации – некто Черномский. Значит?.. Может быть, ссора с Радзивиллом над трупом несчастного барона была лишь представлением? И поляки совсем не вышли из игры? Просто в силу новых обстоятельств князь Радзивилл решил показать, что вышел... На случай если решит помириться с русской императрицей и вернуть себе земли? Так что прежний союз сохраняется. Только тайно. И ваша подруга продолжает свою опасную игру. Очень опасную... – Помедлив, он добавил: – Конечно, если у нее нет доказательств, что она действительно...

– А если есть? Рибас молчал.

– Значит, тогда ее поддержат в России? – заволновался князь.

– Я ничего такого не сказал, – усмехнулся Рибас. – Просто могущественные люди, которые меня к вам прислали, интересуются вашим мнением на этот счет.

Лимбург только вздохнул.

– Каждый день все представляло мне в ином свете... Когда она клялась мне – я готов был поверить... Но очень скоро мой посол при австрийском дворе сообщил о некой женщине. Ей было восемнадцать лет, когда она появилась в Бордо и стала выдавать себя за незаконную дочь австрийского императора. Самое удивительное – все банкиры ссужали ей деньги. По требованию императрицы Марии-Терезии ее выдали австрийцам, и те посадили ее в тюрьму. Это было в 1769 году. Через полгода она соблазнила начальника тюрьмы, и он помог ей бежать. Это случилось как раз в 1770 году, то есть когда Алин впервые появилась в Генте, где действительно соблазнила голландского купца, умершего под именем Эмбса... Самое удивительное – я все это

знаю, но тем не менее ей верю... Потому что порой среди безумных, нелепых выдумок, которыми были полны ее рассказы, в них начинала проглядывать какая-то таинственная правда. Например, она сказала мне, что до десяти лет воспитывалась при русском дворе. Я говорил с прусскими дипломатами, жившими в то время в Петербурге, и все они утверждали, что при дворе воспитывалась девочка, которую представляли «близкой родственницей императрицы Елизаветы» и которая вдруг исчезла, когда ей исполнилось десять лет. Эту девочку поручили воспитывать Иоганне Шмидт, любимой наперстнице императрицы. Имя этой Шмидт в последнее время очень часто мелькало в рассказах Алин вместе с другими удивительными подробностями жизни императрицы Елизаветы... Нет, я не знаю, кто она... Я все время думаю... и не знаю. Но одно знаю: я хочу, чтобы она вернулась, несмотря ни на что!

– Я сделаю все, Ваше высочество, чтобы она вернулась в Оберштейн, – с чувством сказал Рибас.

– Я был рад нашей беседе. Увы, граф Рошфор меня покинул. А мне так нужно с кем-то о ней говорить. Я не могу о ней не говорить!

Лимбург встал, подошел к бюро, взял лист бумаги и торопливо начал писать.

Из последнего письма князя Лимбурга, отправленного им своей невесте:

«Из-за вас я отказался от множества выгодных партий и теперь до конца дней намереваюсь жить в одиночестве. Вы не только совершенно расстроили мое состояние – вы навлекли на меня презрение всей Европы. Ваши бесконечные похождения сделали меня посмешищем в глазах моих родственников. Но вы знаете мою вечную присказку: „Нельзя ненавидеть того, кого любишь“. Коли вы готовы отказаться от своего прошлого и если впредь не станете помянуть никогда о Пугачеве, Персии и прочих такого же рода глупостях, знайте, что вас всегда ждут в Оберштейне».

Князь запечатал письмо, подумал и, вздохнув, надписал: «Ее высочеству принцессе Елизавете». И протянул письмо Рибасу:

– Вы передадите ей.

Двойные игры в галантном веке

*У него всегда на луке – две тетивы.
Французская поговорка*

Дворец графа Орлова в Пизе.

Парк перед дворцом: белые статуи античных богов сквозь листву и открывающаяся отсюда, из палатцо, панорама средневекового городка – как декорация к «Ромео и Джульетте».

В парке за мраморным столиком сидел Орлов и читал донесение Рибаса. Поодаль стоял слуга Рибаса.

Орлов закончил читать письмо, прошелся по аллее. Потом сказал:

– Обожди пока в доме, милейший.

Слуга исчез в доме, и тотчас в парке появился Христенек.

– Перо и бумагу, – приказал граф.

Христенек принес перо и бумагу, разложил все на маленьком столике и приготовился привычно писать под диктовку графа.

– Скажи, милейший, что нужно сделать, коли ты не хочешь выполнить приказ?

– Объяснить начальнику, в чем он не прав.

– Ты на русской службе, – усмехнулся граф, – так что запомни: у нас муж и начальник всегда прав. Самые нелепые приказы в России не отменяются, они просто не выполняются. Дескать, как же, исполню, батюшка, со всем старанием, а исполняешь, – он засмеялся, – что сам хотел... Поди с богом, я сам напишу письмо.

Орлов сидел за мраморным столиком и писал.

Из письма графа Алексея Орлова императрице Екатерине 1774 года, декабря 23 дня, из Пизы:

«...И стану стараться со всевозможным попечением волю Вашего императорского величества исполнять. И все силы употреблю, чтобы оную женщину самому достать обманом, буде в Рагузе она находится. И коли первое не удастся, тогда употреблю силу, как Ваше императорское величество изволили мне предписать...»

– Вот так-то, матушка, сначала, как я сказал, будет, а уж потом только, как ты повелела. Рабы твои, да не холопы.

Он продолжал писать:

«...для чего от меня послан был в Рагузу человек для разведывания об оной женщине, и тому уж более двух месяцев никакого известия об нем не имею. И я сомневаюсь: либо умер он или где-нибудь задержан и не может о себе известия дать. А человек был надежный и доказан был многими опытами в своей верности».

Он еще посидел за столиком, опять усмехнулся и приписал: «А если слабое мое здоровье позволит мне на кораблях уехать, то я не упущу – и сам в Рагузу отправлюсь, чтобы таковую злодейку всячески достать...»

– Здесь до бешенства дойдет... воду пить будет.

Он писал:

«Свойства же оной женщины описываю: что очень она заносчивого и вздорного нрава и во все дела с превеликою охотою мешается. И всех собой хочет устрашать, объявляя при том, что со всеми европейскими державами в переписке. Повергая себя к священным стопам Вашим, со всеглубочайшею моею рабской преданностью Вашего императорского величества всеподданнейший раб граф Алексей Орлов».

Позвонил в колокольчик, вошел Христенек.

– Письмо немедленно отправить в Санкт-Петербург с нарочным Миллером. Ну а сам готовься.

– В Рим, – заулыбался Христенек.

– Со слугой Рибасовым поедешь, в гостиной он тебя дожидается. Рибаса в Риме сменишь. Глаза он там уж, чай, всем намозолил... Инструкции получишь утром. *Знакомство* готовить будешь.

Христенек вопросительно уставился на графа.

– Знакомство графа Алексея Григорьевича со злодейкой.

И, усмехнувшись, граф Алексей Григорьевич протянул Христенеку письмо для императрицы.

Граф остался один, походил по аллее и вновь взялся за перо.

Второе письмо из Пизы графа Орлова императрице Екатерине, датированное 5 января 1774 года:

«Всемиловитейшая государыня. По запечатании всех моих донесений Вашему императорскому величеству получил я внезапно известие от посланного мною для разведывания офицера, что известная женщина больше не находится в Рагузе И многие обстоятельства уверили посланца моего, что она вернулась в Венецию с князем Радзивиллом, и он, ни много не мешкая, поехал за ними вслед, но по приезде в Венецию нашел только одного Радзивилла, а она туда не приезжала. О Радзивилле, кстати, новое говорят. Будто он хочет возвращаться в свое отечество и замириться с польским королем».

– Это бальзам тебе на раны после того письма: смирился пред тобою проклятый поляк. После хлыста пряник-то полезен. Баба...

И Орлов продолжал писать:

«А об известной женщине офицер разведал, что поехала она в Неаполь. А на другой день я получил из Неаполя письмо от аглицкого министра Гамильтона, что она женщина в Риме, где себя принцессою называет. Оное письмо в оригинале на рассмотрение Вашего императорского величества посылаю. А от меня нарочный послан в Рим – штата моего генеральс-адъютант Христенек, чтобы стараться познакомиться с нею и чтоб он ей обещал при том, что она во всем положиться на меня может. И буде уговорить ее приехать сюда ко мне. Министру аглицкому Гамильтону и посланнику в Ливорно кавалеру Дику приказал писать к верным людям, которых они в Риме множество знают, чтоб те люди советовали известной женщине приехать ко мне сюда, что-де она от меня всякой помощи может надеяться...»

Рим.

Недалеко от Марсова поля на узкой римской улочке стояли два дома – один против другого. У одного из этих домов ждала карета с опущенными занавесками. Из дома к карете вышли два молодых человека – оба в польских кунтушах, с длинными саблями, бренчащими по булыжной мостовой.

В доме напротив у окна Христенек и Рибас наблюдали за происходящим.

– Высокий, молодой – это ее любовник Михаил Доманский, человек Радзивилла, – объяснял Рибас Христенеку. – Постарше, тучный – Черномский, человек графа Потockого. Где он только не интриговал – и в Турции был, и в Версале. Так что вся мятежная Конфедерация сейчас у кареты стоит.

Доманский и Черномский, бренча саблями, прогуливаются у кареты. Собирается толпа зевак.

– Ох, хитры, – шепчет Рибас, – вишь, занавески у кареты опущены... на окнах дома – тоже. Вроде тайну соблюдают, а сами усищами да саблями народ пугают. Это чтоб слух о ней полз. Весь город уже говорит: русская принцесса!

Из дома вышла принцесса в кроваво-красном плаще. Толпа во все глаза разглядывала принцессу.

– Хороша, – шепчет Христенек.

Принцесса, как бы спохватившись, торопливо набрасывает капюшон на лицо, садится в карету. За ней садятся Доманский и Черномский. Карета трогается...

– Теперь наша очередь!

По грязной мраморной лестнице черного хода Христенек и Рибас спустились вниз. За домом их тоже ждала карета...

Две кареты едут по Риму. Карета принцессы сворачивает к собору Святого Петра.

– В Ватикан едет... Все кардиналы сейчас там находятся. Из дворца не могут выйти, пока папу не изберут. Как под арестом сидят. Своя она в мутной водице, – шепчет Рибас.

Карета принцессы остановилась у собора Святого Петра. Карета Рибаса останавливается поодаль.

– Письмо у нее к польскому кардиналу Альбани, – продолжал объяснять Рибас Христенеку, – по слухам, он будет избран папой. Но видеться она с ним не может. Из папского дворца нельзя ему выйти.

Джиованни Альбани – кардинал – протектор Польского королевства, декан Священной римской коллегии. В 1774 году по Риму действительно ходили слухи, что он будет избран папой.

К карете принцессы подошел человек в сутане.

– Секретарь кардинала аббат Рокотани. Через него она ведет все переговоры с кардиналом, запертым во дворце, – продолжал объяснять Христенеку Рибас.

Доманский и Черномский выходят из кареты принцессы, почтительно помогают ей ступить на землю.

Принцесса в низко опущенном на лицо капюшоне идет рядом с аббатом. Они о чем-то беседуют. За ними следует сонный молодой итальянец.

– Это слуга аббата Рокотани, – поясняет Рибас. – Каждый месяц будешь выдавать ему три цехина.

Христенек расхохотался.

В доме на Марсовом поле Христенек и Рибас вновь заняли место у окна: следят за улицей – ждут возвращения принцессы.

– Содержание дома стоит пятьдесят цехинов, – продолжал вводить Христенека в курс дела Рибас, – кареты – тридцать пять цехинов, слуг – пятьдесят цехинов. Короче, она вся в долгах... И кардинал Альбани ее последняя надежда. Все ее бриллианты, все ее лучшие платья в ломбарде. И притом каждый вечер пиры и приемы. Никогда не видел такой мотовки. Я позаботился, чтоб ей предъявили векселя.

– А не сбежит ли попросту из Рима? – спросил Христенек.

– Вы ее поняли. Она действительно сбежала в свое время вот так из Парижа и из Рагузы. Но я уже рассказал кредиторам. Поглядите на ту сторону улицы...

По мостовой в плаще и в широкополой шляпе слонялся человек. Взад и вперед.

– Его нанял банк Беллони, которому она должна фантастическую сумму. Он следит за ее домом. Другой человек нанят банком Морелли. И ездит за ней по городу. Да она и сама сейчас не сбежит. У нее надежда продолжать игру. Она письма написала прусскому королю и султану. Главный расчет – этот Альбани. Ему пятьдесят четыре, и она очень рассчитывает на свои чары. Но ей нужна встреча! А Альбани заперт в конклаве. Ей же не терпится! Она вообще не умеет ждать. Недавно она решила переодеться в мужское платье и проникнуть в конклав. С трудом ее отговорил ее любовник Доманский.

– Откуда вы все знаете, сударь?

– Три цехина его камердинеру, – вздохнул Рибас.

– Сударь, я все больше радуюсь, что судьба свела меня с вами, – засмеялся Христенек.

Из дома принцессы вышли двое в сутанах. И, крадучись, быстро пошли прочь по улице.

А вот и отцы иезуиты. Орден упразднен бывшим папой. Но она уже пообещала им помощь папы будущего. Сейчас вокруг нее множество этих коварных созданий. Орден распущен, но еще как силен! Поживете в Риме – почувствуете.

– Ну баба! – восторженно сказал Христенек. В дверь троекратно постучали. Рибас отворил. На пороге стоял тот самый молодой сонный итальянец – слуга Рокотани. Он тихо и долго что-то говорил Рибасу по-итальянски. Рибас слушал, а потом со вздохом передал итальянцу деньги.

– Деньги, деньги... Только русский граф может такое выдержать, – проворчал Рибас, вернувшись к окну. И пояснил Христенеку: – Она пригласила аббата Рокотани сегодня на ужин. Будет просить деньги – это ее последняя надежда.

Рибас взглянул на часы.

– Пожалуй, и мне пришло время в адово пекло заглянуть. Рибас надел шляпу.

– Ох-хо-хо... – зевнул Христенек.

– Сосни с дороги, – ласково сказал Рибас, – чую, скоро тебе выходить на сцену с графским предложением.

Рибас стоял у великолепной мраморной лестницы. По лестнице к Рибасу величественно сходил Доманский.

– Чем могу служить? – вежливо спросил поляк.

– Я хотел бы видеть, синьор, Ее высочество принцессу Елизавету Всероссийскую.

– Синьор ошибся. Этот дом принадлежит польской графине Зелинской.

Рибас поклонился и сказал:

– И все же я мечтал бы увидеть, синьор, Ее императорское высочество принцессу Елизавету Всероссийскую, путешествующую под именем графини Зелинской. – И добавил: – Я привез письмо от ее жениха Его высочества князя Филиппа Фердинанда Лимбурга. И могу передать только в собственные руки.

– Боже мой! Письмо от Филиппа, – раздался за спиной Рибаса женский голос.

И маленькая дверь в стене распахнулась. Принцесса, в красной амазонке, с распущенными волосами, стояла в дверях.

«Слушала за дверью...» – усмехнулся Рибас.

Они сидели в узкой маленькой комнате на втором этаже. Доманский молча стоял у дверей, а принцесса и Рибас беседовали у окна. Иногда Рибас поглядывал на окно дома напротив, где за шторой прятался Христенек.

– В добром здравии мой супруг? – щебетала принцесса. – Ах, милый моему сердцу Оберштейн, я так тоскую...

Она открыла письмо, быстро пробежала его и передала Доманскому:

– В мой архив.

Доманский ушел с письмом. Беседа продолжалась.

– Я напишу князю и отправлю послание со своим человеком. Когда вы возвращаетесь туда?

– Завтра утром, Ваше высочество.

– Замечательно! Вы можете сегодня отужинать у меня. Я жду к себе аббата Рокотани – секретаря Его высокопреосвященства польского кардинала Альбани.

«Это чтоб я сообщил Лимбургу, как хороши ее дела...»

Она посмотрела на часы и сказала:

– Прошу вас обождать. Я должна непременно сегодня отписать в Неаполь моему новому другу – английскому посланнику лорду Гамильтону.

И она исчезла за дверью. Рибас остался один.

Постепенно маленькая комнатка стала наполняться людьми – появились слуги, оба поляка, камеристка принцессы. Все столпились в маленькой комнате, когда слуга объявил:

– Аббат Франциск Рокотани. Рокотани вошел в комнату.

«Ишь, выбрала комнату узкую – чтоб слуг казалось поболее. Ох и хитра».

– Принцесса ждет вас, святой отец, – сказал Доманский и распахнул занавес в конце маленькой комнаты.

Аббату и Рибасу представилась огромная зала, залитая ослепительным светом. Все свечи были зажжены, горели люстры, сверкали зеркала.

Принцесса в красной амазонке сидела у стола, как бы погруженная в сочинение письма.

– Ах, святой отец, – и она устремилась к аббату, – я только что с прогулки и вот уже сижу за письмом. Мой большой друг – английский посол в Неаполе лорд Гамильтон – попечительствует обо мне. И сам предлагает мне некоторый кредит. И вот я пишу печальное письмо с отказом... Ибо невозможно брать деньги у министра двора, который находится в союзе с врагом моим Екатериной... – Она внимательно посмотрела на аббата. – Хотя деньги мне очень нужны на святое дело освобождения родины.

Но лицо аббата было невозмутимо. Он ничего не ответил. И принцесса переменяла тему:

– Надеюсь, святой отец, вас не шокирует мой костюм. Я, как моя мать, русская императрица Елизавета, обожаю носить мужское платье.

«Женские в ломбарде заложены...» – усмехнулся про себя Рибас.

– Помню, в детстве, – продолжала принцесса, – на маскарады мать часто надевала мужской костюм. У нее были прекрасные длинные ноги. Она была великодушна, хотя немного вспыльчива. Когда княгиня мадам Лопухина осмелилась вдеть в волосы розу, которая была в тот день в прическе моей матери, мать била ее по физиономии... О нравы! – И мельком взглянула на Рибаса и, будто спохватившись, представила аббату: – Это посланец моего жениха князя Лимбурга.

«Молодец баба, ничего не упускает, теперь и я в дело пошел...»

– Князь часто пишет мне письма. Ах, эта разлука – печаль моей жизни. Я ценю любовь князя, но обязанность перед троном предков не позволяет мне вернуться к частной жизни. Передайте Его преосвященству кардиналу: обстановка в России действительно осложнилась. Недавно там погиб мой посланец, человек больших военных талантов. Я имею в виду господина Пугачева... Тем не менее партия моя в России сильна. И прежде всего это братья Орловы...

Тут она внимательно посмотрела на Рибаса. Он выдержал взгляд – ни один мускул не дрогнул на лице испанца.

«А ведь точно: ведьма...»

– Кардинал Альбани очень интересуется ими, – сказал аббат.

– Это благородные люди. Григорий Орлов, например, был против раздела несчастной Польши. И пусть они не самые образованные, пусть своевольны и подчас дики, но личная их преданность мне многое искупает. Влияние их при дворе продолжается.

«Откуда она все знает?..»

– А если учесть, что весь русский флот в Ливорно находится под началом графа Алексея... – Она многозначительно улыбнулась.

И продолжала: – В Персии мне обещано шестьдесят тысяч войска. Я решила направиться отсюда к султану. Скорее всего, я поеду через Польшу. Я знаю привязанность кардинала к королю Станиславу Понятовскому. Я также давно поддерживаю короля, хотя друзья мои, как вам известно, связали себя с Конфедерацией. Но мне удалось уговорить Карла Радзивилла помириться с королем.

«Ох и баба! Сама придумала? Или ее устами все-таки говорит сам Радзивилл и его партия?..»

– А что вы скажете о Радзивилле? – спросил аббат.

– Ах, святой отец. – Она тонко улыбнулась. – Для приобретения значения в истории недостаточно происхождения и богатства, нужно еще и немного политического чутья. И я счастлива, что мне удалось примирить такого скандального и упрямого человека с польским королем. Моя цель – единая и могучая Польша в прежних границах. Но есть еще и другая цель, – она сказала это торжественно, – передайте Его высокопреосвященству: я решила склонить мой народ к признанию римской церкви. Клянусь страданиями народов моих, я приведу их души в лоно католичества.

Наступило молчание.

– Иногда вы мне кажетесь болтушкой двадцати лет. Но через мгновение я вижу перед собой зрелую женщину, мудрую и осведомленную.

– Но прежде чем мы перейдем к столу, я хочу вас попросить сообщить Его высокопреосвященству, что мне решительно не хочется брать деньги у англичанина.

Она вопросительно, почти с мольбой глядела на аббата. Но аббат только опустил глаза и промолчал.

«Браво! Это конец!..»

– К столу, господа, – сказала глухо принцесса. Она была в ярости.

В этот момент в залу вошел худой старик в черном камзоле.

– Разрешите представить, господа: врач Ее высочества господин Салицети, – объявил молчаливый Доманский.

Рибас понял, что пришла и его пора вступить в разговор.

– Счастлив познакомиться, господин Салицети. Мой патрон князь Лимбург заклинал меня найти вас и разведать о здоровье Ее высочества.

– Если считать, что постоянное отсутствие сна, работа после полуночи за письменным столом, а потом кошмары во сне, частые горячки, упадок сил, кашель и боли в груди должны свидетельствовать о здоровье этой молодой красавицы, то она здорова. Передайте ее супругу...

– Послушайте! – закричала в бешенстве принцесса. – Я вам плачу не за то, чтобы к ужасным сплетням обо мне прибавлять новые!

И она бессильно разрыдалась. Вся ее неудача была в этих слезах. Но в следующее мгновение она уже взяла себя в руки и, засмеявшись, сказала светски:

– Уж эти доктора! К столу, господа. Аббат и Рибас возвращались в карете аббата.

– Очаровательное лицо... Восхитительная фигура... и этот румянец! – восторженно восклицал аббат.

– Это лихорадочный румянец. Я думаю, у княжны чахотка, – сухо сказал Рибас.

– Не знаю, не знаю, – продолжал шутливо аббат. – С ней надо держать ухо востро. Вот вот закружит голову.

– А вам не кажется, святой отец, что все это представление было затеяно, чтобы попросту занять деньги у кардинала? Я слышал, княжна в больших долгах, и думаю, что никакого щедрого англичанина не существует.

– Ах, мой друг, она так прекрасна, что я с удовольствием исполнил бы ее желание. Но, к сожалению, кардинал совсем не щедр. К тому же он слишком трезво мыслит. И все, что я доложу ему об этой встрече, покажется ему фантастичным и небезопасным, могущим быть источником больших несчастий и для нас, и для этой женщины.

– По-моему, она сама это чувствует, – сказал Рибас. – Когда она зарыдала, мне показалось, что я уже присутствую при конце третьего акта.

Всю эту сцену аббат описал в своем докладе кардиналу Альбани от 18 декабря 1774 года.

Была уже ночь. В доме на Марсовом поле у окна по-прежнему сидел Христенек, когда дверь отворилась и вошел Рибас.

– Итак, моя миссия окончена, – усмехнулся Рибас – Ваш выход на сцену!

Он уселся в кресло, налил себе вина из бутылки. Христенек хранил молчание.

– Кардинал не дал ей денег, и завтра на ее карету нападут кредиторы.

Христенек внимательно слушал.

– Это организовал по моей просьбе некто Дик, – продолжал Рибас, – английский консул в Ливорно. У него связи с банкирским домом Беллони. И он им это присоветовал. Нападение произойдет у ее дома, когда она будет возвращаться с утренней мессы. Вы должны...

– Я все понял, сударь. Это действительно лучший способ выйти на сцену. Не перестаю вами восхищаться, – сказал Христенек.

Был рассвет, когда Рибас вышел из дома. У дома его уже ждал слуга с двумя лошадьми. Рибас вскочил в седло. И они отправились в обратный путь в Пизу.

Днем Христенек занял свое место у окна. Около дома принцессы он увидел кучку людей в широкополых шляпах. Они ждали. Наконец раздался стук копыт и шум подъезжающего экипажа.

Христенек взял шпагу...

Карета принцессы подъехала к дому. Один из кредиторов схватил под уздцы лошадь, остальные окружили экипаж. Занавески раздвинулись, и в окне показалась головка принцессы.

– В чем дело, господа?

– Вы должны заплатить долги, Ваше высочество или как вас там называть. Директор почт запретил подавать вам лошадей, пока вы не заплатите.

– Послушайте, синьор, – спокойно сказала принцесса, – вам все будет уплачено. На днях я должна получить большие деньги...

– Это нас очень радует, – ответили в толпе. – Но вы должны заплатить нам сейчас маленькие деньги, иначе вас не выпустим.

Из дома к карете уже бежали Доманский и Черномский с обнаженными шпагами. Но нападавшие выхватили свои шпаги, и вокруг кареты завязалось сражение...

Христенек со шпагой бросился в толпу сражавшихся, когда занавески кареты вновь раздвинулись и два револьвера уставились на нападавших.

– Шпаги в ножны, – спокойно сказала принцесса. – Иначе я пристрелю вас, банкир Беллони. – Она направила оба дула на высокого человека в маске. – Да, да... даже под маской я узнаю вас по препротивному голосу! Я не шучу... Обычно считают до трех, у меня привычка считать до двух, далее мне становится скучно.

Она разрядила пистолет.

– Не надо! – в ужасе закричал человек в маске.

– Я пробила вашу шляпу ровно на дюйм выше головы. Это последнее мое предупреждение.

– Уберите шпаги, – проворчал человек в маске. – Но учтите, вы считаете до двух, и я тоже... На третий день вы, а также господа Доманский и Черномский, подписавшие ваши векселя, будете препровождены в тюрьму. И не пытайтесь бежать: Рим не Париж, за каждым вашим шагом будут следить.

Беллони и его люди уходили по узкой римской улице. Иногда они оборачивались и грозили кулаками...

У кареты остались Доманский, Черномский и Христенек. Лейтенант вложил шпагу в ножны и учтиво поклонился принцессе.

– Кто вы, прекрасный юноша? – усмехаясь, спросила принцесса из окна кареты.

– Я посланный, Ваше высочество.

Лицо принцессы тотчас стало недоверчивым.

– От кого, сударь?

– От того, кому вы писали. От командующего Российским флотом Его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова.

– Вы русский? – хмуро спросила принцесса.

– Я славянин из Рагузы, но состою на русской службе. Мне пришлось оставить службу, чтобы прибыть сюда, не вызывая подозрений.

Принцесса обратилась к Доманскому.

– Пригласите господина... – Она вопросительно посмотрела на лейтенанта.

– Лейтенант Христенек. Иван Христенек.

– ...синьора лейтенанта зайти к нам в ближайшие дни. Она вышла из кареты.

– Послезавтра в час дня Ее высочество будет ждать вас, – сказал Доманский Христенеку.

– Через день ровно в час дня я стоял у дома принцессы...

Христенек постучал в дверь. Открыл слуга. – Как доложить?

– Иван Христенек, бывший лейтенант Российского флота.

– Не велено принимать, – сказал слуга.

– Ты в своем уме, братец? Мне назначено.

– Принимать не велено.

В прихожей появился Доманский.

– Ее императорское высочество... – начал Доманский и уставился на Христенека, будто желая понять, какое впечатление произвел на него титул. Лицо лейтенанта выразило почтение. – Ее императорское высочество не принимает по случаю нездоровья.

– Когда разрешите навеститься?

– Зайдите послезавтра в час дня, – откровенно издеваясь, сказал Доманский.

В своем доме Христенек принимал английского банкира Дженнингса.

– Вы предложите ей две тысячи червонцев от имени графа и уплату всех ее долгов банкирским домам Беллони и Морелли.

– Я хочу предупредить... – начал Дженнингс. – Для нормального человека это огромная сумма, на нее можно жить всю жизнь. Но она все просадит за неделю.

– Господин Дженнингс, вам все будет уплачено.

– Я знаю, но мне попросту жалко денег. Свои они или чужие, но это деньги. Я предупреждаю: эта женщина их проглотит и не почувствует.

– Итак, вы предложите ей от имени графа две... нет, три тысячи червонцев. И я жду вас с нетерпением, мистер Дженнингс.

Поздним вечером банкир Дженнингс вернулся в дом Христенека.

– Вы не поверите... – сказал банкир, опускаясь в кресло.

– Не взяла?! – в восхищении спросил Христенек.

– Сначала схватила... думала, что это от меня, что я поверил наконец в ее сказки. Но когда узнала про графа, сказала, что весьма благодарна, но в деньгах не нуждается, ибо ждет большую сумму из Персии со дня на день. Ну, дальше пошли султаны, принцы, короли...

– Вы должны предупредить всех римских банкиров, – начал Христенек.

– Можете не беспокоиться, никто в Риме не ссудит ей ни гроша. Так что можете спокойно ждать. Послезавтра к ней придет полиция и уведет поляков. Это она бы еще пережила. Но жить, не швыряя деньгами... Нет, это совершенно для нее невозможно. Так что ждите спокойно: я уверен – все случится завтра утром.

– На следующее утро я был у дома принцессы...

Христенек стоит у дома принцессы. Он хотел было постучать, но дверь дома открылась, и оттуда выпорхнула принцесса.

– А я как раз собираюсь на прогулку, – сказала она, сияя улыбкой. – Как здесь тепло в декабре! А у нас на родине сейчас, должно быть, морозы. В Петербурге в декабре такие холода...

– Я никогда не бывал в Петербурге. Граф взял меня на службу в Ливорно.

– Ничего, побываете. У вас еще все впереди, мой юный друг! Помню, в детстве: идет снег, топится печь... А в Сибири морозы – железо трещит и ломается! Я так скучаю по своей стране. Однако что ж мы стоим? Не соблаговолите, лейтенант, сопровождать меня на прогулку?

Принцесса и Христенек верхом едут по Риму.

– Наш банкир Дженнингс в совершеннейшем удивлении. Признаюсь, и я удивлен не менее. Граф считал, что, заплатив долги Вашего высочества, он тем самым изъяснит свою готовность...

Принцесса молчала.

– ...изъяснит свою готовность содействовать тому делу, о коем вы ему писали. Но вы не только не приняли услуг банкира... я до сих пор не могу передать вам письмо графа. Я просто не знаю, как сообщить обо всем этом Его сиятельству.

– Письмо при вас, лейтенант? – спросила принцесса.

– Да. Граф написал его по-немецки, он не силен во французском, но я могу вам перевести.

– Благодаря образованию, полученному щедротами моей августейшей матери, я понимаю и по-немецки, – улыбнулась принцесса.

Она взяла письмо, торопливо разорвала конверт. По ее судорожным движениям было ясно, как давно ей не терпится его прочесть. Не слезая с лошади, она пробежала письмо глазами. Потом взглянула на лейтенанта.

– Вам известно, о чем пишет граф?

– Да, Ваше высочество.

– Итак, граф зовет меня к себе в Пизу. – Некоторое время она молча ехала на лошади. – Ну что ж, личное знакомство с графом и было моим желанием, – начала она медленно и вновь зашебетала: – Ах, мой друг, это восхитительное письмо! И не сердитесь: я не принимала вас отнюдь не оттого, что подозревала в коварстве. Будучи сама по природе открытой, мне невозможно подозревать неискренность в других. Просто болезнь иногда повергает меня в состояние тягчайшей меланхолии. И тогда я начинаю спрашивать себя: если граф искренен со мной, зачем он подослал ко мне этого человека?

И глаза принцессы впились в Христенека.

– Какого человека, – изумился лейтенант.

– Того самого... синьора Рибаса, каковой мне привез письмо от мужа моего... Но послал его граф.

Христенек продолжал находиться в изумлении.

– Граф послал меня, – начал он твердо. – И если у вас есть какие-то доказательства, что граф послал еще кого-то, что граф нечестен, извольте сказать.

– Доказательств нет. Просто я чувствую, – сказала принцесса, не сводя глаз с Христенека.

Но лейтенант был само негодование:

– Я не передам ваших слов графу, ибо он их не заслуживает. Репутация графа известна и безукоризненна. Поверьте, нелегко ему было прийти к такому решению – послужить вам. И отнюдь не несправедливые обиды от императрицы, но желание блага отечества... желание помочь законной наследнице трона...

В глазах Христенека стояли слезы.

– У вас благородное сердце, – с чувством сказала принцесса. – Итак, жалую вам мой орден Азиатского креста. И клянусь: за удачное исполнение этой миссии граф Орлов повысит вас в чине! Итак, майор Христенек, завтра со всем своим двором я выезжаю в Пизу... – И, будто спохватившись, она прибавила: – Да, там заходил этот банкир от графа... Пусть он сегодня снова зайдет.

У дома принцессы стоял большой дорожный берлин, запряженный шестеркой лошадей. Доманский и Черномский руководили слугами. Принцесса в дорожном плаще придирчиво наблюдала за дорожной суетой.

– Архив, – шепнула она Доманскому.

Доманский исчез в доме и вернулся со знакомым большим баулом.

– Я позабочусь о нем, – говорит поляк.

– Пистолеты?

Доманский кивнул, указывая на баул.

– Два положите в карету. И оба заряженные... Вы поедете с вещами в берлине. Я, Черномский, моя камеристка и... – она ласково взглянула на стоявшего поодаль Христенека, – и господин русский майор поедет в карете.

– Лейтенант, – улыбаясь, поправляет Христенек.

– Я обещала вам майора... Учтите, я всегда держу свои обещания.

У дома появился банкир Беллони.

– Вот этот господин сейчас подтвердит. Вам все заплатили? Беллони низко кланяется.

– Боюсь, что не до конца...

– Синьор Доманский... – усмехается принцесса. Доманский молча подходит к Беллони и отвечает ему звонкую пощечину.

– И передайте всей вашей жадной своре: я всегда плачу по счетам!

Две огромные кареты ехали по Риму. У церкви Сан Карло кареты остановились.

Принцесса вышла из кареты и раздала щедрую милостыню нищим.

– Молитесь за меня, – услышал Христенек из окна кареты ее голос.

При приветственных криках толпы нищих оба экипажа направляются по Корсо к Флорентийской заставе. И покидают Рим.

Орлов: Сиятельная любовь

«Я нанял для нее в Пизе великолепное палаццо...»

Дворец в Пизе.

У огромного окна стоял граф Орлов. Он видел, как ко дворцу подкатили кареты.

«Гонец от Христенека сообщил мне, что с ней едут 60 человек челяди, два поляка и камер-фрау».

Кареты остановились. Христенек помог принцессе выйти из кареты. Из огромного берлина шумно высаживались слуги.

Орлов стоял в конце длинной анфилады роскошных комнат на фоне картины в золотой раме, изображающей Чесменский бой.

«Мне хотелось увидеть ее вот так, неприбранную: в дорожном плаще, после четырех дней тряской дороги...»

Принцесса легкой, летящей походкой стремительно шла сквозь анфиладу дворцовых комнат. И навстречу ей, будто из золотой рамы, из картины Чесменского боя, выдвинулся красавец богатырь в белом камзоле, с голубой Андреевской лентой через плечо, в белом парике...

Поздний вечер в покоях палаццо Нерви. У камина сидели принцесса и Орлов. Разговаривали по-немецки.

– Пришелся ли дворец по сердцу Вашему высочеству?

– Я жила и во дворцах, и в убогих хижинах. И благодарю Господа за всякий кров над головой. Но я ценю, граф, ваши заботы обо мне и о моих людях.

Орлов молча, со странной улыбкой глядел на принцессу.

«Роста она небольшого, и лицо нежное: ни белое, ни черное, глаза огромные, на лице есть веснушки. Телом суха. Да кто же она? Басни про Персию да про Сибирь? Говорит по-немецки, по-итальянски, по-французски. А по-русски – ни звука, принцесса Всероссийская!»

– О чем вы думаете, граф?

– О вас, Ваше высочество... Об удивительной жизни, которую вы мне, рабу своему, поведали.

– И что вы думаете обо мне и о моей жизни?

– Не думаю – гадаю: кто вы, Ваше высочество?

Она очаровательно улыбнулась и спросила мягко и нежно:

– Не верите, граф, моему рассказу?

– Смею ли я, жалкий раб, верить или не верить? Сибирь... Персия... Санкт-Петербург и Багдад... История чудеснейшая.

– Не более, чем ваша, граф, – улыбнулась принцесса. – Вы, вчерашний сержант, и ваш брат, пребывавшие в ничтожестве, в один день становитесь чуть ли не властелинами великой страны? Или отец мой, жалкий полуграмотный сельский певчий, женится на дочери Петра-императора? А сама ваша нынешняя государыня? Нет, нам надо привыкнуть, мы живем в век чудес. Ничтожная немецкая принцесса Софья становится императрицей Екатериной, убив...

Она будто что-то вспомнила и смущенно замолчала.

– Вы хотели сказать, Ваше высочество: убив мужа своего? Белые от бешенства глаза смотрели на нее в упор.

– Не она, милая, это я убил его. Вот этой рукой задушил... – шептал он, протягивая к ней руку.

Его лицо приблизилось к ней, и она увидела страшный шрам – от рта до уха. Бешеные глаза надвинулись... Они близко, совсем близко... И он поднял ее, как пушинку, на воздух. И она задохнулась в этих стальных руках.

– Не знаю, кто ты, – шептал он по-русски, – но любя ты мне... И она покорно закрыла глаза.

Была ночь. В покоях палатцо Нерви тускло горели свечи. Огромная кровать под балдахином тонула в полутьме. Лицо со шрамом склонилось над принцессой:

– Давно с тобой встречи жду... Знал – меня не минувешь... А как письмо от тебя получил, понял: пришло мое время. Уж один раз на престол возвел. И в другой раз осечки не будет... Грех не рискнуть, ежели ты Елизаветина дочь...

– А ежели нет? – усмехнулась в темноте принцесса.

– А ежели нет... – Он помолчал. Потом прибавил: – Погублю...

Наступило молчание.

– Ну что ж, спасибо за правду, – глухо сказала она. – Как губить будешь?

– А дальше... Увидел тебя, проклятую, и понял: не погубить мне тебя, потому что ты погубила меня. Держишься как государыня... Обликом ты государыня. Величавость в тебе. И храбрость: не побоялась в Пизу приехать.

– Это безопасно, граф, – засмеялась она. – Да вы и сами знаете: Пизой владеет брат императрицы австрийской, родственник жениха моего. Не посмеете вы тут ничего... И слуг моих во дворце шестьдесят человек.

– Да, не ошибся... Отважна... И хитра... Рискну с тобой! – И добавил: – Но учти: сначала женюсь на тебе. И не как мой братец Гришка на императрице надумал жениться, когда она повелительницей стала да в три шеи прогнала его. А сейчас женюсь, когда ты – ничто без меня. Ну... пойдешь за меня?

– Не много ли для первого дня, граф? – холодно усмехнулась принцесса. – К тому же у меня есть жених...

И вновь страшные горящие глаза приблизились к ней. И этот ужасный шрам...

– Пойдешь за меня?

– Пойду... ведь сам знаешь, – бессильно ответила она.

Ночь в огромной спальне подходила к концу. В тусклом свете выступали из темноты статуи и картины. Утренний ветер входил в комнаты.

– Уезжайте, я не хочу, чтобы они вас увидели. Принцесса Всероссийская, как жена Цезаря, – вне подозрений.

– Чтобы *он* меня не увидел? – усмехнулся Орлов. – Боишься?

– Я стараюсь не причинять боли людям, которые меня любят.

– Если не хочешь, чтоб я его, как государя императора!..

– Зачем? Никого больше нет... Есть ты. Он молчал.

– О чем ты сейчас думаешь? – Она гладила его по волосам, она целовала его.

Он все молчал, потом сказал:

– Кто ты? Кто ты? Кто ты? Ты одинаково быстро говоришь по-немецки, по-итальянски...

– Добавь: по-французски, которого ты, к стыду моему, не знаешь. У меня хорошее образование, граф, и были очень дорогие учителя.

– Кто ты? Кто ты? Если любишь меня больше, чем тайну свою...

Она откинула голову. Волосы упали ей на плечи.

– Я Елизавета. Дочь Елизаветы. И запомните это, Ваше сиятельство, если видеть меня еще желаете...

– Я хочу в это поверить, – медленно начал он. – Я слышал, что немец-учитель вывез ее из России вместе с племянниками отца ее Разумовского. Ты не знаешь, случаем, имени этого учителя?

Она только засмеялась.

– Ну, его имя, Ваше высочество? – шептал граф.

– Придет время – скажу.

– Я даже человека своего узнать все подробности в Пруссию к этому учителю недавно посылал. Да помер, оказалось, учитель.

И вдруг, усмехнувшись, она спросила:

– А какого человека вы к нему посылали?

– Верного. И ловкого. Того самого, которого я к тебе посылал. Рибас, испанец... Неужто забыла?

Она засмеялась, радостно, облегченно.

– Вот теперь я тебе верю! Теперь ты мне все сказал! Я ведь сразу почувствовала...

Засмеялся и граф:

– А если он нарочно сделал так, чтобы ты почувствовала? Чтоб я сегодня мог про него рассказать? И до конца в доверие к тебе войти?

– Тогда он был бы дьявол. И ты вместе с ним.

– Все мы бесы, Елизавета. Не верь словам. Ты только рукам да губам ночью верь. Ночью все правда...

Он целовал ее и шептал... И она что-то шептала уже в безумии, как вдруг он расхохотался и вытащил из-под ее подушки пистолет. Она тоже засмеялась. Он отшвырнул пистолет далеко, в угол зала.

– Хоть теперь безоружная...

И, все еще смеясь, повернулся к ней и наткнулся грудью на сталь. Улыбаясь, она смотрела на него, приставив к его груди другой пистолет.

– Стреляй, – шепнул он. – Хочу вот так... с тобой помереть.

– Боже мой, – сказала она. – Я люблю тебя!

Пиза.

В театре давали оперу Моцарта «Волшебная флейта».

Граф Орлов в камзоле, сверкающем бриллиантами, и принцесса в нежно-голубом платье и в фантастическом ожерелье из сапфира появляются в ложе.

Весь театр глядел на них. За спиной графа – русские морские офицеры в парадных мундирах.

Погас свет. Началась опера. Но зал не смотрел на сцену...

Принцесса и Орлов в открытой коляске. За коляской следовала другая – с музыкантами, нанятыми графом. И всюду толпа зевает провожает их глазами. Голубое небо, праздничная толпа, солнце и музыка... И прекрасный город...

– Я только думала прежде, что была счастлива, – шепчет принцесса. – Я не знаю, чем все кончится, но всю жизнь буду благодарить тебя. Я познала тебя. Я познала счастье...

Он наклонился к ней и тоже прошептал, как шутливое заклинание:

– Кто ты?

– Я та, которая без памяти любит вас, – в тон шепнула она.

– Дочь ты? Самозванка ли ты? Теперь уже поздно! Весь флот уже о нас знает. Теперь мне идти с тобой до конца. Я муж твой перед Богом, и горько мне не знать, кто жена моя...

Она посмотрела на него:

– И как же вы можете брать меня в жены, если не верите мне?

– Верю... хотя только безумный может верить. После потешных твоих побасенок про Пугачева, твоего брата, о которых Рибас мне докладывал...

– Я говорила то, что надо было говорить, что хотели услышать от меня тогда банкиры. Цель была: чтобы они дали мне деньги на святое дело. И ради этого я выдумывала. Неужели, думаешь, я не знаю, что Пугачев попросту безродный разбойник?

– Я верю тебе, верю, но... – засмеялся он, – но одно имя... хотя бы одно имя из твоего детства... И больше ни о чем не спрошу.

Она усмехнулась, подумала. Потом сказала:

– Иоганна Шмидт, любимая наперсница матери...

– Действительно! – в изумлении прошептал граф.

– Могу еще имя... я помню его с детства. Красавица Лопухина. Мать ненавидела ее за красоту и обвинила в заговоре. Ей вырезали язык на плахе и били плетью. Палач показывал гогочущей толпе ее обнаженное тело. И, протягивая вырезанный язык, кричал: «Кому языки? Языки нынче у нас дешевые!» Когда я вспоминаю это унижение красавицы...

Она остановилась и, усмехнувшись, добавила:

– Кстати, с ней на плахе стояла другая женщина: уж не помню ее имени... тоже знатная и осужденная на те же муки... Но та успела сунуть палачу свой нательный крест, осыпанный бриллиантами. И палач сек ее лишь для вида и даже язык ей оставил. Эта история меня потрясла, и я ее запомнила. Ах, граф, какая у нас удивительная страна – страна, где взятки берут даже на плахе!

– Не поняла ты, – вдруг шепотом сказал граф. – Чтобы понять это, надо там родиться и жить. Когда она нательный крест палачу отдала, она как бы братом его сделала...

– Какие странные брат и сестра – палач и жертва...

– Опять не понимаешь... простила она его. Простить на плахе – ох как это по-нашему!

– Ну, и в заключение, граф, мой подарок: еще одно имя. Я вам прежде сказать обещала – имя учителя, вывезшего из России дочь Елизаветы... меня вывезшего... Дитцель!

– Вправду Дитцель! – задохнулся граф.

– Но я обещала только одно имя, – рассмеялась она. – А наговорила... Полно, хватит.

– Но подожди, – торопливо продолжал Орлов, – я слышал, что этот Дитцель действительно вывез за границу дочь Елизаветы... Но при дворе говорили: ее зовут Августа?

Она молчала.

– Я слышал: вывезли ее из России вместе с племянником отца ее Разумовского?

Она молча, с улыбкой смотрела на возбужденного графа.

– Дараган была фамилия племянника, – сказал он. – И Дитцель назвал ее за границей Августа Дараганова. Да немцы в Тараканову ее переделали для благозвучия. Августа Тараканова... Но как Августа Тараканова в Елизавету-то превратилась?!

– А... может, тоже для благозвучия? – Она расхохоталась. – Вы совсем извелись вопросами. Вот что значит Фома неверующий. Чтобы вас не мучить, я так закончу наш разговор: скоро вы все поймете! Я обещаю рассказать вам все, граф, когда ваша эскадра выступит против узурпаторши. Так решили люди, поддерживающие меня...

И она засмеялась и нежно прикоснулась к его лицу.

Коляска ехала по городу, играли музыканты... «Но откуда она про Дитцеля знает? И про Шмидтшу? Ляхи рассказали? Готовили ее? Но времени выяснять уже более нет. В Петербурге, чай, уже... Неделя блаженства закончилась, Ваше сиятельство».

В дворцовом саду адмирал Грейг докладывал Орлову:

– Большой ропот среди моряков, Ваше сиятельство. Дисциплина стремительно падает...

Орлов молча передал Грейгу запечатанный пакет.

– Возвращайтесь на корабль, адмирал. Пакет вскроете на корабле, там мои подробные инструкции. В ближайшее время дисциплина на кораблях не будет внушать опасений...

Грейг откланялся. И тотчас в саду появился Рибас:

– Все ее бумаги в бауле, их охраняет Доманский. Когда он уходит из дома, к баулу приставлен верный слуга, чех Ян Рихтер. Пытаться похитить бумаги бессмысленно.

– И не надо. Думаю, что там ничего нет. Так что... – И Орлов замолчал.

– Да, – вдруг сказал Рибас, – хочешь – не хочешь... – Он вздохнул.

– Дьявол ты, Осип Михайлович, – глухо сказал Орлов. – Ступай...

Орлов медленно шел через анфиладу дворца. Остановился перед зеркалом. Глядел, усмехался на свое отражение:

– Как он сказал? «*Не хочешь...*» Не хочешь... Самозванка она. Это точно. А если б не самозванка была?

Человек в зеркале печально усмехнулся.

– Вот в том-то и дело, – сказал граф отражению. – Только самолюбие свое тешил. А на самом деле конец игре точно знал. Потому как на самом деле – холоп ты, давно холоп!

Она сидела у камина. На столике стоял шандал, сделанный когда-то для нее князем Лимбургом. Шандал был зажжен, и на экране она так же сидела у камина. И у ног ее, как на экране, на маленькой скамеечке пристроилась камеристка Франциска фон Мештеде.

Слуга доложил – и быстрыми шагами вошел, почти вбежал Орлов. Он протянул ей бумагу.

– Деша! Из Ливорно! Злая драка в городе! Англичане, союзники наши, и мои моряки сильно пьяные были. Раненые и убитые с обеих сторон... Волнения на кораблях... Хотят жечь английскую эскадру. А у меня в адмиралах англичанин Грейг. Бунт назревает! – Он мерил залу своими огромными шагами. – Я выезжаю в Ливорно. Немедля.

– То есть как? – сказала она капризно. – Значит, вы можете вот так уехать? Оставить меня?

– По-моему, вы забыли, Ваше императорское высочество: кроме любви, нас связало и нечто другое. Я не могу потерять эскадру *накануне*...

– Боже мой, я действительно все забыла!

Она поднялась с кресла и сказала величественно:

– Это знак судьбы. Пора начинать. Я еду с вами в Ливорно.

– Пора начинать, – как эхо, повторил граф. – Но учти: условие будет...

Она сразу стала настороженной.

– Мы повенчаемся в Ливорно, – сказал граф. – И, как положено внучке Петра, венчать нас будет православный священник...

– Православный священник – в Ливорно?

– Есть! У меня на корабле есть, там и повенчаемся. Это будет началом восстания. Сразу после венчания я объявлю флоту свою волю. Твою волю.

Она задумалась, долго глядела на него. Затем сказала:

– Ну что ж... ты прав... Святое дело зовет – и будь что будет! Поцелуй меня!

Он целовал ее бесконечно, безумно.

– Вот теперь я верю, – сказала она смеясь. – Все будет...

Христенек: Чин майора

На следующий день в покоях принцессы появился Христенек. Он стоял у камина, ожидая выхода принцессы, когда услышал приближающиеся шаги и отрывистый разговор.

– Можно обманывать днем, но не ночью, – говорил голос принцессы.

– И все-таки ты сошла с ума, – отвечал мужской голос:

– Запомни: сошел с ума тот, кто влюблен. А он влюблен, и безумно – уж в этом я разбираюсь. Влюбленный – всегда глуп. «На забаву нам и созданы глупцы».

– Но, умоляю, будь осторожна.

– Рискнем... Тем более это наш единственный шанс. Все или ничего! Рихтера оставишь здесь с бумагами. Сами поедете со мной. На худой конец...

Христенек громко кашлянул. Голоса замолкли, и через мгновение в залу торопливо вошла принцесса.

– Что вы тут делаете, милейший?

– Слушаю то, что мне слушать не положено. На вашем месте я рассчитал бы слуг: в дом может войти всякий.

Принцесса молча, пристально смотрела на него.

– Я пришел просить вас об исполнении слова, – усмехнулся Христенек – Вы обещали похлопотать перед графом о *майоре* Христенеке. На корабле готовят свадьбу, это будет самое время для подобной просьбы.

Она молчала.

– Кроме того, – продолжал Христенек, – раньше у вас не было денег, у меня были. Но теперь, к сожалению, наоборот.

Принцесса с облегчением вздохнула, подошла к шкатулке и вынула мешочек с золотом.

– Сдается, что вы большой плут, мой юный друг!

– Это не так плохо, – сказал Христенек, – иметь своего плута при графе. Но это будет стоить хлопот о чине. И денег. Много денег!

– Вы будете майором, – засмеялась принцесса и с торжеством обернулась к Доманскому, стоявшему в дверях...

«Вот теперь ты точно поедешь...» – сказал себе Христенек.

21 февраля 1774 года в Ливорно стоял солнечный ветреный день. В доме Дика, английского консула в Ливорно, собралось блестящее общество. Двери залы распахнулись. Богатырская фигура Орлова заслонила вход, и он провозгласил:

– Ее императорское высочество Елизавета!

В великолепном туалете, сверкая бриллиантами, подаренными графом, появилась принцесса.

Низко кланяясь, подходили гости к руке принцессы. С благоговением целовали руку.

Граф Орлов представлял ей одного за другим:

– Английский консул в Ливорно и кавалер российского ордена Святой Анны сэр Джон Дик с супругой... Адмирал русского флота Самюэль Грейг...

Грейг в орденах, в парадном мундире почтительно целует руку принцессы.

– Ишь, старая лиса, – шептал принцессе Орлов, – мундир парадный надел. Теперь никуда ему от нас не деться...

Пир в доме Дика в разгаре. В широкие окна гостиной виден залив и корабли русской эскадры на рейде. С кораблей начали палить пушки.

– В честь Вашего императорского высочества! – провозгласил Орлов. – Салют русских моряков наследнице престола!

Гости за столом захлопали. Опыневший Черномский что-то страстно доказывал польски Христенку. Тот, соглашаясь, кивал. Они поцеловались.

И только один Доманский был совершенно трезв и не спускал глаз с принцессы. Но та не смотрела на него. Она жадно глядела на море, где, медленно совершая маневры, двигались русские корабли. И шептала жене консула Дика, с которой уже успела подружиться, шептала так, чтобы граф слышал:

– Да, да, я его люблю. И пусть я много страдала из-за любви, но я благословляю это страдание...

– Возвышенно! – шептала в ответ жена консула. – Ох, глядите: на кораблях опять стреляют. Всю жизнь я мечтаю побывать там, и каждый раз он мне только обещает, – сказала она, кивнув на супруга. – Вы все можете... Попросите графа когда-нибудь... Только мужу ни слова, он ужасно к нему ревнует. – И она указала глазами на Грейга.

– А вы его? – засмеялась принцесса. Жена консула потупила глаза.

– Как мы все беспомощны перед ними, – сказала принцесса. И вдруг громко обратилась к графу: – У меня есть желание, граф. Я хочу сейчас же побывать на корабле. Я хочу все увидеть своими глазами.

Наступила тишина. Жена консула захлопала в ладоши. Доманский побледнел.

– Но, Ваше высочество, – начал Орлов, – это невозможно. На кораблях идут маневры. Стреляют пушки, это опасно.

– Я не узнаю вас, граф. Слово «опасно» странно звучит в устах героя, – надменно начала принцесса.

«Ну, все точно! Чтоб ей до смерти захотелось, надо сказать „нет“. Ох и граф!» – усмехнулся Христенек.

– Граф прав, – резко сказал Доманский.

– Клянусь доставить принцессу живой и невредимой на сушу, – сказал дотоле молчавший Грейг.

На лице принцессы промелькнуло сомнение.

– Ты не поедешь на корабль, – торопливо зашептал Орлов, – чтобы ни обещала тебе эта старая лиса! Я тут хозяин... Точнее, поедешь, только с одним условием: венчаться!

– Как... сейчас? – беспомощно спросила принцесса.

– А почему не сейчас? Корабельный священник ждет нас. Сегодня я объявлю свою волю флоту. Твою волю. Иначе не быть тебе на корабле!

Лицо принцессы вновь стало величественным, спокойным. И, с презрительным торжеством взглянув на Доманского, она шепнула графу:

– Что ж, решено!

И, поднявшись из-за стола, сказала, почти приказала:

– Мы все едем на корабль, господа!

– Не забудьте про чин, – прошептал сзади Христенек. Она засмеялась. Теперь она была совсем спокойна.

Все шумно вставали из-за стола. Доманский растолкал совсем захмелевшего Черномского.

– Мы едем, идиот.

– Куда?

– Вот это я тоже хотел бы знать, – сказал Доманский. И поправил пистолет под кунтушем.

– Как... и вы, господа? – спросил Орлов, с усмешкой глядя на поляков.

– И мы, – ответил Доманский.

– Тогда... – Орлов приказал Христенеку, – две шлюпки к набережной. – И, повернувшись к Грейгу, объявил: – Поднять флаг на адмиральском корабле. И чтоб все офицеры были в парадных мундирах. Ее императорское высочество крабам своим ехать изволят...

Шлюпки приближались к адмиральскому кораблю. Матросы выстроились на палубе.

– Ура! – разносилось в воздухе.

– По-царски встречают внучку Петра, основателя флота Российского, – шептал Орлов. Глаза его стали безумными. – Ох, если бы ты знала, что я сейчас чувствую...

И он сжал ее, будто загораживая своим телом от высокой волны.

Орлов, принцесса и адмирал Грейг идут по палубе вдоль фронта почетного караула. И опять гремит «ура!»...

Орлов и принцесса стоят на корме. Вокруг толпятся офицеры.

– Наполнить кубки, господа... Граф Алексей Григорьевич любовь свою поминает, – обратился по-русски Орлов к офицерам.

– Что ты сказал? – спросила по-немецки принцесса.

– Любовь! – перевел ей Орлов. – Любовь, будь она проклята! – И, усмехнувшись, добавил: – За священником иду, сударушка!

– Сударушка... – повторила она нежно.

И смеясь, и посылая ей воздушные поцелуи, и все глядя на нее, будто не мог наглядеться, Орлов уходил от нее. Она улыбалась. И глядела в море.

Христенек смотрел, как медленно уходил граф и как глядела в море принцесса... «Счастлива...»

– Ваши шпаги, господа, – раздался голос сзади.

Не понимая, она повернулась на голос и увидела, как в толпе офицеров Доманский пытался выхватить пистолет и как Черномский нелепо тащил из ножен свою огромную саблю. Матросы уже висели у них на руках...

«Пора...» – подумал Христенек.

– Что выделаете, господа? – закричал он и будто попытался вырвать свою шпагу из ножен, и тоже был обезоружен.

И уже Доманский, с усмешкой глядя на принцессу, отдавал свой пистолет.

– Что происходит, господа? – почти беззвучно спросила принцесса.

Морской офицер, стоявший за ней, отрапортовал по-французски:

– По именному указу Ее императорского величества императрицы Екатерины Второй вы арестованы.

– Кто вы такой? – Она еще пыталась быть надменной.

– Капитан Литвинов, прибывший вас арестовать, – ответил офицер.

– Немедленно позовите Его сиятельство! – крикнула принцесса.

– По приказу командира корабля «Три иерарха» адмирала Грейга граф Орлов арестован как изменник государыни.

Принцесса лишилась чувств. Матросы бросились к ней. Ее унесли в каюту.

На палубе появился Грейг.

– Этих господ – в отдельную каюту! – Грейг указал Литвинову на поляков. – И караул приставить.

Доманского и Черномского увели.

И тотчас матросы отпустили Христенека.

– Что с ней? – спросил его Грейг.

– Да ничего – игра одна: глаза прикрыла, соображает, что дальше делать, – сказал Христенек – Глаз с нее не спускать... нрава она отчаянного.

– И закрыть проход в эту часть палубы. Караул при арестованных круглосуточно! – отдавал распоряжения Грейг. – Чтоб птица не пролетела!

В палатку принцессы в Пизе в большой зале столпились слуги. Христенек стоял у мраморного столика и с шутками и прибаутками выдавал деньги.

– А ну-ка, господа хорошие: служить – не тужить... Всех вас принцесса велела рассчитать по-царски.

В залу вошел Ян Рихтер.

– А ты мне и надобен, – ухмыльнулся Христенек. – Зови камер-фрау, собирайте вещи, на корабль велено доставить.

– У меня есть приказание: вещи принцессы я могу отдать только в собственные ее руки, – мрачно ответил слуга.

– И правильно, – весело нашелся Христенек – Тебя, дружок, не велено рассчитывать. Тебя да камер-фрау принцесса при себе оставляет. И велено вас доставить со всеми ее вещами на корабль, где нынче Ее императорское высочество с женихом своим графом Алексеем Григорьевичем и приближенными Доманским и Черномским – известны тебе такие имена? – готовятся отплыть из Ливорно в Турцию. А ну-ка, мрачный человек, собирай свою команду, да поживее. Принцесса передать велела: головой отвечаешь за сохранность вещей. Особенно береги баул! Веселее, господа хорошие. Эх, где ни жить – всюду служить!

Рихтер почесал затылок и молча пошел прочь из залы собирать вещи. Христенек вздохнул с облегчением.

Экипаж, груженный вещами принцессы, подъехал к набережной. По-прежнему на набережной толпились люди. И красавцы фрегаты продолжали свои учения в заходящем солнце...

Из экипажа высаживается Христенек, за ним Рихтер, не выпускающий из рук знакомый баул, и камеристка принцессы Франциска фон Мештеде.

У набережной их ждала шлюпка с матросами.

– А ну, родимые, помогайте гостям нашим вещички таскать! – кричит Христенек матросам.

Сгибаясь под тяжестью, матросы тащат в шлюпки огромные сундуки.

Рихтер стоит у шлюпки со своим баулом и с сомнением наблюдает всю эту картину.

– А откуда я узнаю, господин, что моя хозяйка на корабле? – вдруг спрашивает он.

– Ну что ж ты такой неверующий? – хохочет Христенек и обращается к толпе на набережной: – Эй, любезнейшие, что здесь происходит?

– Маневры в честь Ее высочества русской принцессы, – с готовностью отвечают из толпы.

– А где ж сама принцесса?

– На корабле, – словоохотливо начинают объяснять зеваки, – со свитой – на трех экипажах приехали... все с усищами, с саблями огромными...

Три коляски, украшенные гербами графа Орлова, стояли на набережной.

Рихтер вздохнул и пошел садиться в шлюпку. Шлюпки отчалили от набережной.

В каюте адмиральского корабля стоят раскрытые сундуки. По всей каюте разбросаны платья, шляпы, мантильи, амазонки. На отдельном столике – маленький баул, прежде находившийся у Рихтера. Около баула дежурит матрос...

Посреди этого моря женских туалетов за другим столиком сидит писарь. Перед ним зажжен тот самый шандал с экраном, где изображена гадающая принцесса.

– Опись вещам... – монотонно диктует Христенек Подлинная опись вещей принцессы, захваченных в Ливорно. По ней можно представить себе гардероб блестящей женщины галантного века, имевшей склонность к путешествиям.

– «Тафтяное платье полосатое... Палевые, с флеровой белой выкладкой, гарнитуровые черные, с такой же выкладкой робронды и юпки попарно... Кофточки и юпки попарно... Тафтяное розовое, с белой флеровой выкладкой... Юпки атласные...»

В каюту вошел Орлов...

Орлов: Последние письма

Орлов, усмехаясь, оглядел каюту.

– Письмо, Ваше сиятельство... от нее для вас, – сказал Христенек – Адмирал Грейг принес.

Орлов взял письмо, а Христенек продолжал рыться в вещах принцессы и диктовать:

– «Польские кафтаны – атласный, полосатый... Салоп атласный голубой... Четыре белых кисейных одеяла...»

Орлов смотрел на бумагу, исписанную торопливым почерком. Иные буквы расплылись – слезы ярости... Он читал письмо и одновременно слушал монотонный голос Христенека, перечислявший все эти модные вещи. Она вновь была перед ним. И он слышал ее голос...

«Вы, так часто уверявший меня в верности, где же вы были, когда меня арестовали?»

– «Кушак с золотыми кистями... Амазонские кафтаны... Камзолы с серебряными кистями и пуговицами... Две круглые шляпы, из коих одна белая с черными полями, а другая черная с белыми... Одна простыня и наволочки к ней полотняные... Одна скатерть...»

«... Не верю, не верю, вы не смогли бы так поступить! Но если даже все это правда, заклинаю вас всеми святыми: придите ко мне!»

– «Осмынадцать пар шелковых чулок... Десять пар башмаков шелковых надеванных... Семь пар шитых золотом и серебром не в деле башмаков...»

«... Я готова на все, что вы для меня приготовили. И на то, что вы отняли у меня навсегда свободу и счастье. И на то, что вы вдруг передумаете и освободите меня из ужасного плена, но что бы вы ни решили – придите!»

– «Лент разного цвета... 12 пар лайковых перчаток... Веер бумажный и веер шелковый... Три плана о победах Российского флота над турецким... На медной доске величиною с четверть аршина Спасителей образ... Книги – 16 – иностранные и лексиконы... Три камышовые тросточки – две тоненькие, одна с позолоченной оправой... Семь пар пистолетов, в том числе одни маленькие...»

Орлов подошел, поиграл пистолетами, кивнул на баул:

– Бумаги?

– Точно так, Ваше сиятельство, как вы повелели: никто не прикасался, – ответил Христенек. – И караул к ним сразу приставил.

– Ко мне в каюту! – приказал Орлов матросу. Матрос поднял баул и вышел.

– Ее люди, которые вещи доставили?..

– Сидят под стражей, – отвечал Христенек.

– Всех арестованных по разным кораблям развести. На адмиральском только ее оставить с камер-фрау. В каюту ей все вещи отнести. – Он огляделся и усмехнулся. – Да, одежды у нее предостаточно. Но в Петербурге ей совсем другая понадобится. Купишь салоп на меху на куньем – и пускай адмирал отдаст от меня. Ты свое дело заканчивай. Завтра письмо от меня в Петербург повезешь императрице вместе с бумагами разбойницы. С Рибасом поедете.

Орлов сидел в своей каюте, лихорадочно перебирал бумаги принцессы. Весь стол был завален этими бумагами.

– Кому только не писала... Да, свойства имеет отважные. Султану... Королю шведскому, королю прусскому, – перебирал он письма. – А это уже к ней... Вся Конфедерация здесь. Огинский, Радзивилл... А это вы, Ваше сиятельство...

Усмехнувшись, он сжег свои письма над свечой. И вновь погрузился в ее бумаги... Наконец он закончил разбирать таинственный баул. Но того, что искал, не было: никаких бумаг о ее рождении.

Он прошелся по каюте.

– Ну что ж: прав, Ваше сиятельство, ничего у нее нет, одна пыль в глаза... Копии кем-то составленных завещаний русских царей. Кем? Все теми же ляхами? Самозванка! Не ошибся, граф.

В каюту вошел Грейг.

– Я сейчас отпишу ей ответ на письмо, а вы передадите. Грейг помолчал, потом тихо сказал:

– Увольте, Ваше сиятельство.

– Я дважды не прошу, адмирал. Сами передадите и в высшей степени любезно. И романы в каюту ей доставите. Читать она охоча, а дорога-то дальняя. Я ее, слава Богу, знаю... Ей удаться ничего не стоит. А ее живую надо государыне привезти. Многие тайны знает эта женщина.

– Но откуда здесь романы, Ваше сиятельство? У нас на все корабли одна книга. И та – «Устав морской службы».

– К Дику пошлешь, у этой английской скотины все есть. Орлов начал писать письмо, а Грейг закурил свою трубку и молча ждал, пока граф закончит.

Из письма графа Орлова, написанного по-немецки на корабле: «Ах, вот где мы не чаяли беды... При всем том будем терпеливы. Я нахожусь в тех же обстоятельствах, что и Вы, но надеюсь получить свободу через дружбу своих офицеров. Всемогущий не оставит нас. Надеюсь, что адмирал Грейг из приязни ко мне даст возможность бежать. Он окажет и Вам всевозможные услуги, прошу только первое время не испытывать его верности. Учтите, он будет очень осторожен. Наконец остается мне просить Вас только об одном: заботиться о своем здоровье. Как только я получу свободу, буду разыскивать Вас по всему свету и служить Вам. Вы только должны заботиться о себе, о чем я Вас прошу всем сердцем. Ваши собственные строчки я получил из рук адмирала и читал их со слезами на глазах. Неужели Вы желаете обвинить меня?! Берегите себя. Не могу быть уверен, что Вы получите сие письмо, но надеюсь, что адмирал будет настолько вежлив и благороден, что передаст его Вам. Целую от всего сердца Ваши ручки». Граф подумал – и подписи не поставил.

Грейг хмуро взял письмо.

– Как только я покину корабль, снимитесь с якорей. Пока не просочились слухи на берег... Представляете, что будет со всей этой толпой? Они тут как порох! Грейг молчал.

– В порты постарайтесь заходить пореже. Через английского консула я уже отправил послание: в Портсмуте вы будете снабжены всем необходимым. Там и сделаете остановку, там и команда отдохнет. После чего, стараясь избегать новых остановок, двинетесь прямо в Кронштадт... И поспешайте, поспешайте, адмирал!

– У меня была нелегкая жизнь, граф, – усмехнулся Грейг, – но никогда я не выполнял более трудной миссии.

Корабли снимались с якорей в заходящем солнце.

Дворец Орлова в Пизе.

Стояла глубокая ночь. В своем кабинете граф принимал Рибаса и Христенека.

Христенек докладывал:

– Корабли благополучно ушли, Ваше сиятельство. Эскадра находится в открытом море.

– Говорят, толпа на набережной в Ливорно по-прежнему не расходится, – усмехнулся граф.

– О сем гонец из Ливорно ничего не поведал... – начал Христенек.

Но Рибас, тут же сообразивший в чем дело, перебил его:

– Так точно, Ваше сиятельство. Есть сведения: большое недовольство в городе. Итальянцы как дети. Уж очень полюбились им таинственная принцесса.

– Полюбились злодейка, – поправил Орлов и продолжал: – Усилить караулы вокруг дворца! Я жду больших волнений, господа. Тем более что вокруг нее было много отцов иезуитов, а сии... – Он помолчал. – Итак, я отправляю вас обоих в Петербург. – Он обратился к Христенеку: – Ты повезешь письмо государыне. А Рибас будет отвечать за бумаги разбойницы. Вы должны прибыть в Петербург как можно скорее, чтоб следствие основательно подготовилось к приезду разбойницы и еще чтоб государыня знала, в каком бедственном положении я тут пребываю. Расскажите подробно, каким опасностям я тут теперь подвергаюсь. Думаю, что оставаться мне сейчас в Италии никак невозможно.

«Итак, Его сиятельство решил при помощи сего дельца в Петербург пожаловать. И роскошное свое изгнание прекратить...» – улыбнулся про себя Рибас.

– Выспитесь хорошенько, господа, и наутро в путь!

Рибас и Христенек ушли. Граф остался один. И начал писать письмо императрице.

Письмо графа Орлова Екатерине Второй. Февраля 14 дня 1775 года. Из Пизы.

«Угодно было Вашему императорскому величеству повелеть доставить называемую принцессу Елизавету. И я со всею моею рабской должностью, чтоб повеление исполнить, употребил все возможные мои силы и старания. И счастливым теперь сделался, что мог я оную злодейку захватить со всею ее свитою... И теперь они все содержатся под арестом и рассажены на разных кораблях. Захвачена она сама, камердинерша ее, два дворянина польские и слуги, имена которых осмеливаюсь здесь приложить. А для оного дела употреблен был штата моего генеральс-адъютант Иван Христенек, которого с оным донесением посылаю и осмелюсь его рекомендовать яко верного раба и уверить, что поступал он со всевозможной точностью по моим повелениям и умел весьма удачно свою роль сыграть».

Орлов походил по комнате. Оставалось главное.

«...Признаюсь, Всемилостливейшая государыня, что теперь я, находясь вне отечества, в здешних местах сильно опасаться должен, чтоб не быть от сообщников сей злодейки застреляну или окормлену ядом... И посему прошу не пречесть мне в вину, если я по обстоятельству сему принужден буду для спасения моей жизни, команду оставя, уехать в Россию и упасть к священным стопам Вашего императорского величества».

Он еще походил по комнате.

«...Я сам привез ее на корабли на своей шлюпке вместе с ее кавалерами. В услужении у нее оставлена одна девка, камер-фрау. Все же письма и бумаги, которые у нее захвачены, на рассмотрение Вашего величества посылаю с надписанием номеров. Женщина она росту небольшого, тела очень сухого...»

Он опять видел ее лицо. И тем последним, страшным, сводящим с ума движением она припала к нему...

«...Глаза имеет большие, открытые, косы, брови темнорусые. Говорит хорошо по-французски, немецки, немного по-итальянски, хорошо понимает по-аглицки и говорит, что арабским и персидским языками владеет. От нее самой слышал, что воспитана в Персии, а из России увезена в детстве. В одно время была окормлена ядом, но ей помощь сделали. Когда из Персии в Европу ехала – была в Петербурге, в Кенигсберге, Риге, а в Потсдаме говорила с королем прусским, сказавшись ему, кто она такова. Знакома очень со многими князьями имперскими, особливо с князем Лимбургским. Венский двор в союзниках имеет и всей Конфедерации польской хорошо известна. Сама открылась мне, что намерена была ехать прямо к султану отсель. Собственного ж моего заключения об ней донести никак не могу, потому что *не смог узнать в точности, кто же она в действительности*. Свойства она имеет довольно отважные и свою смелостью много хвалится, этим – то самым мне и удалось завести ее, куда желал».

Граф еще походил по зале. Дальше начиналось самое сложное... Он писал, рвал бумагу и опять писал.

«...Она ж ко мне казалась благосклонною, для чего и я старался казаться перед нею весьма страстен. Наконец уверил я ее, что с охотою женился б на ней, чему она, обольстясь, поверила. Признаюсь, что оное исполнил бы, чтоб только достичь того, чтоб волю Вашего величества исполнить. Я почитаю за обязанность все Вам донести, как перед Богом. И мыслей моих не таить... А она уж из Пизы расписала во многие места страны о моей к ней преданности. И я принужден был ее подарить своим портретом, каковой она при себе и имеет, и если захотят в России ко мне не доброхотствовать, то могут придаться к сему, коли захотят. При сем прилагаю полученное мною от нее письмо уже из-под аресту, а она и по се время верит, что не я ее арестовывал. Тож у нее есть письмо моей руки на немецком языке, только без подписывания моего имени: что-де постараюсь уйти из-под караула и спасти ее... Прошу не взыскать, что я вчерне мое донесение к Вашему императорскому величеству посылаю. Ибо опасаясь, чтобы враги не проведали и не захватили курьера моего с бумагами. Посему двух курьеров посылаю. И обоим письма черновые к Вашему величеству вручу...»

Он опустил голову на руки и долго молча сидел, потом встал и подошел к зеркалу. На каминной доске стоял тот самый шандал с экраном, на котором была изображена принцесса. Рядом с шандалом – высокий бронзовый канделябр.

– Холоп. – Он подмигнул себе в зеркало. И расхохотался. Потом поднял канделябр и швырнул в зеркало – в свое отражение. в ту ночь во дворце слуги не спали. Они попрятались в дальних покоях и со страхом слушали, как буйствовал граф до утра в своем кабинете.

Франциска фон Мештеде: Призрак свободы

Франциска фон Мештеде сидела у занавешенного окна и смотрела, как принцесса в бешенстве разгулиwała по каюте.

У принцессы начался приступ кашля. Кашель раздирал ее... Наконец, совладав с кашлем, принцесса уселась за столик. Попыталась читать, но отбросила книгу. И вновь заходила по каюте. Франциска с испугом следила за госпожой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.